

С.Д. СУЛИМЕНКО

БАШНИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Символизация пространства
в домостроительном творчестве горцев

ПРОЕКТ/PP/ПРЕСС
СТ. ЗАМЕСЛА / ПОС. ВЫПОЛНЕНИЕ

ВЛАДИКАВКАЗ

1 · 9 · 9 · 7

63.4 (2P37)

С 89

Издатель **Ж.Г.КОЗЫРЕВА**

Рецензенты: **Е.И.Миронов**, член-корреспондент Академии архитектуры и строительных наук; **В.Х.Тменов**, доктор исторических наук

Сулименко С. Д.

С 89 Башни Северного Кавказа (символизация пространства в домостроительном творчестве горцев) — Владикавказ: Проект-Пресс, 1997 - 150 с.

ISBN 5-88734-010-X

63.4(2P37)

ISBN 5-88734-010-X

© С.Д.Сулименко, 1997

© В.А.Цагараев. Оформление, 1997

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5

Введение 7

1. Башенный архетип в домостроительном творчестве горцев Северного Кавказа

1.1. Культурно-исторический аспект домостроительного творчества 10

1.2. Мифологические представления пространства в нартском эпосе 20

1.3. Символика «пространства-поведения» горцев 30

1.4. Башенный архетип пространства 44
Примечания 59

2. Символика форм башенной архитектуры Северного Кавказа

2.1. Канонизация форм башенного архетипа 65

2.2. Архитектурный образ башенного архетипа в домостроительном творчестве горцев 72

2.3. Символизация формы башенного завершения 81
Примечания 91

3. Архитектура башенных сооружений Северного Кавказа

3.1. Архитектура жилых-родовых башен 94

3.2. Архитектура родовых-боевых башен	103
3.3. Архитектура сторожевых-родовых башен	111
3.4. Архитектура родовых башенных комплексов	121
3.5. Архитектура сакральных башенных сооружений	133
Примечания	144
Заключение	147
Иллюстрации	150

Светлой памяти моего отца посвящается

ОТ АВТОРА

Монография — результат многолетней научно-исследовательской работы, которая стала возможна благодаря творческой атмосфере коллектива и поддержке руководства Ростовского архитектурного института. Научная новизна и теоретическая ценность исследования во многом была достигнута авторским методологическим подходом к изучению огромного фактографического и культурно-описательного материала по истории, архитектурно-домостроительной культуре, этнографическому наследию горских народов Северного Кавказа.

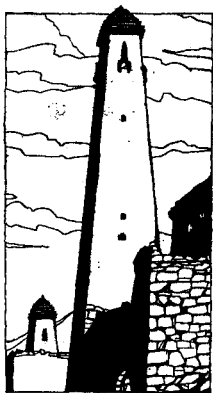
Автор выражает признательность и благодарность академику РАО, доктору психологических наук Н.Н.Нечаеву и члену-корреспонденту Академии архитектуры Е.И.Миронову за моральную и идеологическую поддержку, оказанную ему в разработке методологии и концепции исследования.

На разных этапах исследования автор получил ценные научные консультации и поддержку от ведущих специалистов Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства: доктора архитектуры О.Х.Халпахчян, зав. отделом А.А.Воронова, старшего научного сотрудника А.И.Куркчи, доктора архитектуры В.Л.Хайта. Автор признателен зав. отделом археологии и этнографии Северо-Осетинского института гуманитарных исследований доктору исторических наук В.Х.Тменову за критические замечания и рецензирование результатов первого этапа работы в 1989 г., учет которых способствовал должной научной аргументации гипотез исследования, представленной в поглавных примечаниях монографии.

Следует особо отметить участие архитектора В.И.Сергиенко в

сборе и обработке как архивных материалов, так и натурных обследований памятников башенной архитектуры Северного Кавказа, а также его помощь в организации и проведении экспедиций 1988 – 1991 гг. с участием студентов РАИ. В литературной редакции монографии профессиональная помощь была оказана редактором РАИ Л.Г.Ковалевой. Особую признательность автор выражает издателю Ж. Г. Козыревой, ректору СГТУ З. М. Хадонову и ректору Ростовского государственного института В. А. Колеснику, организационно-финансовой поддержке которых обязана своим выходом в свет эта книга, и преподавателю кафедры теории и истории архитектуры РАИ В.В.Пищулиной за помощь на заключительном этапе работы.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение и освоение культурного наследия прошлого — залог духовного возрождения общества, основа его полноценного развития. Развитию духовной культуры народов России как одной из задач комплексной научно-исследовательской программы «Народы России» и посвящена настоящая монография, автор которой стремился не только дать фактографическое описание конкретных проявлений народной культуры, но и показать своеобразие способов выражения мировоззренческих идеалов и представлений народов в одном из видов его творческой деятельности — домостроительстве, — полагая при этом, что оно дает представление о менталитете горцев, пространственные представления которых находят свое самобытное выражение именно в этой области. Цель исследования состоит в выявлении глубинных до-профессиональных пространственных представлений горцев Северного Кавказа посредством изучения процессов символизации пространства на материале башенной архитектуры.

Северный Кавказ — один из немногих регионов России, где сохранились удивительные памятники народного домостроительного творчества — башни. Одиночные башни и башенные ансамбли — неотъемлемая часть пейзажа высокогорных районов Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабардино-Балкарии. Издавна эти сооружения привлекали внимание путешественников и исследователей. Описание кавказских башен встречают-

ся уже в книгах античных авторов. В настоящее время существует обширная литература, в которой в той или иной степени башни являются предметом исследования ученых различных специальностей: историков, этнографов, археологов, архитекторов, искусствоведов, культурологов. Интерес к этим замечательным сооружениям не ослабевает и по сей день. Более того, накопленный фактический материал об архитектуре и истории башенных сооружений только сейчас позволяет осознать действительное значение данного явления в мировой культуре.

Башня — один из наиболее устойчивых и универсальных пространственных архетипов культуры. Башня — одна из «вечных» форм пространства, которая трансформируется и видоизменяется, приобретает новые значения, достигающие нередко уровня общенациональных символов. Башня — обязательная форма пространства самых различных исторических эпох и связанных с ними культур. Достаточно вспомнить башенные сооружения древневосточных деспотий и средневековых замков Западной Европы, башенные жилища древнейших поселений родоплеменной эпохи, башни-минареты арабо-мусульманских стран, башни-колокольни Древней Руси, башни-пагоды и башни-ступы Индии и Китая. Особое значение «башни» в мировой культуре заключается в таких общепринятых символах и близких к ним явлениях, как библейская Вавилонская башня, проект башни-памятника III Интернационалу, а также знаменитые Эйфелева и Спасская башни, Биг-Бен и т.п. До того как стать общенациональным символом (как это случилось на Северном Кавказе), башня была древнейшим видом жилища. На Кавказе башня — одно из древнейших и своеобразнейших проявлений домостроительного творчества горцев.

Современный человек склонен рассматривать домостроительство вообще и строительство башен в особенности с утилитарной, прагматической точки зрения. Дом — средство защиты от непогоды, башня — оборонное сооружение: такова упрощенная логика нашего рационально-прагматического мышления. Но слово «дом» на всех языках несводимо к значению утилитарной постройки. Оно имеет целый спектр значений, включающих понятия и семьи, и хозяйства, и сообщества; дом — это мир человека, пространство его космоса. Поэтому наличие у слова «дом» такого обилия значений не случайно, поскольку в домостроительном творчестве человек всегда выражал свое понимание мира и свое место в этом мире.

Во все исторические эпохи мировоззренческие аспекты получали свое выражение в домостроительном творчестве, и лишь XX век с его «верой» в научно-технический прогресс свел создание жилища к чисто строительно-технологическому процессу, пришел к крайне убогому пониманию дома «как машины для жилья». В настоящее время техницистские представления вытесняются философско-гуманистическими устремлениями человека создать дом как «свою вселенную», как символическое пространство отношений собственно «я», общества и природы. Для горцев Северного Кавказа дом был и остается не столько утилитарным пространством, сколько культурно-символическим пространством культурных норм и традиционных ценностей.

Башенное жилище и различные типы башенных сооружений горцев Северного Кавказа выступают одновременно и как региональные, и как общечеловеческие значимые проявления народной культуры. Общечеловеческое значение архитектуры всегда передается в них своеобразными формами конкретного региона, специфические же особенности региона выражаются не автоматически, а избирательно и индивидуально.

Чем определяется эта избирательность? Пространственной ментальностью, чувством пространства как важнейшей составляющей общего мироощущения народа. *Чувство пространства и форма его выражения* (как заметил философ Бринкман) находятся в таком же соотношении друг с другом, как *мышление и речь*. Чувство пространства реализуется в домостроительном творчестве народа в форме своего выражения.

Как нам представляется, предпринятое исследование башенной архитектуры позволит выявить особенности пространственного менталитета горцев и соответственно глубже и полнее показать своеобразие домостроительного творчества народов Северного Кавказа в культурном наследии России и мирового сообщества.

1. БАШЕННЫЙ АРХЕТИП В ДОМОСТРОИТЕЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

1.1. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДОМОСТРОИТЕЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

В прошлом возведение каких-либо сооружений фактически сводилось к домостроительству и было сферой народного творчества. Выделение строительства как ремесла, а затем профессии связано с возникновением государства, но и тогда в профессиональную сферу деятельности входили лишь культовые и отчасти оборонные сооружения. Зачатки профессионализации строительной, а затем и архитектурно-строительной деятельности зарождаются в эпоху образования государств и опять же охватывают лишь узкий слой материальной культуры (культовые и оборонные сооружения, а также жилые здания для высших слоев общества). Домостроительство вплоть до середины XIX века, а в большинстве стран третьего мира и до настоящего времени, остается сферой народного творчества, в которой реализуются представления о пространстве и времени.

Происхождение башенных сооружений связано с народной домостроительной традицией. Как убедительно показано в исследовании М.И. Джандиери и Г.И. Лежавы [1], башни встречаются в домостроительном творчестве всех народов. Время возникновения башенных сооружений — родовая, догосударственная эпоха истории этих народов.

Родовая эпоха — наиболее длительный период в истории человечества. Именно в эту эпоху формируются устойчивые формы — простран-

ственные архетипы народной домостроительной культуры, один из которых — форма башенного пространства. Пространственные архетипы домостроительной культуры выражали, закрепляли и сохраняли наиболее характерные пространственные представления родовой эпохи.

В родовую эпоху пространственные представления были качественно иными по сравнению с современными. Реконструировать эти представления позволяют многочисленные антропологические, этнографические исследования традиционных культур [2], мифологии, памятников народного творчества [3].

Так, французским исследователем А.Леруа-Гураном в зависимости от способа жизнедеятельности и географического положения, занимаемого родоплеменным коллективом, предложены две основные модели конструирования пространства и времени: «маршрутная» и «радиальная» [4]. Маршрутное восприятие характерно для кочевого образа жизни, в то время как радиальное присуще оседло-земледельческому быту и трудовой деятельности, его обуславливающей.

Мифологичность сознания человека родовой эпохи определила мифологичность пространственных образов. Мифологическая форма осознания действительности есть выражение синкретичности деятельности родового человека: конкретная практическая деятельность людей и идеальные представления о ней не осознаются раздельно, поэтому всякое «всеобщее» осмысливается как «конкретное», «сущее», как «явление».

Миф этого периода — не часть фольклора или искусства, миф — единственная форма сознания родового человека. «Первоначально никаких повествовательных функций миф в себе не несет. Это чистейшая условность, что мы называем мифом только словесно выраженный рассказ. На самом деле таким же мифом служат и действие, и вещи, и речь, и «быт» первобытного человека, то есть все его сознание и все то, на что направлено его сознание. Потому-то и принято такое сознание называть мифотворческим, а эпоху, порождающую мифотворческое сознание, — мифотворческой» [5].

Обозначим хотя бы схематично некоторые черты мифотворческого освоения действительности, которые наиболее выпукло описаны в исследовании О.М.Фрейденберг [6].

Наиболее существенная черта мифологического мышления — образность, отсутствие отвлеченных понятий. Причем мифологичес-

кие образы — образы особого рода. Они лишены метафоричности, которая возникает лишь с появлением понятийного мышления. Мифологические образы — это образы пространственно-чувственного восприятия. Мир видимый становится и миром образным. Мифологичность заключается в слиянии конкретной реальной действительности с вымыслом, с образами родового сообщества. Мифологическая картина мира в какой-то мере сравнима со сказочным миром нашего детства. Мифологическое сознание как бы «мыслит» самими зрительно воспринимаемыми вещами и предметами, их «внешним видом». Поэтому такие представления, как *время и пространство*, также имеют свои вещные образы.

Домостроительство этого периода — это, если можно так выразиться, мифологическая архитектура, это одновременно и реальное, и воображаемое пространство «космоса». Домостроительное творчество мифологической эпохи не знает утилитарности в его современном понимании. Практическая потребность людей осуществлялась мифологично — в слившихся образах реальных и вымышленных потребностей. Архитектурное пространство мифа тождественно мифологическим образам; это их реальная модель, конструкция которой не имеет причинно-следственной логики. Мифотворчество антиказуально по своей сути.

Народное домостроительное творчество и его результаты — народная архитектура — являлись не только отражением мифологии, но и активным средством развития самого мифологического мышления.

Мифологические образы домостроительного творчества — это образы-структуры пространства «космоса». Образы домостроительного творчества слиты с его *образцами-моделями* — конкретными сооружениями жилища родовой эпохи и ритуальными строительными обрядами по их возведению. Процесс строительства жилища выступает как процесс мифологического проигрывания жизни, олицетворяющей мифотворческий круговорот космического порядка. Пространство космоса и пространство жизни сходятся в пространстве жилища и многократно воспроизводятся при мифотворческом сооружении жилища и его эксплуатации. В исследовании А.К.Байбурина [7] реконструированы основные моменты мифологического моделирования жилища. В нем на примере сохранившихся до рубежа XIX — XX веков в народном домостроительном творчестве обрядов «строительной жертвы» убедительно показано, что в глубокой

древности сооружение жилища трактовалось как творение мира из жертвы животного или растения-тотема, а сам процесс строительства — как процесс установления «космического порядка».

Поэтому еще в XIX веке слова «строй» и «строить» употреблялись в русском языке как в отношении города, дома, так и в отношении государства, церкви и идеологии. Слово «строй» выражает упорядоченность самых различных явлений: «воинский строй», «музыкальный строй», «строй божьих дел», «у всякого свой строй в голове» [8]. А выражение «строить дом» в первую очередь означало «править хозяйством дома» — «домостройничать».

Строительство мифологической эпохи начиналось с жертвоприношения, обряда, мифологический смысл которого заключался в создании микрокосмоса — жилища из составных частей жертвы-тотема. Организующую роль в полном архаическом варианте обряда [9] играло так называемое мировое древо — характерный образ мифологии практически всех народов мира [10]. Оно было представлено или срубленным деревом-тотемом, или опорным столбом, изготовленным из ствола дерева-тотема. Мировое древо одновременно являлось и жертвой-тотемом, и центром мифологического космоса, его универсальной структурой, откуда осуществлялось «создание» жилища из частей жертвы. Мировым деревом как бы маркировался центр мифологического и реального пространства, из которого определялись геометрические границы будущего дома. В мифологическую эпоху и «макрокосмос — окружающий человека мир», и «микрокосмос — жилище человека» осознавались как «развертывание из тела жертвы». Жертва — это тело и космоса, и будущего жилища. Отсюда облик дома принимает облик жертвы-тотема, а значит, жертвы-человека. Во многих языках сохранились слова, общие для обозначения частей тела человека и жилища. В русском языке это следующие термины: «лоб», «лицо», «окно» (око), «усы», «устье» (уста), «чело», «ноги», «зад». Аналогичные явления характерны и для языков народов Северного Кавказа, например, на чеченском каменная колонна в жилище типа «желе» называется «ког», что в переводе означает «ноги»; а у осетин название центрального столба в жилище переводится как «ангел головы» и т.д., и т.п.

В домостроительном творчестве горцев Северного Кавказа мифологический обряд «строительной жертвы» сохранился отчасти и в трансформированном виде, получив отражение в обычаях, суевериях и обрядах, связанных с выбором места под строительство нового

дома и с началом его строительства. Многие из этих обычаев и обрядов были актуальны еще в начале XX века, а некоторые в той или иной мере имеют хождение и сегодня. Для домостроительных обычаев горских народов характерна общая тенденция видоизменений материального субстрата и форм проявления «строительной жертвы», вызванных изменениями образа жизни и производственной деятельности того или иного народа. На смену человеческим и животнототемным жертвоприношениям древнейшей эпохи приходят жертвоприношения в виде земледельческих культур (ячмень, пшеница, просо и т.д.), домашних животных (бык, баран, птица), продуктов животного (молоко, яйца) и растительного (хлеб) происхождения.

Всякое строительство начинается с *выбора места*. У народов Северного Кавказа этот важнейший момент освоения пространства осуществлялся двумя типами обрядов — либо с домашними животными (отзвук тотемизма), либо через так называемые обряды испытания места.

Первый тип особенно был распространен у балкарцев [11]. Он заключался в следующем: на участок усадьбы запускали быка и следили за тем, где он остановится и ляжет. Место, где он ложился, считалось «счастливым» для будущего жилища, но прежде чем начать строить, на этом месте резали барана и по его лопатке гадали, где заложить первый камень, т.е. совершали обряд «строительной жертвы» через приношение в жертву домашнего животного.

В этнографических исследованиях можно встретить рационалистическое объяснение этого обряда [12], причем научную достоверность такого объяснения основывают данными опроса местных жителей. Так, рационально-практическое значение обряда выбора места с помощью быка, по опросу старожилов селения Черек Балкарского ущелья, заключается в том, что животное выбирает для отдыха наиболее сухое и, следовательно, наиболее пригодное для жилища место. Между тем если учесть, во-первых, что сухость места опытный земледелец и скотовод-горец мог определить сам, причем с большей степенью достоверности, чем это делается на основании поведения животного, и, во-вторых, что возможности выбора места в горах (в условиях дефицита удобных земель) были ограничены и очень часто сам выбор места нового строительства предопределялся существующей застройкой и размерами участка, то данное рационалистическое объяснение обряда не выдерживает критики.

Современные исследования мифологии показывают, что роль животных в мифологическом сознании была чрезвычайно велика [13]. Так, образ животного выступает и в качестве мифологического кода важнейших сообщений, и в качестве культурного героя, т.е. животное мыслится как основатель тех или иных ремесел. Можно предположить, что именно эти мифологические аспекты определяют исходное значение и структуры балкарского обряда выбора места строительства с помощью быка.

Особая ситуация — обряд «определения места строительства» — придает поведению животного сакральный смысл, через поведение этого животного осуществляется мифологическое кодирование сообщения: «счастливое-несчастливое место». «Осуществляя» выбор места строительства, животное как бы выступает в качестве прастроителя, в качестве основателя строительного ремесла.

Второй тип обряда — «испытание места» — имел хождение в различных вариантах почти у всех народов Северного Кавказа. У осетин [14], кабардинцев [15], чеченцев [16] и балкарцев [17] бытовал обряд испытания места с помощью глиняного кувшинчика, наполненного водой или молоком. На месте предполагаемого строительства в землю зарывали запечатанный воском кувшинчик. Через несколько дней кувшинчик доставали из-под земли, вскрывали и определяли объем жидкости. Если оказывалось, что воды или молока стало меньше, то место считалось «несчастливым» и тогда приступали к поиску нового места. Другой вариант обряда испытания места был связан с сырым яйцом, которое закапывали в землю, а через трое суток извлекали. В случае уменьшения содержимого яйца место также считалось непригодным для жилища. Этот обряд был распространен у адыгейцев и черкесов [18], которые с его помощью различали «счастливое» («мафэ») и «несчастливое» («мыго») место.

Обряд испытания места кувшинчиком с водой или молоком — явно мифологического происхождения, так как *сосуд с водой* — древнейший мифологический символ плодородия и изобилия [19]. Когда сосуд с водой зарывают в землю, то тем самым как бы «проверяют» символические качества данного места. Если вода в кувшинчике осталась в первоначальном объеме, то это означает, что данное место обладает «силой сохранения» плодородия и изобилия — необходимого условия счастливой жизни в новом доме. Использование в этом обряде наравне с *водой и молоком* имеет, на наш взгляд, двоякое объяснение. Во-первых, мифологема воды как всеобщего зачатия и по-

рождения выступает в роли женского начала, которое, в свою очередь, может фигурировать в образах молока женщины и молока вообще [20]. Молоко, наравне с водой, являлось мифологическим символом плодородия. Во-вторых, скотоводство, будучи основной производственно-хозяйственной деятельностью горцев, могло придавать использованию молока в данном строительном обряде особый символический смысл. Использование в обряде *яйца* имеет значение, аналогичное воде, которая, как мифологическая ипостась женского начала, может выступать и в образе оплодотворенного *яйца мирового*.

Кроме того, по отношению к месту строительства существовали обряды «очищения» места от «злых духов». У осетин обряд очищения огнем заключался в том, что на выбранном месте перед началом строительства разжигали костер [21]. У карачаевцев «очищение» места представляло собой целый ритуал, связанный с разбивкой плана дома, которая поручалась самому почитаемому в селении старику со «счастливой» рукой. Забивая в землю первый угловой кол, старик произносил специальную здравницу — «хохи» — пожелания хозяевам будущего дома богатой и счастливой жизни на новом месте.

До начала XX века при возведении традиционного жилища горцы обходились без фундаментов, роль которых выполняли чаще всего непосредственно скальные основания, реже — специально подобранные твердые водостойкие материалы (каменные валуны, бревна дуба или смолистой сосны). Поэтому обряд собственно «*строительной жертвы*», обычно выполняемый при закладке фундаментов, в домостроительном творчестве горцев происходил при подготовке под строительство дома его основания. У карачаевцев есть несколько вариантов этого обряда, таких как высевание под основание всего дома (если позволяет почва) ячменя, а при каменистом основании — закладка в углы будущего дома зерен пшеницы, в более позднее время — монет, а также окропления основания медом или, если дом предназначался молодоженам, специальным хмельным напитком — «бузой» [22]. Сходные обряды существовали у ингушей. При строительстве жилых башен, если на скальном основании существовал слой почвы, то его поливали молоком до тех пор, пока оно не переставало просачиваться, а затем слой, пропитанный молоком, срывали [23]. Но основную роль «строительной жертвы» в домостроительных обрядах горцев выполняет обряд *застолья* по случаю начала и окончания строительства нового дома. В том или ином виде обряд

«строительного» застолья имеется у всех народов Северного Кавказа. Строительство жилого дома начиналось при участии всех родственников и ближайших соседей (которые, как правило, и были родственниками) хозяина. Если селение маленькое, то на закладку дома собирались все его жители. Хозяин не должен был платить односельчанам за помощь в строительстве дома, но обязан был устроить праздничное застолье с жертвенным бараном, музыкой и танцами.

Как уже говорилось выше, обряд *строительной жертвы* непосредственно связан с существенной составляющей домостроительного творчества мифологической эпохи — образом мирового дерева. Образ мирового дерева проявляется в таких вариантах, как «дерево жизни», «дерево плодородия», «дерево центра» [24] и т.д. Образ мирового дерева — важная составляющая *мифологической модели пространства*, отсюда — многочисленные архитектурно-пространственные и архитектурно-пластические инварианты его: колонна, обелиск, цепь, лестница, трон, крест и т.п.

В домостроительном творчестве горцев образ мирового дерева получил выражение в виде различных вариантов *центрального столба, очажной цепи и башни*.

Мифологический образ мирового дерева имеет *вертикальную и горизонтальную структуры* [25].

Вертикальная структура мирового дерева членится на три части: *нижнюю* (корни), *среднюю* (ствол), *верхнюю* (ветви), которые соотносятся с тремя пространственно-временными сферами: *недра* (прошлое), *земля* (настоящее), *небо* (будущее). В культурно-символическом аспекте троичность вертикальной структуры мирового дерева выступает как образ гармонии и совершенства [26], отсюда магия числа «три» — три части жилища (основание — стены — кровля), три героя сказки, три высшие ценности, три сословия, три попытки, три части архитектурного ордера, три этажа башни, три составляющие любого процесса (в том числе и домостроительного).

В качестве примера трехчастной тождественности в мифологическом сознании представлений о «времени», «пространстве» и «структуре дома» может служить следующий обычай адыгейцев, описанный еще в первой половине XIX века [27]: «Когда мы приехали во двор временного суда, то уже упала сгоревшая соломенная крыша, чем мы получили самое явное доказательство того, что суд окончился, так как соломенная крыша надевается только в подобных случаях».

Мифологический смысл этого обычая заключается в следующем. Правосудие как действие, наделенное особым значением, должно происходить в упорядоченном пространстве, в пространстве микрокосма, имеющем «начало», «середину» и «конец»; моделью этого пространства в данном случае является временная постройка, имеющая трехчастную структуру: «опоры», «основание» и «крышу». Уничтожение крыши — это «конец», завершение всякого «космического» события, в данном случае таким событием-действием служит правосудие.

Горизонтальная структура мирового дерева состоит из центра - ствола — и объектов по сторонам его: *слева — справа; впереди — сзади*, т.е. имеет четырехчастное членение и соотносится с геометрической фигурой — *квадратом или прямоугольником*. Отсюда число «четыре» и соответствующая ему фигура «квадрат» выступают как образ центричной картины мира, образ целостности, образ освоенного культурного пространства. Таким образом, вертикальная и горизонтальная структуры мирового дерева — суть средства выражения различных аспектов мифологии: вертикальная — средство моделирования пространственно-временной космологии; горизонтальная — средство организации ритуала как нормативной основы поведения.

Синтез этих двух структур мирового дерева может быть представлен как сумма их двух числовых выражений: «три» плюс «четыре» равно «семи» [28]. Следовательно, число «семь» становится количественным символом «полной» мифологической модели космоса в его пространственно-временных и процессуально-ритуальных ипостасях. Отсюда наличие в нартском эпосе упоминания о семиярусной башне Сатаны (о чем пойдет речь в разделе 1.2.) приобретает особый мифологический смысл.

Обе структуры образа мирового дерева, описанные в исследованиях по мифологии и культурологии [29], имеют непосредственное отношение как к домостроительному творчеству вообще, так и к домостроительному творчеству горцев Северного Кавказа в частности.

В домостроительном творчестве горцев, и в варианте центрального столба, и в особенности в варианте очажной цепи, образ мирового дерева представлен фактически лишь горизонтальной структурой. Отсюда образ мирового дерева становится организующим началом ритуала, реализуемого в развитии этикета горцев. Пространство традиционного жилища горцев становится структурой символи-

ческих оппозиций: мужчины и женщины; отца и детей; хозяина и гостей и т.д. Смысловой и пространственной осью этой структуры служит центральный столб или очаг с надочажной цепью, что нашло отражение в их названиях и символических значениях. Наиболее архаичное название центрального столба сохранилось у кумыков: и столб, и, в случае его отсутствия, предполагаемое место, где он должен был стоять, назывались «орта - Богана» [30], что означает «срединный столб», т.е. в данном названии столба отражена космологическая роль мирового дерева как центра Вселенной. Напротив, у большинства народов Северного Кавказа центральный столб имеет название, соответствующее его основной пространственно-символической функции, — фиксировать основные нормы поведения патриархальной семьи. У аварцев центральный столб в переводе означает «столб корня» (в значении рода), у балкарцев — «столб-отец», у осетин — «ангел головы» (в значении главы рода). Центральный столб становится символом рода, символом родового жилища, символом дома. Отсюда — аварский обычай переносить из старого дома в новый «столб корня», который передавался по наследству из поколения в поколение.

Наряду с центральным столбом символами рода в традиционном жилище горцев являются очаг и надочажная цепь. Символическая тождественность центрального столба, очага и надочажной цепи хорошо описана в литературе [31] и не вызывает сомнений. В этом отношении представляет интерес гипотетическая реконструкция непосредственной символической связи образа мирового дерева с очагом и надочажной цепью. Поводом для этой реконструкции может служить предлагаемая нами трактовка одного из обычаев, описанных К.Кохом в 30-е годы XIX столетия [32]. По наблюдениям К.Коха, у осетин и чеченцев бытовал обычай на Новый год топить очаг целым большим деревом вместе с ветками. Естественно, что крупное дерево не могло поместиться полностью в общесемейной комнате, где в середине располагался очаг, и значительная часть дерева находилась снаружи. По мере сгорания дерево продвигалось сквозь открытую дверь в очаг. День, когда ствол полностью помещался в жилище и можно было закрыть дверь, у чеченцев отмечался особым праздничным обрядом. Такой способ отопления был малопрактичен, так как дверь жилища долгое время оставалась открытой, и тепло в зимнее время плохо сохранялось в помещении. Можно было бы разрубить дерево на куски и использовать тот же запас топ-

лива при закрытой двери, но это бы противоречило мифологическим представлениям, согласно которым «силы» «мирового дерева» — дерева-жизни превращаются в «охранительную силу» семейного очага только в случае его сжигания целиком, а не по частям.

Очаг и надочажная цепь, так же как и центральный столб, выражали только горизонтальную структуру образа мирового дерева. В пользу этого утверждения свидетельствуют многочисленные нормы положения и поведения горцев в пространстве традиционного жилища, о чем специально будет сказано в разделе 1.3. Здесь же следует отметить связь с очагом многочисленных обычаев приема пищи, обычаев, сохранивших черты жертвоприношения, что также свидетельствует о том, что и очаг, и надочажная цепь выступают как структурная основа ритуально-мифологического проигрывания жизни. Так, у чеченцев и ингушей в прошлом бытовал обычай, по которому перед началом трапезы лучшие кусочки пищи бросали в очажный огонь и просили при этом домашних божеств послать благополучие семье [33]. Адыгейцы по случаю большой удачи брали из очага головню и обводили ею вокруг очага круг [34]. Осетины, перед тем как убить жертвенное животное, подводили его к очагу и при этом бросали в очаг кусочки пирога [35].

На наш взгляд, в домостроительном творчестве горцев произошло дифференцированное выражение вертикальной и горизонтальной структур мифологического образа мирового дерева посредством использования для каждой из этих структур различных архитектурных форм. Если горизонтальная структура мирового дерева отражена в вариантах центрального столба и надочажной цепи, то вертикальная структура получила разработку в пространственных формах башенного архетипа.

Для аргументированного обоснования данного положения необходимо хотя бы вкратце рассмотреть как мифологические пространственные представления пранародов Северного Кавказа, так и нормы и этикет горцев в символике их «пространства-поведения».

1.2. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА В НАРТСКОМ ЭПОСЕ

Памятник мифопоэтического творчества народов Северного Кавказа — нартский эпос — получил широкую мировую известность. Примечательной особенностью нартского эпоса является его непре-

рывное развитие на протяжении двухтысячелетней истории, с VIII — VII вв. до н.э. по XIII — XIV вв. н.э. В исторических трансформациях и этнических вариантах нартского эпоса отразилось своеобразие культурного развития и менталитета народов Северного Кавказа.

Изучению нартского эпоса посвящены многочисленные научные работы как в нашей стране, так и за рубежом, но несмотря на это, нет единой точки зрения относительно генезиса эпических сказаний и этимологии термина «нарты». В то же время все исследователи сходятся в том, что нартский эпос имеет мифологическую и космологическую основу, которая восходит, как минимум, к скифо-сарматской эпохе. Это позволяет обратиться к нартскому эпосу — к источнику древнейших мифологических представлений о пространственно-временном континиуме пранародов Северного Кавказа.

Мифологический генезис нартского эпоса подтверждает наличие в его текстах *тотемических, солярных, календарных и этногонических циклов* [36].

К наиболее древним пластам мифологии относятся *тотемические* легенды народов Северного Кавказа о волке, баране, олене, медведе, орле, коне, корове, козле, собаке, змие. Часть этих легенд вошла в состав нартского эпоса. Центральное место в тотемическом цикле эпических сказаний занимает легенда о волке. В этой легенде рассказывается о происхождении племени нартвов от сыновей волка (древнеиранское *vaŋka*, см. Абаев В.И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Орджоникидзе: Ир, 1990. С.153) Уархага. Поэтому волки всегда относились к нартам дружелюбно и во всем помогали им. А один из нартских героев — Саууай — был вскормлен волчицей. Тотемическое значение имеют действия и поступки одного из любимых героев нартского эпоса — Сослана: и когда он купается в молоке волчицы, чтобы быть непобедимым, и когда он умирает в борьбе с солнечным божеством и отдает себя на съедение волкам. Волк-тотем относится к числу наиболее архаичных мифологических образов, что еще раз свидетельствует о наличии глубинных мифологических структур в нартском эпосе.

Солярные циклы эпических сказаний о нартах в осетинском варианте связаны с героями — Сосланом и Ацамазом, в адыгейском — с Сосруко. Основные этапы жизни Сослана зависят от солнечного божества: рождение; женитьба на дочери Солнца; подвиги с помощью Солнца и солнечных лучей; битва с солнечным божеством и смерть в

этой битве. Герой Ацамаз в своих прекрасных песнях славит щедрость и космогоническую силу солнечных божеств.

О важности космогонических представлений в духовной культуре горцев говорит тот факт, что еще в конце XIX века у осетин оставался актуальным праздник жертвоприношения в честь Солнца, который называется «Сослани кувд». В июле месяце участники праздника собирались у селения Нар в Дигории, где, по преданию, находится могила Сослана, резали баранов и просили героя-нарта дать им дождь и погоду для хорошего урожая. Отсюда у местных жителей Дигории такое явление природы, связанное с дождем, как радуга, называется «Сослановым луком» [37].

В адыгейских эпических сказаниях солярного цикла есть легенда о красавице Адиух, руки которой были способны давать свет подобно Солнцу. Когда муж Адиух возвращался из похода ночью, то его жена протягивала из окна дома, стоявшего на высоком берегу реки, свои светоносные руки и освещала ими путь своему мужу через полотняный мост. От рук Адиух было так светло, что ее муж мог перегонять через мост коней. Но однажды муж возгордился и запретил своей жене освещать ему дорогу. В результате, при очередном возвращении темной ночью, он падает с моста и тонет в реке, а его жена выходит замуж за героя-нарта Сосруко, который также был наделен солнечными атрибутами. По мнению специалистов, этот сюжет аналогичен одному из архаических сюжетов древнегреческой мифологии о Герионе и Леандре [38].

В календарном цикле нартского эпоса в подвигах эпических героев (Сосруко, Батраз, Ашамез, Ацамаз, Хамчий, Патараз) нашли мифологическое отражение явления природы. Согласно адыгскому эпосу, каждую весну слышны стоны нарта Сосруко, который был похоронен заживо. В день, когда Сосруко попадает в подземный мир, начинается бурное таяние снегов, текут ручьи, которые олицетворяют слезы героя. В другом сюжете календарного цикла нарты Ашамез, Батраз и Сосруко проникают в мир подземный и забирают у дракона красавицу Ахумиду и чудодейственную свирель. С помощью игры на этой свирели Ашамез изгоняет зиму и освобождает природу от зимних оков. Аналогичные сюжеты имеют место в осетинских сказаниях, где нарт Ацамаз — обладатель золотой свирели — пробуждает природу от зимней спячки.

Этногонический цикл сказаний представлен архаичным мифологическим сюжетом близнецов (Ахсар — Ахсартаг, Хамыц — Урызмаг)

и таким персонажем, соответственно адыгского и осетинского эпоса, как Сатаней и Сатана (Шатана). В образе этих героинь прослеживаются черты матриархата. Так, Сатаней в адыгском эпосе не только бессмертная женщина-мать, мудрая женщина-красавица, но и женщина-хозяйка всего нартского рода, и хотя она не допускается на мужской совет («хасу»), все главные подвиги нарты совершают либо при ее участии и помощи, либо под ее влиянием. Аналогичны роль и значение образа Сатаны в осетинском эпосе. Сатана спасает род нартот от голодной смерти, сражается, как мужчина-воин, и обладает даром все видеть с помощью небесного зеркала, находясь в своей семиярусной (отметим это число) башне. Кроме того, этногонические черты присутствуют в образе самих нартот, так как в восприятии горцев, носителей эпоса, нарты были их предками, основателями мифических родов людей-героев.

Во всех этих циклах в опосредованной форме проявляются мифологическая космогония и связанные с ней мифологические представления пространства.

Мифопоэтический характер пространственных представлений проявляется в нартском эпосе опосредованно. Во многих его сказаниях герои-нарты, совершая подвиги, перемещаются не в реальном географическом пространстве, а в мифологизированном, имеющем трехчастную вертикальную организацию. Мир в нартском эпосе делится на три зоны: верхняя, охватывающая небесные просторы; средняя — поверхность земли, нижняя — подземное царство [39].

Было бы ошибочно считать, что горцы Северного Кавказа обладали столь «фантастическими» представлениями о мироздании лишь в силу наивности их знаний о мире и его устройстве: подобными же воззрениями обладали и народы, достигшие значительных успехов в астрономии и астрологии, например ассирийцы и вавилоняне. В их представлениях все три уровня мироздания (небо, земля и преисподняя) — это нечто единое и целое, а все, что есть на земле — страны, города, реки, леса, — является лишь слабым отражением того, что имеется на небесах и под землей.

Итак, пространство мироздания в эпосе горцев Северного Кавказа трехмерно и вертикально организовано. Однако в нартском эпосе, в отличие от многочисленных мифопоэтических текстов многих народов, нет прямого описания устройства Вселенной. В эпических сказаниях горцев мифологическая организация мироздания проявляется опосредованно и, прежде всего, в возможностях героев эпоса.

са — нартов — свободно перемещаться в различных мирах, например, из мира реального в «мир теней» или в «мир небесный» и обратно. Подобные перемещения нартов имеют место во всех этнокультурных вариантах нартского эпоса. Например, у кабардинцев мы обнаружили несколько описаний подвигов героев Сосруко и Уазырмеса. Рассмотрим наиболее характерные фрагменты из них.

В эпосе «Меч и конь Сосруко» рассказывается о подвигах нарта Сосруко [40], один из которых он совершил еще в детстве, оседлав могучего коня. «...Не успела мать взглянуть вслед своему сыну, как взвился конь, подобно звезде, и, подобно звезде, скрылся за облаками. Там, в поднебесье, конь решил сбросить с себя седока, чтобы упал он на землю и разбился. Чего только не выделявал конь! И на дыбы вставал в воздухе, и вниз головой бросался в бездну, и снова поднимался ввысь, и скакал вверх ногами, а Сосруко все держался за его гриву, не падал».

Сказание «Как Уазырмес спас нартов от голода» повествует об одном из подвигов нарта Уазырмеса. Он вступил в единоборство с богоравным Пако, который обложил жителей нартского селения изнурительной данью. После одного из поражений от Уазырмеса трусливый Пако, испугавшись нарта, покинул свое жилище и поселился на небе. Богатырь, не зная, как ему добиться победы над богоравным Пако, обратился за помощью к мудрой Сатаней. Выслушав просьбу о помощи, она посмотрела на коня нарта и сказала: «Твой скакун из породы альпов, ему нипочем высота, на которую забрался Пако, — *ударь трижды плетью* (выделено мной. - С.С.) своего коня!»

Уазырмес послушался Сатаней, и конь быстро понес его к жилищу Пако.

— Добрый день, Пако! — приветствовал нарт богоравного.

— Добрый день, да не для тебя! — ответил ему Пако. — Не давал ты мне покоя на земле, нет и на небе от тебя покоя» [41].

Приведенные фрагменты эпических сказаний кабардинцев свидетельствуют о том, что перемещение нартов, совершающих подвиги, происходит в мифологизированном пространстве, где мир небесный — одна из составляющих его трехчастного вертикального членения.

Примеры подобного понимания мира, пространство которого организовано по вертикали и имеет трехчастную структуру, обнаруживаются и в эпосе других народов Северного Кавказа, но они связаны уже с другой особенностью мифотворческого мировосприятия

северокавказских горцев — с особенностью осознания самое «смерть», которая мыслилась не иначе, как продолжение жизни земной.

В эпосе осетин рассказывается о подвигах Сослана, посетившего несколько раз Страну мертвых. В сказании «Как Сослан спас Шатану из озера ада» [42] повествуется о том, каким образом нарт вернул свою мать, попавшую в «мир теней». Рассмотрим фрагмент этого эпоса.

«Подскакал он (нарт Сослан. - **С.С.**) к воротам Страны мертвых и постучался. И тогда сам Барастыр, повелитель Страны мертвых, вышел к нему. И стал у него Сослан выпрашивать мать.

И сказал Барастыр Сослану:

— Немало совершил ты грешных дел, нарт Сослан, но за то, что, торопясь на помощь к матери своей, ты не отказал голодному человеку и спас его от смерти и вырвал сына бедной вдовы из когтей орла, я отдаю тебе твою мать.

Отпустил Барастыр Шатану, вернулись они в селение нартвов и опять стали жить среди них».

Аналогичное понимание мира и его образно-символическое воспроизводство обнаруживаются и в отдельных наиболее древних эпических сказаниях чеченцев и ингушей. К ним можно отнести эрстхойский цикл в нартском эпосе этих народов. Главный герой этого цикла — нарт Ботога-Ширтга, обладающий удивительной способностью проникать в подземный мир. В сказании «Эрстхойцы и Ботога-Ширтга» поведано о том, как нарт отомстил завистливым эрстхойцам, нанеся им обиду. Этим он вызвал очередной всплеск гнева эрстхойцев. Спасаясь от них, Ботога-Ширтга сбежал в «мир теней».

«...Эрстхойцы смекнули, что Ботога-Ширтга сыграл с ними дурную шутку. Рассерженные, бросились они на него, но он в один миг исчез и скрылся под землей — отправился на тот свет.

Эрстхойцы не могли долго обходиться без Ботога-Ширтги. Они вызвали его с того света, затаив до поры в душе злобу» [43].

Не меньший интерес представляет и сказание «Как погибли нарт эртсхо» [44]. Перед нами предстает нарт Ботога-Ширтга, который сумел построить себе повозку из меди и спуститься по ней до седьмого дна ада. Здесь мы обнаруживаем абсолютное отождествление перемещений в реальном географическом пространстве с перемещениями в пространстве мифологизированном, имеющем вертикальную организацию.

Но наиболее полно мифотворческие представления о единстве трех миров и их тождественности отражены в осетинском сказании «Сослан в Стране мертвых» [45]. В нем мы находим наделение пространственными признаками «непространства» (подземный мир), что, безусловно, противоречит современному прагматическому мировоззрению, но логично вытекает из мифотворческого строя мышления. «...Велика Страна мертвых. Долго ехал он по горам и равнинам, переезжая через озера и реки, и вот выехал он на широкую равнину. Всюду в ней стоят деревья, на которых — кто за ноги, кто за руки, кто за язык, кто за шею — повешены люди, и под каждым разложен костер — раскаленные булыжники камней горят неугасимо».

Анализ различных, с разрывом в несколько столетий по времени написания, текстов нартского эпоса позволяет заключить, что в них сохраняются основные составляющие мифологического построения пространства. Однако семантика пространственных уровней со временем приобретает новые значения. Особенно интенсивно процесс обогащения и появления новых значений мифологической структуры пространства происходит в период с XII по XVIII век. В этот период восприятие пространства приобретает социально-нравственную и морально-религиозную окраску. Этого не было в ранних циклах горских сказаний и, напротив, стало отличительной чертой эпоса позднего периода. В отдельных сказаниях этого времени обнаруживается качественно новая семантика пространственных представлений и пространственной организации мироздания. Она проявляется в своеобразном понимании горцами средневековой оппозиции «пространство жизни» — «пространство смерти».

В эпоху мифологического сознания каждый из трех уровней вертикальной структуры пространства имел космогонические значения и поэтому был нейтрален по отношению к нравственно-этическим значениям; и «страна предков», и «страна людей», и «страна богов» могли быть и были сферой действия как «злых», так и «добрых» богов, людей, духов. С распространением официальных религий — христианства и ислама — каждая из трех сфер в сказаниях о нартах приобретает нравственно-оценочные характеристики, и перемещение нартов по вертикали — «земля — небо» или «земля — преисподняя» — осуществляется только в том случае, если герой сказания совершил соответственно подвиг или грехопадение.

Для достижения цели нашего исследования важно отметить устойчивость представлений о трехчастной вертикальной структуре про-

странства в нартском эпосе, а значит, и в художественно-образном освоении действительности горцами Северного Кавказа.

Символическая значимость трехчастной космогонической структуры для построения жилого пространства горцев обнаруживается при анализе описаний *селений нарт*. В нартском эпосе осетин рассказывается о поселении Хустзагат Занартский, в котором жил нарт Аца и его род [46]. Структура этого поселения состоит из нескольких небольших родовых комплексов, тяготеющих к главному, центрально расположенному городищу. В комплексах проживали потомки главы рода, а в центральном — нарт Аца.

Если исходить из соображений сугубо прагматических, то в приведенном описании можно обнаружить лишь одно — подтверждение факта существования в горах Северного Кавказа полигенных поселений. Их образование, как известно, определялось спецификой патриархальных устоев родового общества, в котором важная роль принадлежала узам кровного родства. Однако эпоха родовых отношений — это, по сути, эпоха мифотворчества, где все формы жизни пронизаны космогоническими образами. Большое значение для возникновения полигенных поселений играли не только хозяйственные интересы, потребности обороны или религиозная близость, но и космогонические воззрения. Поэтому в социально-пространственной структуре горских аулов получают отражение и представления о пространственном устройстве мироздания. Можно предположить, что эпическое сказание об осетинском селении Хустзагат Занартский — это не только описание некогда существовавшего или вымышленного аула. В определенной степени — это мифопоэтический образ мироздания, а нарт Аца и занимаемое им городище — символы центра Мира, того места, где совершился акт зарождения жизни.

В эпических сказаниях, описывающих поселения нарт, можно обнаружить и другие мифологические образы мироздания. Например, известный исследователь индоевропейской мифологии Ж.Дюмезиль, анализируя тексты нартского эпоса, приводит следующее описание селения: «...Нарты живут в селении на склоне горы в три квартала, расположенные в трех уровнях, каждый из которых занят одним из трех основных родов: наверху живут Ахсартаггата, в самом низу — Бората, а посередине — Алагата» [47]. И здесь мы видим, что структура нартского селения трехчастна, подобно вертикальной структуре мифологического пространства-космоса. Однако не только формальное тождество позволяет автору предположить, что

в приведенном описании нартского поселения в мифопоэтических образах воспроизводятся представления о трехчастном («мир предков» — «мир людей» — «мир богов») устройстве мироздания, о его вертикальной организации. На это указывают, прежде всего, те характеристики, которыми наделены в нартском эпосе каждый из трех родов.

Бората, занимавшие *Нижнее селение*, были богаты скотом: стадами овец и коров, табунами лошадей. Они отличались особым коварством и озлобленностью. Члены этого рода происходили от нарта Бурафарныга (что буквально означает «богатство», «счастье»), у которого было семь сыновей. Представители этого рода устраивали самые богатые поминки по своим предкам.

Верхнее селение занимали нарты рода Ахсартаггата. Этот род основал нарт Уархаг, имевший двух сыновей-близнецов: Ахсара и Ахсартага. В переводе на русский язык эти имена звучат следующим образом: Ахсар — «храбрый», Ахсартаг — «храбрейший». Из рода Ахсартаггата происходят все знаменитые нарты: Урызмаг, Хамыц, Батраз, Сослан. Эпические сказания, повествующие об этих героях, показывают их чрезвычайную силу и храбрость, благодаря чему нарты приравнивались к небожителям. Нарты рода Ахсартаггата часто конфликтовали с членами рода Бората. Борьба велась в основном за власть и уважение нартских жителей.

Род Алагата проживал в *Среднем селении*. Эпос скуп на описание характерных признаков представителей этого рода, за исключением личности Сырдона, которого можно отнести к роду Алагата. Наряду с нартами рода Ахсартаггата Сырдон относится к наиболее популярным героям эпоса, но не потому, что отличается особой храбростью или силой. Он очень человечен и наделен всеми положительными и отрицательными чертами горского характера. Сырдон постоянно конфликтует с нартами почетных родов (Ахсартаггата и Бората) и нередко побеждает их благодаря уму и хитрости.

На первый взгляд, данные характеристики никак не связаны с космогоническими идеями, и, напротив, в них можно обнаружить выражение в поэтических образах представлений об иерархии социальных функций и структур общества, которые имели место у народов Северного Кавказа. Именно к такому выводу и пришел Ж.Дюмезиль, связавший три нартских рода и их признаки с тремя социальными группами древнейшего типа общества: жрецами, военной знатью и земледельцами. В приведенном выше тексте отра-

жены представления горцев об идеальном общественном строе. Нисколько не оспаривая данной концепции, основные положения которой проверены и подтверждены на материалах эпоса индоиранских народов, автор предлагает иную интерпретацию описания нартского селения.

Нижний квартал нартского селения занимал род Бората, который был богат овцами и коровами, что в представлениях горцев имеет не только хозяйственное, но и символическое, сакральное значение. Именно нарты из рода Бората совершают самые пышные поминки по своим предкам, забивая несметное количество быков и овец. Молодой бычок, корова и, особенно, баран или ягненок обязательно присутствовали в мифологических культах как объекты жертвоприношения животных-тотемов. В мифологических гластах сознания тотем принадлежит «стране предков» — нижнему уровню пространства-космоса. Отсюда вытекает, что род Бората — не только сословие земледельцев, но и образ мифологических прародителей, что тождественно нижнему уровню вертикальной модели космоса — стране предков.

Символическим значением в представлениях горцев обладали и главные герои нартского эпоса: Урызмаг, Хамыц, Батраз, Сослан — представители верхнего рода Ахсартаггата, которые олицетворяли «силу», «храбрость», «героизм» и уподоблялись богам. Богоравные нарты занимают верхний квартал селения, мифологически олицетворяя «страну богов» — верхний уровень вертикальной модели космоса.

Род Алагата занимал средний квартал нартского селения и славился тем, что постоянно устраивал пиршества, о чем свидетельствуют следующие слова, часто встречающиеся в нартском эпосе: «...ступайте быстро на пир в большой дом Алагата, сядьте семью (выделено мной. - С.С.) рядами». Кроме того, род Алагата обладал волшебной *четырёхугольной** чашей — «Уацамонга», которая была неиссякаемой и постоянно наполнялась соответствующими случаю напитками. Все это позволяет говорить о том, что связано с образом застолья, домашнего очага, «страной людей» — средним уровнем вертикальной модели космоса.

Таким образом, можно говорить об инвариантности и устойчивости мифологических представлений для такой сферы народной культуры, как домостроительное творчество горцев.

*Четыре угла, как отмечалось нами выше, — мифологический образ центрального пространства, освоенного человеком. (Прим. авт.)

1.3. СИМВОЛИКА «ПРОСТРАНСТВА-ПОВЕДЕНИЯ» ГОРЦЕВ

Символизация пространства в домостроительном творчестве горцев — это в основном отражение норм поведения и этикета традиционной культуры народов Северного Кавказа. Нормы этикета и поведения горцев отличаются устойчивостью, консерватизмом и мифологической архетипичностью. Архитектуру жилища горцев образно можно сравнить с театром, где разыгрываются нормы — сценарии поведения и этикета повседневной и праздничной жизни.

Об устойчивости и мифологической природе норм и ритуальных атрибутов поведения горцев свидетельствуют многочисленные примеры ограниченного вхождения этих норм и атрибутов в эпические описания этикета нарттов, прародителей горских народов. Так, в эпическом сказании «Как появился фандыр» повествуется об обычае обживания нового дома, который основан на маркировании центра пространства жилища надочажной цепью — атрибутом родового очага и семейного благополучия.

«Целый год строили нарты большой дом общих сборов и празднеств. Хотелось им такой дом поставить, чтобы даже Сырдон похвалил его. И вот дом построен, и Сослан пошел за Сырдоном и сказал ему:

— Собрались нарты и просят, чтобы пришел ты и посмотрел новый наш дом.

— Что же, я приду, посмотрю, — ответил Сырдон.

Вот пришли они вместе в большой нартский дом. Все нарты в сборе, и спросили они Сырдона:

— Скажи, по сердцу ли тебе наш новый дом? Не находишь ли ты в нем какого изъяна?

Рассмотрел Сырдон весь дом, в каждый угол заглянул и после этого сказал:

— Хорош-то он хорош. Но если бы... — И, не докончив своей речи, ушел из дома.

Догнал его Сослан и спрашивает:

— Куда ты торопишься, Сырдон! Ведь ты ничего не сказал!

— А что мне сказать вам?

— Почему ты сказал «если бы»? — спросил Сослан.

— Потому я так сказал, что дом хоть и хорош, но в середине пусто. — И, не добавив ничего больше, ушел Сырдон.

Вернулся Сослан обратно и сказал нартам:

— Похулил Сырдон наш дом, сказал — пусто у него в середине.

Стали раздумывать нарты, что могли значить эти слова Сырдона. И первым догадался Сослан.

— Ведь у нас в доме над очагом еще цепь не висит, значит дом поистине пустой в середине, — сказал он» [48].

Широкое распространение вплоть до начала XX века в нормах традиционного поведения горцев имел обычай избегания, который заключается в том, что в определенных ситуациях и событиях повседневной, праздничной и ритуально-религиозной жизни определенные категории (в зависимости от возраста, пола и степени родства) членов патриархальной семьи должны были избегать друг друга: не разговаривать; не садиться вместе за стол; не находиться в одной комнате; не спать вместе в одном помещении и т.д. Анализ проявлений этого обычая позволяет обозначить несколько основных оппозиций субъектов избегания: мужчина — женщина; родители — дети; жена — родственники мужа; жена — гости мужа.

В традиционной семье мужчины и женщины жили в разных комнатах. У черкесов молодой супруг мог прийти в спальню новобрачной только после захода солнца и должен был покинуть ее до зари [49]. Еще в начале XIX века у горцев считалось позором для мужчины находиться днем в общесемейной комнате, где занимались хозяйством женщины [50]. И сегодня в горных аулах Северного Кавказа женщина не сядет за стол вместе с мужем в присутствии гостей. Муж в присутствии родителей и старших по возрасту избегал общения с женой, а она, в свою очередь, не должна была заводить разговоров с присутствующими. Кроме того, жена вообще избегала встреч с родственниками и друзьями мужа, особенно старшими по возрасту, и не должна была произносить даже их имена. Обычай избегания касался также родителей и детей. Для мужчины считалось постыдным проявлять знаки внимания к своим детям вне дома и в присутствии односельчан.

Особенно строго соблюдался у черкесов обряд ухода за раненым воином. Раненого окружали в доме особой заботой и вниманием, которое заключалось в постоянном уходе за больным и его посещении как стариками, так и молодежью, включая молодых девушек. Но и здесь проявляется обычай избегания — «...замужним женщинам строго воспрещается вход к больному...» [51].

Как нам представляется, обычай избегания стал этической осно-

вой института аталычества, который имел место у адыгейцев, абазин, балкарцев, осетин, кумыков и кайтагских даргинцев [52] и заключался в том, что отец отдавал на воспитание своего ребенка в чужую семью. Воспитатель — аталык — выбирался еще до рождения ребенка, который отдавался в семью аталыка сразу после своего появления на свет и жил в ней вплоть до совершеннолетия [53].

Кроме аталычества доминанта поведения в форме «изгнания» проявляется и в обычае *кровной мести*. Во-первых, причина кровной мести есть результат нарушения, в широком понимании этого значения, «норм избегания» — избегания нежелательных контактов, избегания вражды, ненависти и т.д. Во-вторых, само соблюдение обычая кровной мести связано с попытками потенциальной жертвы защитить себя посредством «избегания» — добровольного изгнания или добровольного заточения — укрывательства в родовой башне.

И, наконец, самый характерный обычай горцев — обычай *гостеприимства* (и связанный с ним ритуал приема почетного гостя) и *куначества* также содержит нормы обычая избегания.

«Гость — посланник бога», утверждает адыгейская пословица. Гость, как человек незнакомый и приехавший издалека, находится в оппозиции *«хьещтэ — хэчъэрей»*, что означает в переводе с кабардинского языка «гость — не гость», и которая соотносима с оппозицией *«чужой — наш»* [54]. Кроме того, *гость-незнакомец* считался почетным гостем и его отличали от *гостя-родственника*. Гость-незнакомец получал *официальный прием* и размещался в специальном доме — *кунацкой*, которая находилась на некотором расстоянии от жилого дома хозяина, тогда как гость-родственник получал *неофициальный прием* и размещался в гостиной комнате дома *хозяина* [55].

Кунацкая во всех отношениях была самостоятельным жилищем. Дом-кунацкая не только находился на расстоянии от дома хозяина, но и имел свой отдельный двор с коновязью, конюшней и продовольственными запасами. Не случайно адыгейцы и сегодня говорят: «Гость ест из своих запасов». Чем вызвано пространственное обособление почетного гостя? Только ли заботой хозяина об условиях комфортного проживания гостя? Рационалистическое объяснение размещения гостя в отдельно стоящем доме-кунацкой не учитывает ритуально-символических аспектов обычая гостеприимства. Соблюдение в определенных ситуациях для определенных категорий родственников и соседей обычая избегания по отношению к гостю также является обязательной заботой хозяина, а если учесть и то об-

стоятельство, что гость-незнакомец, возможно, не совсем точно знает местные обычаи, то хозяин должен также создать необходимые пространственно-символические условия для выполнения всех традиционных норм поведения, связанных с ритуалом приема почетного гостя. По нашему мнению, посредством пространственной самостоятельности кунацкой реализовалась одна из важных форм ритуала приема гостя — норма избегания.

Все вышеизложенное дает автору основание утверждать, что избегание представляет собой не просто один из обычаев, избегание — это доминантная норма этикета горцев, норма, которая регламентирует пространственное поведение при исполнении обычаев, обрядов, и, что особенно важно, эта норма определяет стереотипы повседневного поведения горцев.

Символизация «пространства-поведения» горцев происходит в определенной «системе пространственных координат». В традиционном жилище горцев система пространственных координат состояла из центра границ. Символический центр жилища не обязательно точно соответствовал геометрическому центру жилого пространства. Символический центр жилища маркировался срединным столбом, опорными столбами, очагом, надочажной цепью, дымником, столом. Причем маркировка центра могла быть произведена как одним из этих функциональных и одновременно символических элементов жилого пространства, так и сразу несколькими.

Границы традиционного жилого пространства можно условно разделить на два вида: «проницаемые» и «непроницаемые». Стены, изгороди, ограды можно отнести к непроницаемым, так как их функция — жестко отделять внутреннее от внешнего. Напротив, дверные проемы, ворота, проемы в изгороди, оконные проемы можно отнести к проницаемым границам, так как посредством этих границ осуществлялась связь внутреннего пространства и внешнего. В обрядах и обычаях основное внимание уделяется дверному проему и особенно такой его составляющей, как порог, через который надо переступить, чтобы попасть из внешнего пространства во внутреннее и наоборот.

Теперь рассмотрим некоторые характерные значения основных элементов традиционного жилища, с помощью которых обозначалась его система координат — центр и границы.

Очаг — основной символ традиционного жилища горцев. Гене-
лизис сакрально-символического значения очага определяется мифоло-

гическим культом солнца — древнейшим языческим культом, реликтовые проявления которого встречаются в народном творчестве всех народов Северного Кавказа. Очаг олицетворял огонь, а огонь, в свою очередь, солнце. На это указывает древнее название огня «арт» или «æртхурон», что буквально означает «огонь-солнцевич» [56].

Очаг мифологически отождествлялся и с мировым деревом, о чем говорилось выше. Однако эти мифологические значения в позднее средневековье отходят на второй план — очаг становится символом рода, семьи и ее благополучия, и сегодня именно эти символические значения очага проявляются в народных суевериях и обычаях.

В эпоху средневековья изначальная космогоническая семантика очага трансформируется. Очаг продолжал олицетворять собой некий добрый дух, охраняющий семейное благополучие, поэтому когда горец бранился или угрожал кому-либо, он нередко произносил: «Подожди же, беда твоему очагу!» или «Чтоб у тебя очаг потух!» Когда же горец хотел выразить свою благодарность, то он мог выразить ее в пожелании: «Дай бог, чтоб очаг у тебя горел огнем во веки веков и никогда не погасал!» Потухание очажного огня считалось у народов Северного Кавказа большим несчастьем, так как в их представлениях он отождествлялся еще и с жизнеспособностью семьи, являясь символом ее вечности. Например, у осетин погасший очаг означал буквально прекращение, смерть рода. Поэтому за осквернение очага и его атрибутов (надочажной цепи и дымового отверстия-дымника) осетин мог требовать кровомщения.

Культ огня и сакрально-символическое значение очага определили его существенную роль в «пространстве-поведении» горцев. В культуре горцев сохранилось большое количество обрядов и ритуалов, связанных с очагом.

В свадебных церемониях осетин много элементов связано с родовым очагом и его атрибутами. Выходя замуж, девушка покидала родительский дом. Тем самым она порывала связь с главным домашним божеством и переходила под защиту покровителя дома своего мужа. Переход женщины из одной семьи в другую, от одного домашнего божества к другому выражался в обряде прощания невесты с родительским очагом и посвящения ее домашнему очагу мужа. Этот обряд заключался в следующем: шафер (друг жениха) перед отправлением невесты из родительского дома в дом мужа обводил ее три раза вокруг очага и, ударив по надочажной цепи кин-

жалом, произносил речь. В ней были и такие слова: «И тебе, Бынаты хицау, усердно молимся: не отними своей милости, защиты, не лишай покровительства выросшей в твоём доме молодой невесты... Охраняй ее и помогай ей во всех трудных минутах ее жизни...»

Обряд трехкратного обхождения родового очага с незначительными изменениями встречается и у других народов Северного Кавказа: чеченцев, кабардинцев, дагестанцев.

С мифологическим значением родового очага связан и ритуал перенесения доли огня из родительского очага. По представлениям горцев, перенесение доли огня из родового очага рассматривалось как обладание определенной долей счастья, изобилия и славы родительского дома. Если большая фамилия дробилась на отдельные семьи, то горящие угли родового очага распределялись по числу всех отделившихся. Огонь переносили в обязательном порядке, и никто этому не мог препятствовать, так как отделившаяся семья брала свою законную долю огня. После доставки огня в новый дом хозяин молился и призывал духов помочь новоселу, просил, чтобы зажженный огонь был на счастье, чтобы благополучие и достаток окружали семью на новом месте [57].

Столь же свято чтились у народов Северного Кавказа и некоторые атрибуты родового очага. Например, надочажная цепь. У осетин именно она, а не сам родовой очаг, олицетворялась с богом Сафа — покровителем семейного благополучия, поэтому считалось, что дом, где над очагом не висела надочажная цепь, является пустым и необжитым. Об этом красочно повествуется в приводимом нами отрывке из эпического сказания «Как появился фандыр».

Такова, в общих чертах, семантика очага и его составляющих: надочажной цепи и свето-дымового отверстия — дымаря.

Следующий по значимости элемент традиционного жилища, с помощью которого создавалась «система координат» пространства-поведения горцев — центральный столб или несколько опорных столбов. Мы уже касались генезиса образа и семантики столба, здесь лишь остановимся на некоторых моментах.

Столб в традиционном жилище горцев Дагестана имел развитое завершение в форме капители-подбалки, украшенное орнаментальной резьбой, включающей в себя такие символические украшения, как *розетка* или *косой крест* (рис.1). В исследовании А.Голана [58] эти изображения трактуются как символы неолитической Великой богини — женщины, богини неба, которая могла быть представлена

также и в образе дерева, растущего до самого небосвода. В горном Дагестане, в селе Тлярата, в традиционном аварском жилище был обнаружен столб уникального типа [59]. Его форма представляет собой стилизованное изображение женской фигуры с руками, поднятыми вверх. Относительно семантики этой формы существует два предположения [60]. Первое из них основано на том, что в основе символической формы столба лежит представление о женщине — опоре родового жилища, в подтверждение приводится выражение из аварского предания: «Почему у тебя такой большой столб? — Столб — это жена, он держит мой дом» [61]. Второе предположение основано на том, что столб, поддерживающий крышу, олицетворяет мировое дерево, поддерживающее небесный свод.

Мы полагаем, что символика столба претерпела за время своего как минимум тысячелетнего функционирования существенные стилистические трансформации, которые в основном сводятся к трем последовательно наслаивающимся значениям. *Первое значение* столба как в пространстве жилища, так и в природном пространстве связано с мифологическим образом дерева мирового. *Второе значение* — отождествление образа мирового дерева с богиней неба, а затем с женщиной-божеством, символом рода в эпоху матриархата. Эта семантика сохранилась в грузинском названии центрального столба, которое в переводе означает «мать-столб». *Третье значение* органично вытекает из второго. В патриархальной семье столб сохраняет значение символа рода, но на смену женскому образу приходит мужской. Отсюда цитируемое ранее название центрального столба у балкарцев — «столб-отец». Эта последняя символика столба со временем расширяет значение: столб как символ рода вообще, как символ патриархальной семьи и ее благополучия. Поэтому у аварцев существовал обычай, согласно которому срединный столб (столб корня) передавался из поколения в поколение, а в случае строительства новых домов переносился из старого жилища в новое. При покупке же или передаче дома его новый хозяин старался приобрести также и столб, и атрибуты очага, и диван кунацкой. Прежний хозяин дома, напротив, стремился оставить себе родовой столб и перевезти его в новое жилище.

Со срединным столбом традиционного жилища связаны многочисленные обряды, обычаи, поверья, сохранившие свое значение в жизни горцев вплоть до начала XX века. В домах у кумыков даже в советский период, когда срединный столб уже не устанавливался,

место, где он должен был стоять, считалось священным. При трауре на это место, а оно по-прежнему называлось «орта-Богана» (срединный столб), сажали женщину (отзвук женского божества), которая была самой старшей из родственниц умершего. У осетин существовал обряд, посвященный рождению и первому году жизни новорожденного. После родов ребенка три раза проносили вокруг центрального столба общесемейной комнаты. Смысл этого ритуала заключался в «показе» ребенка богам и покровителям жилища, который сопровождался просьбами благословить и защитить новорожденного. Затем непосредственно у столба совершали обряд укладывания ребенка в колыбель («авдæнбæттæн») и благодарили богов за благополучное разрешение родов. А ровно через год у срединного столба или у родового срединного очага устраивали моления в честь первого года жизни ребенка. У многих народов Северного Кавказа срединный столб был объектом обрядов, связанных с жертвоприношением, — к центральному столбу привязывали жертвенного барана или бычка для их освящения и изгнания из них злых духов.

Какое же из средств — очаг или столб — получает предпочтение как инструмент маркировки центра традиционного жилища, если и очаг, и срединный столб обладали близкими, а в ряде случаев тождественными спектрами символических значений? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть основные типы традиционного очага и опорного столба, а также их взаиморасположение в структуре традиционного жилища. Для этого воспользуемся классификацией, предложенной в монографии Э.Б.Бернштейна [62], согласно которой все формы очага, встречающиеся в традиционном жилище горцев Северного Кавказа, можно свести к трем основным типам: *первый* — срединный очаг без дымохода; *второй* — срединный очаг с дымоходом; *третий* — пристенный камин.

Срединный без дымохода являет собой наиболее древний вид очага — фактически обрамленное каменными плитами место для костра, в основании которого находится каменная плита в виде правильного прямоугольника со сторонами от 120 до 240 см. Над центром кострища крепилась надочажная цепь. Крепление надочажной цепи осуществлялось или непосредственно через конструкцию потолка, или через специальную конструкцию с опорными столбами. Дым выходил неорганизовано через оконные отверстия в верхней части стен.

Срединный очаг с дымоходом отличался от первого типа устрой-

ством специального свето-дымового отверстия, которое обеспечивало тягу и удаление дыма. Дымник, или дымовик, возвышался над кровлей, в некоторых случаях проходил сквозь верхнее неотапливаемое помещение и опускался внутрь помещения, где находился очаг, на $1/4 - 1/3$ его высоты.

Пристенный камин представлял собой фактически тот же очаг с дымником, но расположенный не в центре, а вплотную к одной из стен жилого помещения. Пристенный камин часто не только примыкал к одной из стен, но и выходил за ее пределы в виде ниши, выступающей вовне самостоятельным объемом.

Все многообразие столбов, используемых в традиционном жилище горцев, на наш взгляд, можно классифицировать по следующим основным типам:

- «декоративные», центрально расположенные;
- «декоративные», пристенные;
- «конструктивные», центрально расположенные;
- «конструктивные», пристенные.

Декоративными мы предлагаем называть столбы, в которых нет конструктивно-технической необходимости. Именно такие встречаются в некоторых селениях горного Дагестана. Особенно это относится к пристенным столбам, которые даже с архитектурно-композиционной точки зрения не воспринимаются как несущие опоры. Тогда как центрально расположенные декоративные столбы визуально как бы подпирают деревянную балку перекрытия, но реально не участвуют в работе конструкции; т.е. декоративные столбы (и центрально расположенные, и пристенные) предназначены для выполнения архитектурно-символической функции.

Конструктивные столбы (например столбы в традиционном балкарском жилище), напротив, реально участвуют в работе стоечно-балочной конструкции и при этом могут обладать описанной выше семантикой.

Теперь рассмотрим основные типы маркировки центра жилища при помощи очага и столба. Прежде всего возможны и реально существуют структурно-символические построения пространства традиционного жилища горцев на основе выделения в нем центра только при посредстве одного из названных элементов — *или очага, или столба*.

Очаг как единственное средство маркировки центра пространства распространен в башенном жилище и родовых башнях горных

селений Чечни, Ингушетии и Северной Осетии. Особенно интересны в этом отношении так называемые вайнахские башни (рис.2). В этих башнях, имеющих от четырех до семи уровней, очаг расположен только на втором уровне, пространство которого перекрыто особой ложносводчатой каменной конструкцией, тогда как все остальные перекрытия башни представляют собой плоский накат из бревен по деревянным балкам.

Столб как единственное средство маркировки центра пространства в традиционном жилище горцев не является столь характерным, как очаг. В суровых природно-климатических условиях Северного Кавказа существует потребность в отоплении жилища в зимнее время, т.е. в наличии очага. Однако примеры маркировки пространства только столбом существуют. Предпринятое нами натурное обследование высокогорного селения Хой (Чечня) позволяет привести в качестве такого примера архитектурно-композиционную организацию пространства первого («земляного») уровня сохранившейся родовой башни. Центром композиции квадратного однокамерного помещения первого этажа башни является каменный столб, на который опирается своеобразная арочно-ложносводчатая конструкция перекрытия (рис.3).

Более сложная пространственная организация жилища наблюдается при одновременном использовании в маркировке центра и очага, и столба, или нескольких столбов. Характерные типы такой композиции можно извлечь из материалов натурных обследований традиционного балкарского жилища, представленных в работе Э.Б.Бернштейна [63]. Столбы во всех типах композиции балкарского жилища прежде всего выполняют конструктивную функцию, так как они поддерживают ложные деревянные балки, на которых, в свою очередь, покоится тяжелое плоское покрытие, представляющее собой накат из жердей, хвороста и слоя утрамбованной земли с камнями.

При совместном использовании очага и столба как средств маркировки центра пространства общесемейной комнаты в домостроительной практике горцев можно выделить три различных типа архитектурно-символических композиций (рис.4).

Первая композиция имеет один одновременно семантический и формально-геометрический центр пространства, основанный на среднем очаге (как с дымовиком, так и без дымовика). В эту композицию входят не один, а два (по сторонам очага) или четыре (по

углам каменного кострища) столба, которые выполняют конструктивную функцию и в композиционном отношении имеют подчиненное значение (рис.4, ж).

Вторая композиция также имеет один семантический центр, но с двумя формальными подцентрами: срединным столбом, втопленным в перегородку, которая выделяет в однокамерном пространстве амбар, и срединным очагом, расположенным напротив срединного столба. Очаг и срединный столб образуют условную ось, разделяющую пространство общесемейной комнаты на левую и правую стороны (рис.5, 6, 7).

Третья композиция состоит из двух семантических центров, один из которых представляет собой пристенный камин, а другой — центральный опорный столб (рис.8); в этой композиции также возникает угловая ось по линии камин — центральный столб.

Во всех композициях структурообразующим элементом пространства общесемейной комнаты служил *дверной проем*, являвшийся фактически единственной связью и одновременно *границей внутреннего и внешнего пространства*.

Оконные проемы в наиболее древних типах горского жилища отсутствовали вообще. Первоначально устройство оконного проема было вызвано необходимостью удалять дым при пользовании открытым срединным очагом, поэтому он был небольших размеров (40 x 50 см) и размещался на значительной высоте от пола (150 см и выше), т.е. фактически это было не окно, а дымовое отверстие. Функцию освещения в этом случае выполнял дверной проем, а в зимнее время — костер открытого очага. Дверной проем горского жилища — это двуликий Янус, связующий и разделяющий внутреннее и внешнее *пространства*. Символическое значение его как пространственной границы микро- и макрокосмоса нашло отражение в функционально неоправданной высоте порога, которая могла быть дополнительно увеличена при совершении, например, обряда ухода за раненым [64]. Через оппозицию «внутреннее — внешнее» и их инвариант «центр — периферия» создавалась семантическая неоднородность пространства общесемейной комнаты, необходимая для реализации обрядов, ритуалов и норм поведения горцев.

Вот как, например, с помощью этих оппозиций реализуется важнейшая составляющая горского этикета — «почетное место». В оппозиции «внутреннее — внешнее» представление о почетном месте определяется степенью удаленности места от границы внутреннего

пространства — дверного проема. У кабардинцев почетным является место, наиболее удаленное от входной двери. Его занимает самый старший по возрасту, а все остальные располагаются так, что самый младший оказывается ближе всех к двери [65]. У балкарцев и карачаевцев пространство в глубине общесемейной комнаты за срединным очагом называлось «тер», что в переводе с древнетюркского означает «голова» (т.е. место главы рода), а пространство у входа — «этик арты» («дверная сторона») [66].

В оппозиции «центр — периферия» представление о почетном месте определяется его близостью к элементам, маркирующим центр общесемейной комнаты, т.е. к очагу или родовому столбу. В случае наличия и того и другого самое почетное место находится между очагом и родовым столбом. Кроме того, по отношению ко входу существовала пространственная оппозиция «правая — левая» половины комнаты, семантика которой соответствовала вышеобозначенным оппозициям «внутреннее — внешнее»; «центр — периферия», т.е. почетное — непочетное место. Но прежде всего «правая» и «левая» части пространства выражали дифференциацию общесемейной комнаты на мужскую и женскую ее половины. «У карачаевцев существовал обычай все ценное держать, класть и носить с правой стороны. Уважаемого человека, особенно пожилого, всегда усаживали с правой стороны» [67]. Подобный обычай существовал почти у всех народов Северного Кавказа [68], но при размещении пристенного камина (очага) с левой стороны от входа указанная пространственная семантика изменялась на прямопротивоположную: левая сторона становилась мужской и почетной, правая — женской и непочетной. В этнографических исследованиях данное противоречие констатируется [69], но получает лишь косвенное объяснение [70].

Нам представляется, что в традиционном жилище горцев семантической оппозиции *почетное место — непочетное место, мужское пространство — женское пространство* соответствовала не равноценная, а иерархическая пространственная оппозиция в следующей последовательности: *внутреннее — внешнее, центр — периферия, правое — левое*.

В случае семантического несовпадения между оппозициями «внутреннее — внешнее» и «правое — левое» определение почетного места осуществлялось в системе координат более «сильной» оппозиции, т.е. «внутреннее — внешнее». При размещении очага (пристенного камина) с левой стороны входа происходит названное се-

мантическое несоответствие оппозиций; т.к. наиболее «внутренним» является пространство, находящееся в максимальном удалении, в определенном, а не любом из возможных направлений — «дверь — очаг» — стена или пристенный столб. При отсутствии центрального столба очаг выступает как «центр» в оппозиции «центр — периферия», причем более сильной оппозиции, чем «правое — левое».

Сложившиеся пространственные соотношения очага и дверного проема — достаточно поздние явления домостроительной практики. Наиболее архаичные типы традиционного жилища отапливались серединным очагом, т.е. очагом, расположенным если не точно в геометрическом центре, то, по крайней мере, в его зоне, поэтому антропоморфная оппозиция «правое — левое» — «мужское — женское» дополняло центрично-симметричную модель пространства-космоса горского жилища. Возникшее противоречие в семантике пространственных оппозиций при левостороннем размещении пристенного камина разрешается в пользу главных оппозиций: «внутреннее — внешнее» и «центр — периферия», что свидетельствует об устойчивости центрично-симметричной модели «пространства-поведения» горцев.

В «пространстве-поведении» горцев существовала также оппозиция «верх — низ» и «выше — ниже», отражавшая вертикализм пространственной структуры. Например, у адыгов человек, идущий в сторону гор, при всех прочих равных условиях, был более важной персоной, нежели тот, кто шел в сторону долины, и встречные были обязаны приветствовать его, а он — только принимать приветствия [71]. Другой пример символического значения «верх — низ», «выше — ниже» как оппозиции «почетное место — непочетное место» связан со свадебным ритуалом. Опираясь на описания свадебных обрядов и здравниц, приводимых в исследовании А.Т.Шортанова [72], можно обозначить следующую символику пространства-поведения молодоженов. В свадебных здравницах место богов на время занимают жених и невеста, а после свадьбы их на непродолжительный срок поселяют в верхнем уровне традиционного жилища, будь то чердачное пространство сеновала или третий уровень жилой башни. Выстраивается следующий ряд символических отождествлений:

«Верх — низ» — «небо — земля» — «страна богов — страна людей» — «сакральное пространство — обыденное пространство» — «свадебное ритуальное пространство — обыденное пространство».

«Верх — низ» отождествлялся также со сторонами света «восток

— запад», что связано с восходом и заходом солнца, его мифологическим перемещением вверх — страну богов и вниз — страну мертвых. Именно поэтому, на наш взгляд, у черкесов восточные кварталы аула назывались верховыми, а западные — низовыми [73].

Интересны в этом отношении посвящения, произносимые при совершении обряда погребения у горцев Северного Кавказа вплоть до начала XX века. Одно из них, связанное с ритуалом посвящения коня покойнику, было записано Е.Г.Пчелиной от жителя с.Цей Хазби Баситы в 1936 году [74]. В нем в образно-символической форме раскрываются трудности путешествия умершего в загробный мир. При этом акт перемещения из мира жизни в мир предков у горцев Северного Кавказа отождествлялся с длительным и сложным путешествием, совершить которое можно было лишь на могучем коне нарта Уастырджи, подкованном небесным кузнецом Курдалагоном и снаряженном сбруей и седлом от сыновей Луны и Солнца. Примечателен также факт отождествления умершего, а вернее его смерти, с заходом Солнца: «Солнце садится, оно село, спеши же (имя умершего)». Но наиболее ярко представления о единстве миров земного и загробного, об их тождественности друг другу проявляются в факте существования Солнца мертвых: «...Дай мне взглянуть на солнце мертвых и войти под его лучами в Страну мертвых, о бог богов!» [75].

Обряд посвящения коня покойнику уходит своими корнями в скифскую эпоху. Скифы, как сарматы и аланы, хоронили с покойником его лошадь. Несколько иначе посвящение коня умершему происходило в более поздних осетинских похоронных обрядах, когда хоронили вместе с покойником уже не лошадь его, а отрезали у животного кончик уха, который и клали в могилу. Церемония посвящения происходила весьма торжественно. Коня наряжали, на него навешивали доспехи покойника. Затем старик-посвятитель, обведя коня вокруг носилок три раза, произносил длинную и красивую напутственную речь. После этого отрезали кончик уха. В древности горцы Северной Осетии считали, что посвященный конь несет несчастье дому и семье, которым он принадлежал. Поэтому через год после смерти хозяина его продавали первому попавшемуся покупателю. Иногда осетин, в порыве гнева на своего скакуна, мог бросить: «Чтобы покойнику тебя посвятили...» В этом случае смысл его слов означал: «Чтоб ты сгинул, чтоб ты пропал!»

Проведенный анализ этикета и норм поведения горцев позволя-

ет выявить существенную роль в нем пространственной символики, которая культивируется в традиционных образцах домостроительного творчества. Поведение как основа пространственной символики базируется на системе семантических оппозиций, структурным каркасом которых является вертикально-центричная модель жилища.

1.4. БАШЕННЫЙ АРХЕТИП ПРОСТРАНСТВА

Башня — один из устойчивых и распространенных архетипов пространства различных архитектурных культур, культивирование которого в домостроительном творчестве горцев не является чем-то исключительным. Феномен башенной архитектуры Северного Кавказа заключается в другом. Только здесь башенный архетип достаточно продолжительное время был ведущей архитектурной формой основных типов сооружений: жилых, ритуально-общественных, сакральных, фортификационных. Башенный архетип стал ведущей темой народного архитектурно-пространственного творчества и вследствие этого получил художественное выражение в уникальных памятниках архитектуры — разнообразных башенных сооружениях, которые, подобно нартскому эпосу, представляют самобытность творчества горцев Северного Кавказа.

До настоящего времени в объяснении причин возникновения башенных сооружений вообще и башенной архитектуры Северного Кавказа в частности превалирует функционально-рационалистический подход. Это приводит к тому, что в далекое прошлое как бы экстраполируются современные представления архитектурного формообразования, построенные на логике утилитарно-рационалистического мышления. На основе «функционального» подхода возникновение башенной архитектуры на Северном Кавказе выводится из задач обороны, будь то защита от врагов или необходимость укрытия от «кровной мести» [76]. Эта же методология определила упрощенное понимание генезиса башенного архетипа и особенности его культивирования в домостроительном творчестве горцев.

Древнейшие из сохранившихся памятников средневековой башенной архитектуры Северного Кавказа — жилые башни — относятся к X — XII вв. [77], а время расцвета башенной архитектуры горцев, по мнению ведущих исследователей, приходится на XVI — начало XVIII в. [78]. Архитектура этих сооружений отличается от своих исторических про-

тотипов. Вопрос заключается в том, чтобы определить, в какой мере имела место преемственность «башенной» традиции, каковы были логика ее трансформации и ее роль в символизации пространства в процессе домостроительного творчества горцев.

Большой интерес приобретают описания башенных сооружений на территории Кавказа в произведениях античных авторов. В книге Ксенофонта «Анабасис» в описании военного похода эллинов по территории Кавказа на рубеже V — VI вв. до н.э., заселенного племенами *моссинойков*, мы находим упоминание о башнях: «Но поскольку эллины не отступили и продолжали идти вперед, варвары бежали также из этого пункта и оставили его, предварительно предав огню. А их *царь, который пребывал в деревянной башне* (выделено автором), построенной на самом высоком месте города, причем моссинойки кормят его на общественный счет, *пока он сидит там под охраной* (выделено автором), не захотел покинуть ее, так как и тот (царь), который находился в прежде взятом укреплении, и оба сгорели там вместе с деревянными башнями» [79]. Название племени «*моссинойки*» (моссиники) в переводе с греческого означает «*живущие в башнях*» [80]. Интересно, что по-осетински «*масыг*» («*мæсыг*») означает «*боевая башня*», а в лексиконе Гесихия Александрийского (V в.н.э.) слову «моссинг» даются следующие толкования: «башня» — «бруствер» — «деревянный лоток» — «имя народа», живущего на Кавказе [81].

Что же представляло собой кавказское башенное жилище в конце I в. до н.э.? Вот как описывает архитектурную форму и конструкцию этих древнейших башенных сооружений автор античного трактата «Об архитектуре» Марк Витрувий Полион, живший в конце I в. до н.э.: «У племени колхов, в понтийском крае, пользуясь обилием лесов, жители кладут целые деревья вправо и влево во всю их длину плашмя на землю с оставлением расстояния между ними, равного длине деревьев. По краям же и поверх их поперек накладывают другие деревья, которые обрамляют образующиеся таким образом в середине жилищные пространства. Потом поверх *этого сруба* (выделено автором); скрещением бревен с четырех сторон, закрепляя углы и дальнейшей кладкой деревьев перпендикулярно к низам *воздвигая стены* (выделено автором), они возводят *кверху образующиеся таким образом башни*. Причем промежутки, оставшиеся вдоль бревен в их толщину, законопачиваются стружками и глиной. Таким же родом строят и крыши поперечной кладкой, обрубая в ней соот-

ветственно по краям бревна и последовательно суживая между ними пространство, они в его середине выводят с четырех сторон пирамидальные верхушки; кроя же их листвою и липкой глиной, колхидцы образуют столь обычные у варваров *черепахообразные башенные кровли* (выделено автором) [82]. Надо отметить, что, по мнению ряда исследователей [83], которое мы разделяем, в трактате Витрувия хотя и называется племя колхов, речь идет все о тех же башнях-моссинах, принадлежащих племени «людей-башенников» — моссинойков, ранее описанных Ксенофонтом, а затем Аполлоном Родосским (III в. до н.э.) [84].

В другом переводе античного трактата форма башенного завершения предстает в несколько ином виде: «...Варварским способом строят на башнях шатровые крыши» [85]. На наш взгляд, более точным переводом является образное сравнение башенного завершения с формой черепахи, которое позволяет дать и более точную визуальную реконструкцию этого сооружения (рис.9). Принципиальный момент предложенной реконструкции — выделение формы завершения как композиционно самостоятельной части башни. Другой важный составляющий элемент композиции башенного жилища, оставшийся незамеченным, — нижняя часть башенного сооружения — основание. «Потом поверх *этого сруба* скрещением бревен с четырех сторон, закрепляя углы и дальнейшей кладкой деревьев перпендикулярно к низам, воздвигая *стены...*» [86]. Или, по переводу Г.Г.Зоргенфрея: «...накладывают бревна, соединяя углы и образуя *стены* (выделено автором), и кверху отвесно от *основания* (выделено автором) возводят башни...» [87]. Таким образом, в предложенной нами реконструкции композиция башенного жилища имеет трехчастную вертикальную структуру: *основание, стены, завершение*.

Башенное жилище уже в эпоху античности воспринималось как один из архаических типов жилища, о чем свидетельствует специальный комментарий по этому поводу в трактате Витрувия [88].

Башенный деревянный сруб — жилище моссинойков — в плане представлял *квадрат*. Мифологическая семантика этой формы достаточно изучена: квадрат — символ неба; вписанная (описанная) окружность — символ земли; их сочетание и сам башенный архетип — модель микрокосмоса. Эта семантика является общей для всех индоевропейских народов: греков, иранцев, славян [89]. В архаическом сознании башня прежде всего предстает в своем космогоническом и эсхатологическом значении. Поэтому башенный сруб — это

не только собственно жилище людей (профанический аспект), но и дом «вечной жизни» — гробница (сакральный аспект). Обряд сжигания знатных покойников в деревянном башенном срубе был известен у древних греков, иранцев и восточных славян и символизировал великий мировой пожар, обновляющий мир-бытие, возрождающий жизнь через смерть [90]. Мифологическая семантика башенного сруба предстает в описании обряда похорон Патрокла в «Илиаде» Гомера [песнь XXII, 164 - 165]:

Сруб они вывели в сотню ступеней шириною и длиною
И на вершину его мертвеца положили, печалась.

Можно предположить, что действия царя моссинойков, не пожелавшего покинуть главной башни селения и сгоревшего в ней заживо, были обусловлены определенными мифологическими воззрениями данного народа; сами башни-моссины — архитектурно-пространственное выражение этих мифологических представлений, вследствие чего они имели и оборонное значение.

Башенный сруб как образ космологического квадрата и трехчастной вертикальной модели космоса и реально, и идеально ограждал жизнь людей от «враждебного» хаоса, а если башенные сооружения — часть мифа (в широком и существенном понимании этого способа освоения действительности), то трансформацию и роль башенного архетипа пространства в домостроительном творчестве горцев можно и нужно рассматривать как процесс, аналогичный выделению из мифотворческого сознания таких явлений, как эпос (в частности нартский эпос), ритуалы, обряды, а также танец, орнамент, пиктограммы, и башенная архитектура.

Мифологическое сознание кавказо-иберийских народов — предков нынешних народов Северного Кавказа и Закавказья — в настоящее время в литературе представлено грузинским эпосом об Амირани и кавказским нартским эпосом [91], о котором мы писали в разделе 1.2. Нартский эпос формировался в несколько этапов в период с VIII в. до н.э. по XIV в.н.э. Как уже отмечалось, древнейшие средневековые башенные сооружения — жилые башни Северного Кавказа — относятся к X — XII вв., а период расцвета башенной архитектуры охватывает XVI — начало XVIII в. На наш взгляд, заключительный этап формирования нартского эпоса — XIII — XIV вв. — не случайно совпадает со временем становления средневековой башенной архитектуры Северного Кавказа. Башни горцев — это как бы архитектурный вариант нартского эпоса, своеобразный эпос в кам-

не. По данным анализа грузинского языка можно утверждать, что и в мифологии кавказо-иберийских народов пространственно-временная модель космоса имела типичную для архаического сознания трехчастную вертикальную структуру. Каждый из трех уровней-миров — «скнели» — пространства-космоса имеет свое специальное обозначение в грузинском языке:

верхний уровень — мир небесный — «зескнели»

средний уровень — мир земной — «скнели»

нижний уровень — мир подземный — «квескнели» [92].

Кроме того, в мифологии кавказо-иберийских народов, особенно в грузинских ее вариантах, каждый из трех вертикальных миров-пространств имел свой цвет: верхний — *белый*, средний — *красный*, нижний — *черный* [93]. В мифологии вайнахских народов рождение жизни на земле связано с *белой* птицей — символом небесной сферы [94]. Отзвуки аналогичной цветовой палитры мифологического пространства славян можно найти в русском языке. Словосочетание «*белый свет*» соотносится с верхним небесным миром, так как слово «свет» (тот свет, этот свет) имеет и значение части мифологического пространства. «Земля пре-красна», «как пре-красен этот мир» — средний уровень, уровень жизни, был и у славян окрашен в красный (прекрасный) цвет. А подземный мир — нижний уровень — это, конечно, «темное (черное) царство».

Все миры в мифологических представлениях были связаны между собой стоящим на краю земли *мировым древом*, вариантами которого являлись: столб; *башня*; спущенная с неба цепь; олень с ветвистыми рогами. Итак, башня — это прежде всего домостроительная модель мифологического мироздания, которая одновременно есть и реальное *мироздание*, т.е. здание. Это здание должно было защитить человека от враждебного хаоса, мифологическая природа башенного архетипа не противоречила фортификационному оборонному использованию башни, а, напротив, вытекала из этой мифологической природы.

Следы этой архаической модели башенного архетипа (в нашем контексте — трехчастного вертикального пространства-космоса) сохранились в средневековой башенной архитектуре северокавказских горцев фрагментарно и в трансформированном виде, что надо понимать не как искажение, а как логичное своеобразное развитие первоначальных мифологических образов.

Итак, генетически наиболее ранние башенные сооружения —

жилые-родовые башни — были, как правило, трехчастными. Это относится как к башенному жилищу вайнахов (чеченцев и ингушей) — башне типа «гала», так и к традиционному жилищу нагорного Дагестана (рис. 10, 11, 12). Значение пространства каждого уровня несет в себе отзвук мифологических образов вплоть до конца XIX в.

Первый уровень башенного жилища горцев, или его подполье, отождествлял «страну предков», и есть все основания полагать, что в древности существовал обряд захоронения умерших родственников в нижнем уровне башенного жилища. Об этом свидетельствует обычай горцев, по которому нельзя наступать на порог дома, так как этим можно осквернить предков, обитающих под полом. «Что ты наступаешь, как на покойника!» — этот резкий окрик может и сегодня услышать человек, наступивший на порог карачаевского дома [95].

В древнейших мифологических представлениях предки после смерти превращаются в тотемных животных, которые были источником жизни и благополучия рода, мифологическими первопредками, а впоследствии — солярными символами [96], поэтому использование первого уровня жилища под содержание домашнего скота не только функционально удобно, но и мифологически значимо. Так, баран у горских народов (и не только у них) — священное животное, переносящее в своих рогах солнце через подземный мир в мир небесный.

Баран у горцев Северного Кавказа не столько символ сытости, сколько символ божества плодородия и продолжения рода. Об этом свидетельствуют следующие факты. В Северной Осетии в Даргавском ущелье в святилище Фыры-дзуар некогда существовало каменное изваяние «святого барана» (тура). Кроме того, в Осетии существовал языческий ритуал, по которому женщины приносили в святилище глиняные фигурки баранов и обращались с мольбой к «святому барану», чтобы он даровал им детей [97]. «Овца» по-ингушски — «тва», и, по мнению А. Голана, это этноним одного из древних горнокавказских племен-двалов — «два-лы» [98], т.е. название племени есть самоназвание по имени «священного барана». Отсюда понятна семантическая тождественность нескольких вариантов одной и той же присяги, которая у вайнахов выражалась следующими словами: «клянусь солнцем», «клянусь могилой моих предков», «клянусь бараном» [99]. Отсюда и тот ореол святости и недоступности, которым окружался хлев, традиционно располагавшийся в нижнем уровне.

Второй уровень башни — пространство жизни на земле, именно

поэтому вход в жилище принадлежит этому уровню. Даже в боевых башнях XIV—XVII вв. входное отверстие сооружалось на втором этаже и попасть в него можно было, приставив забежную лестницу. Такое положение входа принято объяснять оборонной функцией [100]. Но в прошлом каждый уровень (особенно в жилых башнях) имел самостоятельный вход, и оборонное значение высокорасположенного входа появилось как следствие утилитарного использования мифотворческого архетипа башни в более позднее время.

В центре однокамерного пространства второго уровня располагался очаг. Кроме очага часто в центре находился опорный столб — символ древа жизни и благополучия семьи (об этом более подробно см. раздел 1.3.). Вокруг очага собиралась вся патриархальная семья, здесь совершалось каждодневное, наполненное мифологическим смыслом, таинство насыщения пищей.

Третий уровень башни тождественен небу, посланником неба в мифе, а затем и в обычаях горцев (см. раздел 1.3.) являлся гость, поэтому третий уровень принадлежит гостю. В эпоху матриархата очаг — пространство женщины, а мужчина-охотник был гостем в доме. Отзвук этих связей женщины и мужчины с жилищем сохранился в некоторых обычаях горцев. Еще в начале XIX в., как говорилось, для мужчины считалось позором находиться днем в общесемейной комнате, и он туда пробирался тайно только с наступлением темноты [101]. Отсюда и конкретное проявление обычая избегания, и место мужчины-гостя — кунацкая, отсюда — мужчина на правах «гостя», а затем, в более позднее время, — как патриарх рода — занимал самое почетное место у очага в общесемейной комнате во время ритуальной трапезы. Верхним пространственным уровнем фиксировалось и новое общественное положение, которое обретали молодые люди, вступившие в брак. Молодожены располагались на третьем этаже башни (рис.13).

Наиболее интересные примеры башенного архетипа с трехчастной вертикальной структурой дают исследования народного жилища нагорного Дагестана академика Г.Я.Мовчан [102]. В памятниках древнейшего аварского жилища особенно выделяются башенные дома гиндальского типа, которые имеют три уровня следующего назначения: хлев — жилье — жилье (см. рис.10, 11). Причем каждый уровень представлен единым прямоугольным в плане помещением с автономным наружным входом, и если автономный вход в хлев логичен с точки зрения современных представлений о функциональ-

ном зонировании, то отсутствие внутренней связи между двумя жилыми этажами, принадлежащими одной родовой семье, не имеют объяснений, о чем подробно рассказывает академик Г.Я.Мовчан: «...Несомненно, это не деление жилища на мужскую и женскую половины, или летнее и зимнее помещения, а также не позднейшая надстройка в связи с увеличением семьи... Такую композицию нельзя рассматривать и как решение общей задачи расширения жилища в связи с ростом родовой семьи, ибо, если бы это было так, расширение не могло не пойти по более естественному пути удлинения камеры, по крайней мере в тех случаях, когда позволяло место. Между тем многие дома, расположенные сейчас (а по всем данным и прежде) достаточно свободно, имеют два самостоятельных жилых помещения в разных этажах. Сама эта типичность и, можно сказать, стандартность приема указывает, по моему мнению, на существование каких-то особых явлений этнографического порядка, вызвавших такое разделение» [103].

Какие же особые явления определили устойчивость автономно-трехчастной структуры башенного жилища аварцев? По нашему мнению, выделение мифолого-культурологической тенденции в виде материальных следов архитектурной семантики башенного архетипа пространства; то состояние культурной инерции, когда изначальное содержание архаической формы жилища уже забыто, но сакрализация домостроительной традиции требует ее воспроизводства.

Параллельно с формированием нартского эпоса происходит становление горского этикета, основные структурообразующие моменты которого мы описали в разделе 1.3. В качестве структурообразующего начала горского этикета и нормативно закрепившегося на его основе «пространства-поведения» нами был выделен обычай избегания. Мы показали что этот обычай имел конкретный поведенческий характер на уровне символизации пространства общесемейной комнаты — главного пространства традиционного жилища горцев. Пространственно-поведенческие стереотипы как бы отливались в формы пространства жилища. Ритуал приема почетного гостя — в кунацкую, этикет уважения главы рода или гостя — в пространственное выделение почетного места и т.д.

В чем культурный смысл обычая избегания? На наш взгляд, обычай избегания снимает обыденность повседневных отношений прежде всего внутри рода между его членами. «Избегание сакрализует отношения конкретных родственников путем физического их

дистанцирования: между родителями и детьми, между мужем и женой, между мужчинами и женщинами, между старшими и младшими и т.д., что сопоставимо, например, с обычной в нашей повседневной практике служебных отношений дистанцированностью между начальником и подчиненным. За пределами рода избегание имеет еще большее значение, т.к. в случае отсутствия внешнего контроля со стороны патриарха рода или старших членов рода избегание (во всем диапазоне его проявлений — см. раздел 1.3.) становится внутренним нормативно-контролирующим средством горца. В этом нас убеждает институт кровной мести, который вырастает из обычая избегания.

Надо отметить, что практическое осуществление кровной мести носило исключительный характер. Главное назначение института кровной мести — это предотвращение конфликтов, которые могут повлечь за собой кровопролитие, т.е. *наличие института кровной мести оказывало сдерживающее воздействие, служило гарантом соблюдения норм поведения, справедливости и законности*. Сама угроза кровной мести позволяла избежать многих конфликтов между фамилиями, родами, горскими вольными обществами. Так, в Дагестане существовали своеобразные правовые акты-адаты, основанные на общепринятых обычаях. По этим адатам кровная месть разрешалась в исключительных случаях «...по отношению лично к тому, кто совершил убийство, — и только если не удавалось или в условиях бурных столкновений, месть направлялась на его родственников» [104].

Одна из установок рационализируемого мышления горцев видит непосредственную причину строительства наиболее выразительных и значительных по объему башенных сооружений — родовых-боевых башен — в необходимости защиты от кровной мести, и, действительно, родовая-боевая башня могла защитить и защищала кровника от мести. Но «тот, кто подвергался опасности кровной мести, конечно, не имел ни времени, ни условий строить башню. Боевые башни, как правило, принадлежали всему селению» [105].

Значение культурно-символической детерминанты в формировании родовой башни, надо сказать, выразилось в том, что башня строилась не столько для того, чтобы спастись от кровной мести, сколько для того, чтобы предотвращать кровную месть, т.к. башня в средневековую эпоху — действенный символ, зримо актуализирующий представления горца о чести, достоинстве и родовой сплоченности.

Поскольку институт кровной мести носил прежде всего предупредительно-правовой характер и был лишь одним из проявлений более широкого и нормативного по сути обычая избегания, то возникновение средневековых родовых-боевых башен надо рассматривать в пространственно-поведенческом контексте культуры горцев. Нормативный обычай избегания не мог не получить особого, специального архитектурно-пространственного выражения в домостроительном творчестве горцев. Более того, автор считает, что именно избегание стало непосредственной культурно-исторической причиной формирования архитектуры и символики родовых-боевых башен и родовых башенных комплексов, основанных на мифологической модели башенного архетипа пространства.

В культурах, в которых отсутствует письменность или таковая является второстепенным способом передачи и хранения информации, актуализируются иные виды коммуникации, например с помощью народного искусства и архитектуры. Причем это не означает, как отмечали Л.Н.Гумилев и К.Леви-Стросс, что уровень развития «бесписьменных» культур ниже «письменных». Данная особенность — признак иного качества, иное направление развития культуры. Более того, развитие письменной коммуникации со временем вытесняет на периферию культурного пространства искусство живой речи, устную фольклорную традицию и делает второстепенной по значимости информационную функцию архитектуры и декоративно-прикладного искусства.

В XIII - XV вв. народы Северного Кавказа стали использовать письменность греческого, грузинского и арабского языков для распространения соответственно либо христианства, либо ислама [106]. В Северной Осетии и Аварии есть памятники грузинской письменности XIV в., кроме того, на территории Северного Кавказа находят памятники с надписями на тюркском и персидском языках. В этот же период идет процесс формирования собственной письменности: адыгейской, осетинской (на основе сирийско-несторианского алфавита), аварской (на основе грузинского и арабского алфавитов) [107]. Но письменная тенденция только возникает, на первом же месте по-прежнему остаются традиционные виды культурной коммуникации. К ним относятся пространственно-поведенческий, фольклорно-эпический и эпиграфический комплексы, которые выражаются и осуществляются с помощью домостроительного, устного и декоративно-прикладного творчества горцев.

В средневековой традиции домостроительного творчества горцев башенная архитектура приобретает два коммуникационных качества — *символически-образное* и *собственно информационное*. *Первое* реализуется посредством архитектурных символов-образов в виде пространственных форм таких башенных сооружений, как родовая-боевая башня, родовой башенный комплекс, родовые башенные склепы. Все эти формы — «старые» формы мифологического происхождения — наполняются новым содержанием средневековой горской культуры, доминанта которой состоит в утверждении чести, достоинства и сплоченности рода, родовой патриархальной семьи.

Второе, культурно-коммуникационное, качество башенной архитектуры реализуется в более непосредственном виде, в виде пектроглифов, фамильных тамг и крестов-оберегов, высеченных на каменных плитах и включенных в массив стен башенных сооружений (рис.14, 15).

Символически-образное качество башенной архитектуры достигается кардинальным изменением установки восприятия и построения композиции башенного архетипа пространства с его внутренней на внешнюю форму. Композиционный и семантический центр традиционного жилища — родовой столб или очажная цепь — как бы выносятся за пределы общесемейной комнаты *в виде башни*, которая становится «центром» всего жилого комплекса или родового квартала селения и выполняет роль мифологического образа мирового дерева. Мы уже отмечали выше, что башенный архетип есть мифологический вариант мирового дерева, но в новом своем качестве композиционно-семантического центра всего жилого пространства — патриархальной семьи — фамильной усадьбы или рода — родового квартала (родового селения) башенный архетип перестает быть собственно жилым пространством и становится его символом, словно сжимаясь до пределов внешне выраженной башенной формы и превращаясь в архитектурный образ вертикальной оси. Вертикальная и горизонтальная структуры башенного варианта мирового дерева трансформируются. Особенно сильно это затронуло вертикальную структуру башенного архетипа. Увеличение высоты башни при одновременном уменьшении размеров основания превращает ее вертикальные уровни в некоторое подобие площадок лестничной клетки. Внутри башни существует подъемная лестница (бревно с врубками), с помощью которой через люки в междуэтажных перекрытиях

и совершается восхождение на верхний уровень башни. Количество уровней в этой ситуации неминуемо растет и достигает 6 — 7 ярусов. Однако и здесь мы находим отзвуки мифологической семантики, во-первых, в виде «странной формы» перекрытия над вторым уровнем, которое выполнено в форме ложного свода и имеет в местах угловых пересечений конструктивно бесполезные выступы, называемые «гуртами». Не вдаваясь в генезис этой формы, лишь отметим, что ею обозначается пространство срединного второго уровня, тогда как над другими вышележащими уровнями перекрытия плоские, т.е. не имеют композиционно обозначенной точки-центра. Большинство родовых-боевых башен имеет сквозную камеру [108], т.е. периметр стен выполнен из камня, а перекрытие устраивается из деревянных балок (брусьев или бревен) и конструктивно жестко не привязано к несущим стенам (высота междуэтажных перекрытий может в большинстве случаев варьироваться). Такая конструкция есть радикальный ответ на увеличение количества уровней, и лишь особый тип так называемых вайнахских башен, расположенных в сопредельных с Ингушетией районах Северной Осетии, имеют *ложносводчатое перекрытие с гуртами*, — если это не форма центрального общесемейного пространства, то что же? «Старая форма», смысл которой к этому времени уже был утрачен, но домостроительная традиция донесла до нас архаичный образ мифологических представлений [109].

Пространство проживания большой патриархальной семьи или рода, которое маркировалось родовой-боевой башней, имеет у всех горских народов Северного Кавказа специальные термины [110]. Так, в Дагестане квартал чаще всего называют «тухум», у чеченцев и ингушей — «кун», а слово «тухум» обозначает территориально-родовые объединения, у осетин — «сых», у балкарцев и карачаевцев — «журт», этим же словом у них называется и усадьба, тогда как у чеченцев и ингушей одним и тем же словом называется и усадьба, и двор, соответственно — «ков-керт» и «ков-карт», где «керт» и «карт» означают «ограда».

Наличие развитой системы названий горских поселений и их структурных элементов отражает устойчивую традицию пространственно-кровнородственной организации жилища, в которой количественный параметр имел подчиненное значение и являлся следствием степени родства его жителей и степени общности их территориально-хозяйственных связей. Почти у всех горских народов Се-

верного Кавказа «жилище», «дом» и «общесемейная комната» обозначаются одним и тем же словом: «унэ» (адыгейцы, кабардинцы, черкесы); «хадзар» (осетины); «юй» (балкарцы, карачаевцы); «цја, цёнош» (чеченцы). Комната для молодой супружеской пары также имеет специальное название: «отоу» (балкарцы, карачаевцы, ногойцы); «ото» (чеченцы); «отув» (ингуши); «уат» (осетины); «лэгъунэ» (адыгейцы, кабардинцы, черкесы); специальным термином обозначают и комнату-кунацкую. В то же время отсутствуют обычные для современной домостроительной практики членения жилого пространства и соответствующего ему наименования по функциональному признаку на такие его составляющие, как спальня, столовая, общая комната, кухня и т.д. Элементарные единицы пространства горского жилища в основном выделяются по семейно-родовому, а не функциональному признаку; исключение составляет группа хозяйственных помещений, таких как хлев, конюшня, овчарня, птичник, но и они, как об этом уже говорилось выше, имеют, кроме хозяйственно-функционального назначения, мифолого-символический смысл.

Таким образом, пространство в домостроительной традиции горцев — фактически средство и символ-цель выражения степени «интеграции-дифференциации» семейно-родовых отношений. В средневековую эпоху ключевое место в этом процессе символизации пространства занимают трансформируемые инварианты башенного архетипа, реализуемого в родовых башенных сооружениях горцев.

Структура кровнородственной организации традиционного жилища символизируется в семантической оппозиции внутренних и внешних пространств разного уровня, начиная с его элементарной единицы — «комнаты» — до «селения» в целом. Оппозиция «внутреннее — внешнее» носит относительный характер. То, что было «внешним» для предыдущего уровня пространственной организации, становится «внутренним» для последующего, и наоборот. «Относительность» заключается и в том, что, несмотря на выделение в целях анализа «архитектурной единицы» жилого пространства из окружающего ее контекста, эта архитектурная единица должна все-таки мыслиться не сама по себе, как некоторое отношение *внутреннего*, принадлежащего собственно анализируемому объекту пространства, к пространству *внешнему*, «обнимающему» внутреннее. Это нами было рассмотрено по отношению к общесемейной комнате в разделе «Символика пространства-поведения горцев».

В домостроительной практике горцев наименование «внутрен-

нее» пространство получает при наличии собственно «центра», через маркирование пространства «вертикальной осью» соответствующего масштаба: «элементарная» комната (отоу) имеет своей вертикальной осью пристенный очаг; общесемейная комната или кунацкая — несколько вариантов центра — родовой столб, открытый очаг с очажной цепью или комбинированные варианты, например родовой столба с пристенным камином и т.д. Усадьба маркируется родовой-боевой башней, квартал — одной или несколькими родовыми башнями, селение — ансамблем родовых башен, а в ряде случаев — и сторожевой башней близ этого селения (на вершине над селением или в ущелье, при входе в селение). Цепочку пространственно-семантических отношений — «центр» (ЦН) — «внутреннее» (ВН) — «внешнее» (ВШ) различных уровней горского жилища можно представить в следующей форме:

ЦН	ВН	ВШ
I. Пристенный очаг	Элементарная комната	Дом
II. Родовой столб. Открытый очаг с над- очажной цепью. Комбинации столба и очага	Дом (общесемейная комната)	Усадьба
III. Родовая-боевая башня	Усадьба (родовой комплекс)	Квартал
IV. Родовая-боевая башня	Квартал	Селение
V. Ансамбль родовых башен. Сторожевая башня	Селение	Окружающий ландшафт

Некоторые исследователи считают, что даже самые мощные родовые-боевые башни и башенные комплексы не были рассчитаны на оборону от внешнего врага [111] и никогда не подвергались нападениям — ни во время нашествия полчищ Тимура в XIV в., ни во время агрессии со стороны Османской империи, Крымского ханства и

Ирана в XVI — XVII вв., так как были расположены в труднодоступных высокогорных районах Северного Кавказа. Об этом свидетельствует и квадратная форма родовых башен, которая наиболее уязвима для стенобитных машин, с помощью которых выбиваются угловые камни и таким образом происходит разрушение прямоугольной башни [112]. С точки зрения военной стратегической обороны, наиболее целесообразны башни круглой формы, но именно таких мы и не находим в домостроительной культуре горцев Северного Кавказа. Иное фортификационное назначение родовых-боевых башен — защита от ближайших соседей — также не могло быть основой генезиса и формообразования этого типа сооружений, потому что военные конфликты между союзами сдерживались родовым, как мы уже упоминали, институтом кровной мести.

Не ясен и вопрос применения в башенных сооружениях того или иного типа оружия: огнестрельное или лук со стрелами? Было бы резонно, если бы архитектурная форма фортификационных сооружений предусматривала применение наиболее доступного и распространенного типа оружия, каковым на Северном Кавказе являлись лук и стрелы, которые были полностью вытеснены огнестрельным оружием лишь в XVIII в., хотя последнее проникает в этот регион уже в XVI в. Однако лук и стрелы могли быть использованы только при ведении боя с открытой площадки башен. В вайнахских башнях, имеющих закрытые ступенчато-пирамидальные завершения, применение этого вида оружия затруднено из-за узких проемов-бойниц на промежуточных уровнях, но если учесть, что активное строительство родовых-боевых башен велось уже в XV в. [113], а в местах их локализации наибольшее распространение имели холодные виды оружия, то объяснение генезиса форм северокавказских башенных сооружений чисто фортификационными причинами не выдерживает критики. Можно предположить, что, если бы родовые-боевые башни были исключительно жизненно необходимыми оборонными сооружениями, то, надо полагать, их строительство стало бы обязательным для каждого горского селения, но именно такой обязательности не наблюдается. Более того, по этому вопросу есть интересные, необъяснимые с функционально-рационалистических позиций данные. Исследователями В.П.Христиановичем [114] и Л.П.Семеновым [115] описаны следующие факты формирования горских селений Ингушетии.

В нижней части ущелья Чулхой-хи пятнадцать поколений назад

поселился род Селгиевых, пришедший сюда из аула Цори, и основал селение по имени своего рода — Салги. Малочисленность жителей нового селения, трудности освоения нового жизненного пространства, необходимость защиты отвоеванных территорий побудили новопоселенцев допустить на пограничный (через овраг) холм горцев из «рода» Гу, от которых пошла фамилия Гухоевых и название соседнего селения — Гу. Гухоевы со временем выкупили у Салгиевых свои земли и хотели (и имели возможность) построить родовую-боевую башню, но так как Салгиевы считали пришельцев своими лейями (рабами), то они не позволили им строить, и оба селения остались без родовых-боевых башен. Аналогичная ситуация сложилась при возникновении селения Лейлах и соседствующего с ним более молодого селения Хени в Чулхойской долине. Но в этом случае жители обоих селений в знак заключения межродового союза построили одну общую боевую башню, для чего пригласили «евреев-каменщиков» и оплатили поровну их работу, выделив им несколько десятков голов скота. В обоих случаях парные селения «Салги — Гу» и «Лейлах — Хени», по определению В.П.Кобычева, фактически являлись едиными территориально-хозяйственными образованиями [116] и необходимости организации обороны внутри этих образований со стороны каждого из двух составляющих поселения родовых комплексов не было. Военная защита этих полигенных поселений, как видно из фактического материала, осуществлялась не с помощью специальных башенных сооружений, а, в первую очередь, посредством людских ресурсов — вооруженных мужчин этих селений, а также всего комплекса построек, тогда как строительство родовой-боевой башни являлось актом, по сути, символическим. «Старая форма» — башенный архетип пространства — в средневековую эпоху получает новую жизнь, новое содержание — становится символом рода, символом его чести, достоинства, силы и сплоченности, главным средством символизации жилого пространства в домостроительных традициях горцев Северного Кавказа.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

1. Джанджиери М.И., Лежава Г.И. Народная башенная архитектура. М.: Стройиздат, 1976.
2. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983; Леви-Стросс К. Структурная антропология.

М.: Наука, 1985; *Levi-Strauss C. La pensee sauvage*. P., 1962; *Тайлор Э.Б. Первобытная культура*. М.: Политлит, 1989; *Lerou-Gourhan A. Le geste et la parole, V.Z. // La memoire et les Rythmes*. P., 1965.

3. *Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура*. М.: Политиздат, 1991; *Фрейденоберг О.М. Миф и литература древности*. М.: Наука, 1972; *Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки; Голосовкер Я.Э. Логика мифа*. М.: Наука, 1987.

4. *Lerou-Gourhan A. Указ. соч.*

5. *Фрейденоберг О.М. Указ. соч. С.28.*

6. *Там же.*

7. *Байбурин А.К. Указ. соч.*

8. *Там же.*

9. Например, описание обряда по древнеиндийской традиции, представленное в работе: *Е.В.Антонова. Очерки культуры древних земледельцев передней и средней Азии (опыт реконструкции мировосприятия)*. М.: Наука. С.78.

10. *Мифы народов мира*. М.: Сов. Энциклопедия, 1991. Т.1. С.398-405.

11. *Асанов Ю.Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев*. Нальчик: Эльбрус, 1976. С.30.

12. *Там же; Кобычев В.П. Поселение и жилище народов Северного Кавказа в XIX - XX вв.* М.: Наука, 1982. С.80.

13. *Мифы народов мира*. Т.1. С.440-448.

14. *Чибиров Л.А. Осетинское народное жилище*. Цхинвали: Ирыстон, 1970. С.123.

15. *АИЭ. Полевой материал, 1968; с.Старый Чегем, тетр.1, л.46.*

16. *АИЭ. Полевой материал, 1969; с.Дарго, тетр.1, л.13.*

17. *АИЭ. Полевой материал, 1962; с.Гунделен, тетр.1, л.86, об.90.*

18. *АИЭ. Полевой материал, 1962; с.Мамхег, тетр.1, л.79, 83.*

19. *Воронина В.Л. Конструкция и художественный образ в архитектуре Востока*. М.: Стройиздат, 1977. С.90, 91.

20. *Мифы народов мира*. Т.1. С.240.

21. *Чибиров Л.А. Указ. соч. С.124.*

22. *Текеев К.М. Жилище карачаевцев в XIX в. // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1972. № 5. С.78.*

23. *Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925 - 1932 гг.* Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. С.72.

24. *Топоров В.Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией "мирового древа" // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып.5; *Топоров В.Н.* Из позднейшей истории схемы мирового древа // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.

25. *Топоров В.Н.* Из позднейшей истории схемы мирового древа.

26. Мифы народов мира. Т.1. С.404.

27. Там же.

28. *Мамбетов Т.Х.* Материальная культура сельского поселения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971. С.160.

29. *Топоров В.Н.* Из позднейшей истории схемы мирового древа.

30. *Гаджиев С.Т.* Материальная культура кумыков XIX - XX вв. Махачкала, 1980. С.74.

31. О символической тождественности центрального столба и очага свидетельствует, в частности, название опорного столба у чеченцев — "эрдбау", происшедшее от древнегреческого слова "эрдо", что означает "светодымовое отверстие" (см.: *Кобычев В.П.* Указ. соч. С.128).

32. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII - XVIII вв.) // Сост. Калоев Б.Г. Орджоникидзе, 1967. С.263.

33. *Кобычев В.П.* Указ. соч. С.131.

34. Материалы адыгейского отряда. АИЭ. 1962. - Тетр.1, л.87.

35. *Кобычев В.П.* Указ. соч. С.131.

36. *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. М., 1963.

37. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. М., 1982. Ч.2. С.261.

38. Мифы народов мира. Т.1. С.606.

39. *Кабисов Р.С.* К вопросу о мировоззренческих мотивах в осетинском эпосе. Цхинвали, 1972. С.40.

40. Нарты. Кабардинский эпос. М., 1957. С.35.

41. Там же. С.359 - 360.

42. Сказания о нартах. Цхинвали, 1981. С.155.

43. Чудесные родинки. Сказания, сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1963.

44. Там же.

45. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948. С.137 - 166.

46. Там же. С.248 - 260.

47. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976. С.10, 11.
48. Сказания о нартах.
49. Хан-Гирей. Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1989. С.162.
50. Дьячков-Тарасов А.Н. Абадзехи // Записки Кавказского отделения Русского географического общества. Тифлис, 1902. Кн.22. Вып.4. С.15.
51. Хан-Гирей. Указ. соч. С.174.
52. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Т.1. С.475.
53. Хан-Гирей. Указ. соч. С.158 - 161.
54. Бгажноков Б.Х. Прием почетного гостя в традиционной культуре адыгских (черкесских) народов // Этнические стереотипы поведения. Л.: Наука, 1985. С.179.
55. Там же.
56. Абаев В.И. Дохристианская религия осетин // Доклад на XXV международном конгрессе востоковедов. М., 1960. С.11.
57. Там же.
58. Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1994. С.156 - 159.
59. Мовчан Г.Я. Древняя архитектура Аварии (горный Дагестан) // Дис. ... д-р архит. М., 1970. С.148.
60. Голан А. Указ. соч. С.159.
61. Там же.
62. Бернштейн Э.Б. Архитектура балкарского народного жилища. М.: Дикси, 1993. С.33 - 35.
63. Там же. Рис.3, 4, 27, 28, 29, 54, 56, 57.
64. Хан-Гирей. Указ. соч. С.173.
65. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С.86.
66. Кобычев В.П. Указ. соч. С.140.
67. Текеев К. Жилище карачаевцев в XIX в. (Цитируется по: Кобычев В.П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа. С.140, 141).
68. Асанов Ю.Н. Очаг балкарского жилища (XIX - начало XX в.) // Вестник Кабардино-Балкарии. Нальчик: КБНИИ, 1972. Вып.6. С.155 - 156.
69. Там же.
70. Кобычев В.П. Указ. соч. С.142.

71. Бгажноков Б.Х. Указ. соч. С.22.
72. Цитируется по: Кобычев В.П. Указ. соч. С.131.
73. Хан-Гирей. Указ. соч. С.164.
74. Пчелина Е.Г. Погребальные комплексы из Сохта, Урсдзуар и Рук Юго-Осетии // ИЮОНИИ. Вып. XV. Цхинвали, 1963. С.148, 149.
75. Пчелина Е.Г. Указ. соч. С.149.
76. Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975. С.10 - 15; Джанджиери М.И., Лежава Г.И. Указ. соч. С.5, 77.
77. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С.174.
78. Тменов В.Х. Традиционное каменное зодчество средневековой Осетии // Автореф. дис. ... д-р ист. наук. М., 1994. С.15, 16.
79. Цитируется по книге: Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов н/Д: Русская энциклопедия, 1990. С.84.
80. Латышев В.В. О чудесных слухах // Вестник древней истории - 2. М. - Л., 1947. С.327, 328.
81. Цитируется по: Джанджиери М.И., Лежава Г.И. Указ. соч. С.51.
82. Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре. Десять книг / Пер. Мишулина А.В. Л.: ОГИЗ, 1963. Кн.II. С.48.
83. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С.197.
84. Там же. С.110.
85. Витрувий. Десять книг об архитектуре / Пер. Петровского Ф.А. М., 1936. Кн.2. С.41, 42.
86. Марк Витрувий Поллион. Указ. соч. С.48.
87. Цитируется по книге: Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. С.197.
88. Марк Витрувий Поллион. Указ. соч. С.47 - 49.
89. Лелеков Л.А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н.э. // История и культура народов Средней Азии. М.: Наука, 1976. С.7 - 17.
90. Лелеков Л.А. Указ. соч. С.8, 9.
91. Мифы народов мира. Т.1. С.603.
92. Там же.
93. Там же.
94. Там же. С.604.
95. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. С.252.

96. Голан А. Указ. соч. С.64.
97. Крупнов Е.И. Указ. соч. С.128.
98. Кобычев В.П. Указ. соч. С.143.
99. Об изменении тотемной семантики на солярную см. более подробно в разделе "Священный баран" в кн.: Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1994. С.62 - 70.
100. Джанджиери М.И., Лежава Г.И. Указ. соч. С.90, 91.
101. Дьяков-Тарасов А.Н. Абадзехи // Записки Кавказского отделения Русского географического общества. Тифлис, 1902. Кн.22. Вып.4. С.15.
102. Мовчан Г.Я. Жилище нагорного Дагестана в XIX - XX вв. // Дис. ... д-р ист. наук. М., 1945 - 1950. Т.2.
103. Мовчан Г.Я. Предварительные заметки о типологии жилища народов нагорного Дагестана // Доклад на сессии института этнографии. М.: МАРХИ, 1947. С.46 - 48.
104. Гольдштейн А.Ф. Указ. соч. С.53.
105. Там же.
106. История народов Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. С.253.
107. Там же. С.253, 254.
108. Тменов В.Х. Указ. соч. С.12.
109. Основные термины по жилищу горцев Северного Кавказа приводятся по: Кобычев В.П. Указ. соч. С.193, 194.
110. Гольдштейн А.Ф. Указ. соч. С.50.
111. Там же. С.34.
112. Там же. С.47, 48.
113. Марковин В.И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры // АН. М., 1975. № 23. С.22.
114. Христианович В.П. Горная Ингушетия. Ростов н/Д, 1928. С.74 - 76.
115. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925 - 1932 гг. Грозный, 1963. С.66.
116. Кобычев В.П. Указ. соч. С.30.

2. СИМВОЛИКА ФОРМ БАШЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

2.1. КАНОНИЗАЦИЯ ФОРМ БАШЕННОГО АРХЕТИПА

Символизация пространства основана на историческом отборе и канонизации архитектурных форм в процессе домостроительного творчества многих поколений безымянных зодчих. Эти явления как признак становления архитектуры можно наблюдать в истории культуры различных народов. Канонизация могла захватить не только элементы формы пространственного архетипа (в частности элементы строечно-балочной конструкции древнегреческого храма в виде форм античного ордера), но и форму архетипа в целом, например формы культовых сооружений в средневековой архитектуре арабо-мусульманских стран.

Обращение к традиционной, допрофессиональной архитектуре различных народов наводит на мысль, что процессы символизации и отбора форм пространства и выработка на их основе языка архитектурных форм имели место не только у великих наций и в великие эпохи. В той или иной степени эти процессы имели место в архитектурно-строительных культурах всех народов.

Анализ архитектурного наследия горцев Северного Кавказа показывает широкое культивирование формы башенного архетипа и его составляющих в домостроительном творчестве их. Башенная форма, кроме того что она получила повсеместное распространение на Северном Кавказе, проявила себя как наиболее устойчивая архитектурная форма, сохранившая актуальность для народной культуры этого региона вплоть до середины

XIX в. Это касается прежде всего архитектуры родовых башен и сакральных сооружений и отчасти культовой архитектуры, которая формировалась под сильным влиянием архитектурных традиций христианства или мусульманства. Таким образом, можно говорить о своеобразной канонизации формы башенного архетипа пространства и ее составляющих.

Канон есть эталон человеческой деятельности и ее результатов. Канонизация — процесс обобщения как предметных образцов, так и процессов деятельности по их созданию. Канонизация формы пространства вообще и формы башенного пространства в частности имеет, по крайней мере, два момента: *во-первых*, по отношению к деятельности — это профессионализация архитектурно-строительного творчества; *во-вторых*, по отношению к культуре — это *символизация* пространства и становление собственно архитектуры как вида искусства.

Канонизация формы башни как процесс профессионализации народного домостроительного творчества горцев обнаруживает себя в появлении семейных кланов мастеров-ремесленников.

Канонизация формы башни как процесс ее символизации заключается в превращении башни в символ рода, в разработке архитектурно-художественных образцов и образов башенной формы пространства и ее пластических элементов.

Канонизация форм пространства есть следствие утраты «сказочной» целостности мироощущения родового человека, иными словами, канонизация знаменует собой распад мифологического синкретизма, распад слитности жизнедеятельности с формами ее пространственной организации. Когда же происходит канонизация форм башенного архетипа, когда пространство башни *перестает быть пространством жизни рода и становится символом его*? Процесс канонизации и символизации формы башенного архетипа в народной культуре горцев Северного Кавказа еще мало изучен, но уже сегодня можно предположить, что он достаточно разнообразен и происходил в различные промежутки времени, охватывающие ориентировочно период с XII по XVII вв.

Наиболее последовательными носителями традиций башенного строительства среди кавказских горцев являлись те народы, которые в наибольшей степени и более продолжительно находились в самоизоляции. На Кавказе исторически сложились два центра канонизации башенной архитектуры: в Закавказье — Сванетия, на Север-

ном Кавказе — Ингушетия. Не случайно, что и связанная с этим процессом профессионализация народного домостроительного творчества происходит по национальному признаку — признанными мастерами башенного строительства становятся сваны и ингуши (вайнахи).

В селении Даргавс Северной Осетии возвышается башня, принадлежащая роду Мамсуровых и построенная ингушскими мастерами. Помимо нее, в селениях Нижняя Саниба и Верхний Кани В.Х.Тменовым зафиксированы еще три башни, возведенные, по всей вероятности, ингушскими зодчими. По своему объемно-пространственному решению они очень близки классическим вайнахским башням и отличаются от них лишь отсутствием завершения пирамидально-ступенчатой формы. Все эти башни расположены в бассейнах рек Геналдон и Гизельдон, которые протекают через территорию, принадлежащую тагаурцам — одному из четырех осетинских обществ, граничащей с землями вайнахов. Поэтому не случайно, что башни, возведенные вайнахскими мастерами, обнаружены именно в Тагаурии. Это обусловлено не только территориальной близостью тагаурских осетин с ингушами, но и развитыми культурными взаимоотношениями между этими народами.

Вайнахских зодчих нередко приглашали вожди родовых союзов и общин, населявших горные районы Грузии, — Хевсуретию, Хеви и Тушетию. Многие башни, сохранившиеся в этих районах, буквально копируют формы классических вайнахских башен.

Большим уважением и славой искусных мастеров пользовались и сванские зодчие. Башни, возведенные ими, можно встретить не только в селениях Сванетии или других районов Грузии, но и далеко за их пределами. В частности, по другую сторону Кавказского хребта, в верхней Балкарии, у села Верхний Чегем возвышается башня, которая по своему внешнему виду повторяет сванские башенные формы и является единственной в своем роде на всей территории Балкарии [1]. Башня расположена в центре селения, на вершине пологого склона, в окружении полуразрушенных жилых и хозяйственных построек (рис.16).

В Черек-Балкарском ущелье, на окраине аула Кунюм, расположена хорошо сохранившаяся башня, которая, по преданию, принадлежала роду Абаевых. Она была построена в конце XVI — начале XVII в. по заказу одного из предков рода — Али-Мурзы [2]. Башня Абаевых, в отличие от многих аналогичного типа сооружений, рас-

положенных в ущельях Верхней Балкарии, насыщена резьбой по камню: в трех стенах пятого этажа видим четырехконечные кресты, выдолбленные в каменной кладке рукой умелого мастера. Многие вайнахские родовые-боевые башни украшены углубленным узором, напоминающим человеческую фигуру с расставленными ногами и раскинутыми руками. Подобное украшение получило название «голгофы». Так называемые «голгофы», широко распространенные в Северной Грузии, Чечне и Ингушетии и отмеченные в данной башне, не получили распространения ни в Балкарии, ни в Карачаево-Черкесии. Этот элемент, а также форма кровли и пропорции родовой-боевой башни Абаевых позволяют предположить, что она возводилась мастерами, приглашенными либо из Сванетии, либо из Ингушетии. Приведенные факты достаточно наглядно указывают на центры канонизации башенной архитектуры на Кавказе (рис.17, а, б).

Что обусловило канонизацию именно формы башенного архетипа пространства и как проходила канонизация? В общих чертах можно представить следующую картину. Северный Кавказ — один из наиболее древних регионов человеческого обитания. Данные археологии позволяют считать, что история обживания Северного Кавказа начинается с эпохи нижнего палеолита [3]. Уже в первой половине IV тыс. до н.э. северокавказские племена занимались земледелием и скотоводством, т.е. перешли к производящим формам хозяйства, а уже в III тыс. до н.э. возникают первые этноплеменные общности. Академиком Н.И.Вавиловым было доказано, что Кавказ является наиболее древней областью возделывания хлебных злаков, зерновых, бобовых [4]. Кавказ, и Северный Кавказ в частности, был также одним из древнейших очагов металлургии и металлообработки.

В силу особенностей этногенеза и особой политической ситуации культура народов Северного Кавказа не укладывается в типичные для западноевропейской цивилизации формы развития и не может быть понята с позиций европоцентризма. Сопредельная с Северным Кавказом «Великая степь» на протяжении двух тысячелетий захлестывала этот регион волнами кочевников: скифов, сарматов, алан, гуннов, булгар, хазар, татаро-монголов, полчищ Тимура. Постоянные нашествия кочевников и связанные с ними процессы сложного этногенеза обусловили неповторимую, не укладывающуюся в общепринятые этапы мирового развития, историю народов Северного Кавказа. История региона носит, если можно так выразиться, циклический характер, в культуре северокавказских народов как

бы многократно «проигрываются» вечные сюжеты мироздания. Мы говорим «как бы», потому что фактически все гораздо сложнее, процесс исторического развития продолжался, но в качественно ином по отношению к общепринятым традициям плане. Историкам еще предстоит изучить и по достоинству определить уникальность этого региона в контексте развития общемировой цивилизации. Важно отметить, что именно историческое своеобразие и обусловило такие явления, как устойчивость родовых отношений, мифологических пластов культуры и связанных с ними языческих верований, обрядов и традиций народного домостроительного творчества.

Монотеистические религии — христианство и ислам — начинают проникать на Северный Кавказ уже в VII — IX вв., но процесс их распространения среди большинства населения затянулся на 800 — 1000 лет [5]. Так, часть вайнахов (особенно ингуши) в XI — XII вв. приняли христианство, затем в XVI в. происходит исламизация этих народов, которая завершается для большинства населения Чечни и Ингушетии лишь в XVIII и даже в XIX вв. Аланы — предки современных осетин — приняли христианство в качестве государственной религии в X — XII вв., но большинство населения того времени продолжало оставаться языческим, что в течение последующих веков породило своеобразный симбиоз христианских и языческих обрядов, сохраняющих свою актуальность до настоящего времени. Адыги и абазы в XVI — XVIII вв. считались полухристианскими-полумусульманскими народами. Западноевропейские путешественники XVII — XVIII вв. не могли понять, какую религию они исповедуют — языческую, христианскую или мусульманскую. В Балкарию и Карачай ислам проник в конце XVII — начале XVIII в., в Кабарду — в XVII в. В Дагестане процесс принятия ислама продолжался более 900 лет, начиная с эпохи арабских завоеваний.

На необычную устойчивость и существенность мифологических пластов сознания в культуре горцев как в средневековую, так и более позднюю эпоху указывает также актуальность архаичного обряда погребения. Как известно, и ислам, и христианство требуют захоронения покойников в земле. Несмотря на это, у многих народов Северного Кавказа погребение, вплоть до середины, а в некоторых случаях и до конца XIX в., совершалось в наземных гробницах (склепах) путем открытого трупоположения.

Все это свидетельствует об устойчивости и актуальности мифологических по происхождению обрядов и верований в средневеко-

вой культуре горцев. Отсюда относительно слабое влияние традиций и канонов христианской и мусульманской архитектуры на процесс канонизации архитектурно-строительного творчества народов Северного Кавказа. Канонизация как процесс профессионализации домостроительного творчества обычно начинался с тех объектов строительства, которые занимали наивысшее место в иерархии культурных ценностей массового сознания. В странах с утвердившимися монотеистическими религиями ведущими объектами архитектурно-строительной канонизации становились культовые здания. У народов же Северного Кавказа культовые здания занимают подчиненное положение по отношению к сакральным сооружениям (башенным склепам) и родовым башням, что способствовало сохранению культа предков и родовых связей.

Становление религиозно-этических норм и утверждение нового религиозно-понятийного и рационально-прагматического сознания в средневековой культуре горцев в большей степени, чем у других народов мира связано с предыдущим мифотворческим сознанием. В средневековый период в домостроительном творчестве народов Северного Кавказа пространственно материализуются в собственно символично-мифологические образы и пространственно выражаются бытовые процессы. Мифологическая синкретичность жилища-предков, жилища-людей и жилища-богов, выраженная в трехъярусной структуре башенного архетипа жилища, оказалась разорванной. Каждое из этих «жилищ» получает свой архитектурный символ: жилище предков — башенный склеп, жилище людей — родовую башню; жилище богов — храм, языческий, христианский или мусульманский. Причем жилище людей, в свою очередь, как бы раздваивается на символическое жилище рода — родовую башню и на бытовое повседневное жилище — жилой дом на одну патриархальную семью. Именно в позднее средневековье вырабатываются и получают распространение типы башенного склепа и родовой башни, башни — символа патриархального рода.

Это находит отражение в строительных обрядах, суевериях и преданиях горцев. «Построение башни должно было свидетельствовать о родовой сплоченности и мощи; поэтому в работе добровольно принимали участие все члены данной фамилии, помогая и живой силой, и средствами... По окончании работ устраивали пиршества, на которых присутствовал весь род» [6]. Существует предание о чудесном восстановлении поверженной башни, башни-духе деревни

[7]; т.е. сохранилось представление о башне как о пространственном символе селения, в котором обычно проживали члены одного рода. Значение башни как символа рода нашло выражение и в обычае, регламентирующем время ее строительства. По обычаю, строительство башни должно быть завершено в течение года, в противном случае башня оставалась недостроенной. В ингушских селениях Морч, Терши, Лейлаг есть целый ряд недостроенных башен, что подтверждает действенность обычая. В более позднее время этот обычай-запрет, по-видимому, имел своей целью ограничить постройку башни «худородными» фамилиями, т.е. использовался как средство выражения социального расслоения горского общества. Можно предположить, что форма этого обычая есть мифологическое отождествление временной характеристики космоса — земного года, с временной характеристикой создания пространственной модели космоса — строительство башни в течение года.

Особенно выпукло символизация мифологического значения башенного архетипа проявляется в форме своеобразных святилищ-монументов. Наибольшее распространение эти сооружения имеют в Ингушетии и Северной Осетии. Святилище-монумент представляет собой столпообразное сооружение без внутреннего помещения, своеобразную внешнюю копию башенного дома. В Ингушетии монолитные столбы-святилища носят название «сиелинг», что указывает на их мифологическую связь с культом бога солнца и молнии «Сели» (рис.18, а). Столпообразные святилища-монументы, имеющие вид башенного дома, распространены также в Северной Осетии, здесь они посвящены умершим предкам (рис.18, б).

Итак, пространство башенного архетипа потенциально заключало в себе три мифологических символа жилища — «жилище предков», «жилище рода», «жилище богов». «Жилище богов» с принятием христианства или ислама не могло быть создано в форме «языческой башни», так как это явно входило в противоречие с символикой монотеистических религий и их архитектурными канонами. Хотя у горцев и в культовых зданиях монотеистических религий наблюдаются элементы формы башенного архетипа, остается «жилище предков» и «жилище рода». Первое воспроизводится в форме башенного склепа, второе — в форме родовой башни. Из башенного архетипа жилища выделяется собственно башенная форма, которая и приобретает символическое значение (рис.19).

Канонизация формы башенного архетипа осуществляется как

процесс выявления наиболее характерных особенностей собственно башенного пространства: «центричности» и «вертикальности». В башенной форме все более выделяется ее «башенность» — уменьшается основание башни при одновременном росте ее высоты; усиливается симметричность композиции; отрабатываются своеобразные формы завершения (ступенчато-пирамидальные, плоские); появляется наклон стен, который зрительно увеличивает высоту башни, ее устойчивость и т.д. «Башенность» башни выявляется за счет усиления выразительности ее внешней формы, что, в свою очередь, привело к изменению внутренней пространственной структуры башенного архетипа. Наращивание высоты башни объективно увеличивает число ее внутренних уровней, т.е. нарушается исходная пространственная структура башенного архетипа — трехчастность членений по вертикали. Происходит парадоксальный процесс: визуальное выявление «вертикальности» башенного архетипа во внешней форме ведет к нарушению «вертикальности» структуры его внутренней формы. Кульминацией этого процесса стали своеобразные «игольчатые» формы вайнахских башен.

2.2. АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБРАЗ БАШЕННОГО АРХЕТИПА В ДОМОСТРОИТЕЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ГОРЦЕВ

Рассматривая формы башенного архетипа в качестве «языка» народной архитектуры Северного Кавказа, еще раз обозначим ареалы башенных сооружений и особенности их типологии.

Наибольшее распространение башенные сооружения получили в Чечне, Ингушетии и Северной Осетии. Их можно увидеть повсюду — на скальных кручах, на подступах к ущельям, в составе селений или вне их. Многие из башен и ныне возвышаются среди полуразрушенных жилых и хозяйственных построек, придавая горным селениям неповторимый архитектурный облик и колорит.

Специфика культурно-исторического развития вайнахского народа (чеченцев и ингушей) отразилась на становлении типологии башенных сооружений. Так, у вайнахов, в отличие от народов соседнего Дагестана, намного больше возводилось родовых и фамильных башенных комплексов, тогда как сторожевых и сигнальных башен на территории Чечни и Ингушетии не было. Особым своеобразием отличаются так называемые вайнахские родовые-боевые башни, символы мощи и несокрушимости рода [8].

Чечня и Ингушетия, наряду с Северной Осетией, — район уникального проявления башенной формы — родовых башенных склепов, в которых вплоть до XIX в. хоронили умерших.

Башенный архетип получил распространение и в народной архитектуре Дагестана. Близость этого региона к экономическим и культурным центрам средневековья, тесные контакты с народами Азербайджана и Ирана, а также принятие ислама ускорили процессы дифференциации общественных отношений и становления своеобразного феодального общества. Это привело к тому, что, начиная с VIII — X вв. (время утверждения ислама в Дагестане) башенная архитектура Дагестана формировалась под влиянием, с одной стороны, рационализации пространственной структуры башенного архетипа, а с другой — насыщения традиционного архитектурного языка семантикой форм, выработанных в рамках исламской культуры. И если первая тенденция привела к возникновению своеобразных, глубоко региональных архитектурно-планировочных и конструктивных решений жилых-родовых и родовых-боевых башенных сооружений, то вторая обусловила культурную адаптацию нового типа сооружения — минарета, ранее не известного домостроительному творчеству народов Дагестана.

Расцвет башенного зодчества в Осетии приходится на период с XV по XVII вв. Именно в это время строится большинство боевых башен, расположенных в бассейнах рек Геналдон, Фиагдон, Терек, Урух и Урсдон. В некоторых осетинских селениях и ныне возвышаются древнейшие жилые башни (примерно X — XII вв.).

Башенные сооружения в Северной Осетии, как правило, возвышаются на склонах или же на отвесных скалах ущелий, и лишь некоторые из них расположены в долинах и предгорьях. Это объясняется тем, что переселение осетин с гор на равнину приняло системный характер лишь с первой трети XIX в., когда башенный архетип давно уже утратил свою актуальность, а архитектура вновь образовавшихся поселений формировалась под сильным воздействием традиций зодчества народов Юга России.

Башенные сооружения Северной Осетии представлены несколькими типами построек. Наиболее древними являются: жилые-родовые башни; родовые-боевые, которые возводились в комплексе с жилыми башеннообразными домами; родовые и фамильные башенные комплексы; сторожевые башни и оборонительные сооружения; фортификационные системы и комплексы.

Сравнительный анализ башен, распространенных в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Северной Осетии, показывает, что у осетин типология башенных построек шире, нежели у соседних народов, и прежде всего за счет оборонительных сооружений.

В Кабарде и Балкарии башни сохранились в основном в Черек-Балкарском и Чегемском ущельях. Здесь башенный архетип сохранял свою актуальность вплоть до конца XIX в. Примечателен также и тот факт, что в ущельях Верхней Балкарии, где длительное время культивировались родоплеменные отношения, сохранились не только отдельно стоящие башни, но и целые башенные комплексы, принадлежавшие одной фамилии. По планировочному решению они близки родовым комплексам Северной Осетии, Чечни и Ингушетии.

В Карачае и Черкесии, а также в прилегающих к ним районах Кабарды и Балкарии башни практически не сохранились, да и развалины их исчисляются единицами. Причина, обусловившая столь слабую распространенность башен на этих территориях, связана с особенностями исторического, социально-экономического и культурного развития кабардинцев, карачаевцев и черкесов. Уже в первой половине XII в. в общественном строе этих народов зарождается феодализм, а в XVI — XVII вв. происходит окончательное становление феодальных отношений, закрепившихся появлением новых институтов власти, а также новых традиций, ритуалов, норм поведения и этикета. Г.Интерриано писал: «...Большим стыдом для князя или дворянина было бы построить себе крепость или дом с каменными стенами, потому что это показало бы боязнь или неспособность убежать себя (от неприятеля)» [9].

Таким образом, башенные сооружения на протяжении XII — XVIII вв. были ведущими объектами архитектурно-строительного творчества народов Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, Кабарды и Балкарии, а до XVI в. — Карачая и Черкесии. Типология башенных сооружений охватывает практически все виды народной архитектуры: *жилые-родовые башни*, в средневековую эпоху в них практически осуществлялись все виды деятельности горцев — хозяйственная, жилая, оборонная, сакральная и отчасти культовая; *родовые-боевые башни* — уникальный, не имеющий аналогов в мировом зодчестве тип архитектурного сооружения; *сторожевые и оборонные башни*; *башенные склепы*; *святилища-монументы* в форме башни. И, наконец, башенная традиция горцев получила определенное отражение в формировании культовых объектов ислама — *ми-*

наретов, первоначально повторявших формы четырехугольных башен.

Повсеместное распространение, широкая типология и своеобразная канонизация башенных сооружений позволяют выделить формы башенного архетипа как проявление общерегиональной архитектурно-культурной традиции горцев Северного Кавказа, как связанный с этой традицией язык народной архитектуры. В процессе распространения и типологической дифференциации формы башенного архетипа приобретают значение универсальной архитектурной формы народной культуры горцев. Преимущество традиций башенной архитектуры осуществляется в виде *ремесла*, носителями которого становятся целые фамилии, родовые коллективы и даже народы: вайнахи, сваны. Обозначенная канонизация форм башенной архитектуры не имела однозначной жесткой пропорционально-геометрической регламентации. Скорее можно говорить о развитии определенных тенденций в создании и отборе башенных форм. Эти тенденции направлены на выявление таких характерных признаков башенной модели пространства, как «центричность» и «вертикальность».

«Центричность» и «вертикальность» проявляются в целом ряде одних и тех же архитектурно-композиционных признаков «северокавказской башенности». «Игольчатые» пропорции башни есть одновременно выражение и «центричности» — фиксации «центра рода» посредством вертикального объема, возвышающегося над окружающей его застройкой, и «вертикальности» — архитектурного выражения неоднородности пространства в направлении «недра-небо». Вместе с тем можно определить архитектурно-композиционные характеристики северокавказских башен, в которых доминирует только один из указанных признаков.

Усиление «центричности» проявляется в следующих архитектурно-композиционных характеристиках башенного архетипа: в изменении формы плана от неправильного прямоугольника к правильному квадрату; в геометрической фиксации центра внутреннего пространства отдельных уровней башни; в семантической маркировке центра внутреннего пространства; в усилении симметрии композиции башенной формы.

Сравнительный анализ оснований башенных сооружений Чечни, Ингушетии и Северной Осетии показывает наличие процесса исторического отбора форм плана, при котором четырехугольная форма

постепенно заменялась формой правильного квадрата, как наиболее полно выражающей центричные представления о пространстве. Древние жилые-родовые башни типа «гала», которые восходят к X — XI вв., имеют в основании неправильный четырехугольник, чаще всего в пределах 9 x 6 метров. Вайнахские родовые-боевые башни, форма которых разрабатывается с XVI — XVII вв., имеют в основании правильный квадрат с размерами 5 x 5 или 4 x 4 метра.

В архитектурном выражении центричности башенного архетипа постепенно смещаются приоритеты с внутреннего на внешнее пространство: с выявлением семантического центра внутреннего пространства башни на выявление композиционного центра во внешнем пространстве окружающей застройки с помощью башенного объема. Количественные изменения архитектурной формы башенного архетипа, которые заключались в уменьшении горизонтальных размеров башни при одновременном увеличении ее высоты, приводят к качественным изменениям архитектурно-пространственной композиции башенных сооружений. Внутреннее пространство башни как бы сжимается вокруг ее вертикальной оси, и объем башни становится зримым выражением внутренней центральной оси во внешнем пространстве.

Вместе с тем в отдельных типах башенных сооружений можно найти атрибуты былого «величия» центричности композиции внутреннего пространства — общесемейного жилого пространства. Так, внутреннее пространство второго (серединного по семантике) уровня вайнахской родовой башни перекрыто каменным ложным сводом с «гуртами», тогда как все остальные уровни имеют плоское перекрытие в виде наката из бревен. Форма свода с гуртами имеет высокий подъем и симметрично-центрическую композицию. Гурты представляют собой четыре выступа, сходящиеся в центре, по граням ложного свода. Гурты-выступы в конструктивном отношении совершенно бесполезны. В настоящее время в научных исследованиях не существует убедительного объяснения, а тем более единого мнения в отношении происхождения, семантики и назначения гуртов. Для нас важно подчеркнуть, что, по мнению ведущих исследователей этой проблемы [10], наличие гуртов указывает на копирование в этом междуэтажном перекрытии вайнахской башни архаичной формы, смысл которой утрачен. Но в архитектурно-композиционном отношении смысл гуртов однозначно ясен — они служили средством выявления центричности внутреннего пространства серединного уровня башни.

Усиление симметрии в композиции башенных сооружений осуществляется как в форме их плана (с переходом от прямоугольных к квадратным конфигурациям), так и в вертикальных проекциях: фасадах и разрезах. Образцами развитых симметричных композиций могут служить классические вайнахские башни XVII — XVIII вв. (рис. 20, 21, см. рис. 2).

Переходя к рассмотрению другого характерного признака башенной формы — «вертикальности», надо остановиться на следующем. Как отмечалось выше, вертикальность построения пространства — одна из особенностей мировосприятия народов Северного Кавказа. Наряду с культурно-исторической преемственностью мифологических представлений важное значение в культивировании образов мифологического вертикализма в домостроительном творчестве горцев в эпоху средневековья имел и такой объективный фактор, как жизнедеятельность в условиях горного ландшафта. В горах все передвижения, и повседневные, и эпизодические, объективно связаны с преодолением подъемов и спусков. Здесь вертикальное перемещение в пространстве — физически ощутимая реальность, которая не могла не получить отражения в духовном мире горцев. Спуск менее утомителен и продолжителен, само время пути получает как бы «вертикальную» окраску. Можно предположить, что на закрепление и развитие вертикализма восприятия пространства большое влияние имели и такие естественно-природные особенности среды обитания горцев, как ограниченность глубины обзора. Отсюда активная роль в визуальном восприятии приобретает третье вертикальное измерение пространства и связанные с ним перспективные искажения.

Проявление вертикальности башенной формы осуществляется в следующих ее архитектурно-композиционных характеристиках: в изменении пропорции между размерами плана и высоты башни (уменьшение плана и увеличение высоты); в вертикальном членении фасадных композиций; в ярко выраженной силуэтности; в отсутствии однозначной конструктивной обусловленности наклона стен.

Указанные характеристики архитектурного образа башни не были присущи ей изначально. Они формировались в процессе отбора форм башенного архетипа в домостроительном творчестве горцев Северного Кавказа. Это подтверждает анализ башен, расположенных на территории Чечни, Ингушетии и Северной Осетии. В древнейших башнях вайнахов и осетин архитектурная образность башен-

ной формы, а именно ее вертикализм, практически не выявлен. Характерна в этом отношении жилая башня Дауровых, расположенная в центре селения Хуссар-Ламардон (рис.22). В плане она вытянуто-четырёхугольная; с размерами сторон 9,50 x 6,65 м. Высота ее достигает 7,4 м. Подобные геометрические размеры башни делали ее массивной и не позволяли в архитектурной композиции объема визуально выявить вертикальность внутреннего пространства башенного архетипа. Стены ее имеют неодинаковую толщину: в уровне первого яруса они колеблются в пределах от 0,9 до 1,2 м, а в уровне второго — от 0,7 до 0,3 м. Однако они не имеют наклона внутрь помещений, характерного для более поздних башен. Входные и оконные проемы в башне устроены хаотично лишь в одной нижней стене, выходящей во внутренний двор. Верхняя часть постройки в настоящее время разрушена, поэтому установить в точности форму кровли невозможно. Однако можно предположить, что она была плоской, так как подобное покрытие наиболее характерно для древних башен Северного Кавказа. Примечательной особенностью башни Дауровых является устроенный в уровне кровли сланцевый козырек, сохранившийся в настоящее время лишь в западной и северной стенах. Аналогичный прием можно наблюдать и в жилой башне Дегоевых (селение Даргавс) [11], и в древних североосетинских башенных склепах, куда он был перенесен из домостроительной практики (рис.23).

В сакральной архитектуре указанный прием использовался для визуального выявления венчания и его формы, поэтому можно предположить, что уже в ранних башенных сооружениях зодчие Северной Осетии пытаются прорабатывать силуэтность постройки — важнейшую композиционную характеристику вертикализма башенной формы.

Аналогичные явления имели место и в архитектуре башенных сооружений Чечни и Ингушетии. У вайнахов попытки визуально подчеркнуть вертикализм башенной формы нашли отражение в решении как технических, так и сугубо архитектурных проблем, связанных с устройством наклонных стен. Не случайно вайнахские мастера разработали оригинальный метод кладки стен, позволявший им делать стены и переменной толщины, и наклонными внутрь помещений. Этот прием широко применялся лишь при строительстве родовых-боевых башен, датируемых не ранее XIV — XVI вв. в более ранних постройках, к которым можно отнести и башню в селении Верх-

ний Какадой, внутренняя грань стены которой оставалась строго вертикальной, тогда как внешняя получала зрительно выявленный наклон (рис.24). Однако он не столь ярко выражен, как в поздних вайнахских башнях (рис.25).

В Ингушетии, в селении Эрзи, рядом с родовыми-боевыми башнями классической формы, расположена башня, принадлежавшая одному из основателей селения — Алдыганову. Она имеет форму, которую можно считать переходной между древними башнями типа «гала» и вайнахскими родовыми-боевыми башнями. Башня является квадратной в основании, со сторонами 4,5 x 4,5 м. Стены имеют слабо выраженный наклон внутрь помещения. Вертикальная структура башни — пятиярусная, вход организован в уровне второго яруса. Расположение окон и щелей в стенах башни не способствует выявлению симметричной композиции.

Из описания башни видно, что она значительно отличается от древних башен с массивной формой, вертикализм которых практически не выявлен. По архитектурно-образным характеристикам внешняя форма башни Алдыганова отличается и от формы классических вайнахских башен. На это указывает наибольший наклон стен внутрь башни и асимметричное расположение в стенах башни оконных проемов и смотровых щелей, и простота формы венчания, и слабая выраженность его силуэтности (рис.26).

Аналогичные архитектурно-образные характеристики имеют многие жилые-родовые башни Чечни и Ингушетии. Такие башни зафиксированы В.И.Марковиным в селениях Экигал, Кяхк, Фалхан, Хайбахой, Верхний Алкун [12].

Максимально вертикальность реализуется в архитектурном образе классических вайнахских башен. К ним относятся и башни, возвышающиеся в древнем ингушском селении Эрзи, которое стало предметом специального анализа в разделе 3.4.

Вайнахские родовые-боевые башни являются как бы завершающим этапом в становлении архитектурного образа башенного архетипа и относятся к наиболее значительным памятникам архитектурной культуры Северного Кавказа. Они отличаются не только техническим и конструктивным совершенством, но и гармоничными пропорциями и выразительностью архитектурной формы. При средней высоте от 18 до 25 м все вайнахские башни имеют квадратное основание с размерами сторон не более 5 м. Нередко размеры сторон основания оказывались в пределах 4 и даже 3 м. При таких «иголь-

чатых» пропорциях композиционного построения формы башенное сооружение визуально утрачивает свою связь с поверхностью земли и устремляется ввысь. Особенно ярко архитектурный образ вертикальной устремленности просматривается в башнях, возвышавшихся на вершинах холмов.

В этой связи необходимо отметить, что строительство башни на вершине, а не у подножия холма было обусловлено не столько строительными, сколько чисто архитектурными (и практическими: труднодоступность) задачами. Стремясь к выявлению силуэтности постройки, зодчие наряду с архитектурно-конструктивными проблемами решали вопросы художественно-композиционной взаимосвязи башенной формы с природными формами горного ландшафта. Вершина холма или скального выступа в архитектурно-художественном отношении представляет собой наиболее выгодное место для возведения башни.

Вертикализм архитектурной формы вайнахских башен подчеркивался не только гармоничными пропорциями ее объемной композиции, но и абсолютной симметрией композиции фасадов. Строгая симметрия подчеркивает поздний характер самих башен, на ранних этапах во главу ставился принцип целесообразности. Все элементы (оконные и входные проемы, машикули, декоративные вставки и др.), пластически насыщающие форму сооружения, располагались строго по оси каждой из граней башни (рис.27).

Силуэтность башни, а значит и ее вертикализм, подчеркивались возведением выразительного по форме ступенчато-пирамидального завершения. Характерно, что, решая вопросы выявления «башенности» постройки, вайнахские зодчие пришли к необходимости увеличить высоту завершения. Наиболее ранние вайнахские башни имеют пологое завершение, отделенное от плоскости стен небольшим карнизом. Более поздние башни, возведенные в XV — XVI вв., — как правило, развитое ступенчато-пирамидальное завершение, отделенное от плоскости стен либо мощным карнизом, либо большим выпуском декоративных полочек (рис.28).

Представление о том, какими архитектурно-образными характеристиками обладала башенная форма в поздних постройках Северной Осетии, раскрывается на примере башни, расположенной в с.Лисри. Большинство построек этого селения принадлежало Дарчиевым (рис.29). Башня Дарчиевых имеет пропорции, близкие вайнахским башням. Обследовавший ее В.Х.Тменов отмечает особую

стройность сооружения и приводит следующие размеры: форма основания — квадрат со сторонами 4,5 x 4,5 м, высота башни - 16,1 м [13]. Другая примечательная особенность этой родовой-боевой башни — форма ее завершения. На высоте 15 м стены башни опоясаны козырьком из сланцевых плит. Над ними прослеживается кладка парапета, которая в отдельных местах достигает высоты 1,1 м. Велась кладка уступами внутрь, что придает парапету форму усеченного свода.

Таким образом, зодчие Северной Осетии, как и вайнахские мастера, решали в поздних башенных сооружениях собственно архитектурные задачи: выявление силуэта башни при помощи возведения выразительного по форме венчания.

Характерным признаком формы поздних башенных сооружений Северной Осетии, Чечни и Ингушетии является ярко выраженный наклон стен внутрь помещений. В работах некоторых исследователей выдвигается предположение о том, что формообразование наклонных стен в башнях Северного Кавказа было обусловлено сугубо оборонительными потребностями. Если исходить из этой версии, то чрезвычайно сложно объяснить распространение наклонных стен в башенных сооружениях сакральной и монументальной архитектуры. Опираясь на распространенную гипотезу, нельзя объяснить также и тот факт, что в наиболее древних сооружениях Северной Осетии, Чечни и Ингушетии стены либо строго вертикальные, либо со слабо выраженным наклоном.

На наш взгляд, в формообразовании наклонных стен башен Северного Кавказа важную роль сыграли рассмотренные нами представления горцев о пространстве и прежде всего принцип вертикального его моделирования. Использование пластики наклонных стен в башенных сооружениях позволило зодчим Северного Кавказа архитектурно-художественно выявить вертикализм формы и тем самым усилить символическое значение башенной формы.

2.3. СИМВОЛИЗАЦИЯ ФОРМЫ БАШЕННОГО ЗАВЕРШЕНИЯ*

Одно из самобытных проявлений домостроительного творчества горцев Северного Кавказа — оригинальная форма ступенчато-пирамидальных завершений башенных сооружений: родовых склепов и вайнахских родовых башен.

*Раздел написан при участии В.И.Сергиенко.

Процесс символизации и формообразования ступенчато-пирамидальных завершений башенных сооружений Северного Кавказа можно образно представить как процесс изображения во внешней форме внутреннего вида древнейшей центрично-ступенчатой конструкции перекрытия. Центрично-ступенчатая конструкция перекрытия из бревен в мифологическую эпоху олицетворяет небесный свод и одновременно служит одним из средств маркирования центра. Мифологическая семантика центрично-ступенчатого перекрытия из бревен и обусловила воспроизведение его форм в каменных перекрытиях и завершениях башенной архитектуры горцев.

Условно можно выделить несколько этапов формообразования ступенчато-пирамидальных завершений башенных сооружений Северного Кавказа.

На первом этапе происходит перевод центрично-ступенчатой формы перекрытия в более долговечный материал — камень (рис.30).

В работах ряда исследователей выдвигается гипотеза о том, что появлению каменных центрично-ступенчатых и ложносводчатых конструкций предшествовало их изготовление в дереве. Сравнительный анализ деревянного центрично-ступенчатого перекрытия и *каменного ложного свода*, выполненного в традиционной для горцев Кавказа технике каменной кладки (рис.3), позволяет сделать вывод о «генетическом» родстве этих форм. По нашему предположению, перевод центрично-ступенчатой формы перекрытия из одного материала в другой (из дерева в камень), с последующей разработкой и культивированием ложносводчатой конструкции, был обусловлен, с одной стороны, недолговечностью дерева, а с другой — древнейшим, связанным с мифологией, значением этой формы.

Не случайно ложносводчатая форма конструкции перекрытия наибольшее распространение получила в памятниках сакральной и монументальной архитектуры народов Чечни, Ингушетии и Северной Осетии.

По существу, пирамидально-ступенчатое перекрытие являлось основным на ранних этапах становления архитектурно-строительной практики народов Северного Кавказа (рис.30, б, в). Этот тип перекрытия (в различных вариантах) имел широкое распространение не только на Северном Кавказе, но и на территории Передней и Восточной Азии, Закавказья и Кавказа [14]. Это свидетельствует о том, что древние зодчие не только воспроизводили форму традиционно-го перекрытия и способы, определяемые техникой возведения де-

ревянных конструкций, но и развивали их сообразно новому строительному материалу — камню.

Своеобразие ложносводчатых конструкций, распространенных в Чечне, Ингушетии и Северной Осетии, проявляется не только в конструктивных особенностях, но и в специфике архитектурного выражения мифологического смысла посредством формы данного перекрытия. Если для центрично-ступенчатого перекрытия из дерева утилитарное и мифологическое значения конструкции слиты воедино, то ложносводчатая форма каменного перекрытия обусловлена семантикой самой формы, выражающей мифотворческие представления о небесном своде. Характерно, что конструкция деревянного перекрытия ступенчатой формы, наиболее употребляемая в таких типах жилища, как «дарбази», «гхалтун», «эрдояни сахли», использовалась для организации внутреннего пространства квадратных в плане помещений (или близких к квадрату) с размерами 8 x 8 м и более (рис. 30, г, д), тогда как большинство башен, в которых применялась конструкция ложного свода для устройства перекрытия из камня, имеют внутренние камеры с размерами, не превышающими 4 м. Перекрытия столь малых пролетов значительно проще сооружать из плоского деревянного настила (что и наблюдается в башенных постройках, датированных XVI — XVIII вв.), так как данный регион богат лесом. Однако, несмотря на уменьшение периметра жилища, народные мастера продолжают культивировать формы свода, лишённые какой-либо конструктивной надобности и не обусловленные утилитарно.

Второй этап формообразования ступенчато-пирамидальных завершений выразился в пластическом развитии каменной ложносводчатой конструкции в интерьере башенного пространства.

Метод пластического оформления ложносводчатой конструкции получил выражение, в частности, в разработке перекрытия срединного этажа некоторых башенных сооружений. В этом отношении примечательна трактовка четырехскатного ложносводчатого каменного перекрытия срединного уровня в вайнахских башнях. Ложный свод имеет на внутренней поверхности каждого ската конструктивно бесполезный выступ-гурт. По нашему предположению, устройство гуртов в междуэтажных перекрытиях вайнахских башен указывает на перенос мифологического значения, присущего формам древнейших передвижных жилищ на форму ложносводчатой конструкции, выполненной и из другого материала — камня, и в других историчес-

ких условиях. С утратой этого значения гурт становится декоративным элементом, насыщающим пластику формы свода.

Третий этап формообразования ступенчато-пирамидальных завершений связан с этапом выделения из башенного архетипа жилища собственно башенной формы, которая приобретает символическое значение.

Формирование различных типов сакральных и монументальных сооружений, пластическая разработка их важнейшего формообразующего элемента — завершения, имеющего форму свода, обусловила актуализацию этой формы и ее перевод из интерьерной части башенных сооружений наружу. Можно предположить, что первоначально завершение не имело уступов, так как их наличие не обусловлено ни утилитарно, ни конструктивно (рис.31).

Отличительной чертой древнейших башенных склепов и святилищ, имеющих гладкосводчатое покрытие, является слабая пластическая разработанность формы венчания. Для этих сооружений характерен плавный переход каменной кладки неступенчатого перекрытия в кладку стен, ограждающих сакральную камеру. Можно предположить, что верхняя часть башни первоначально имела одно из двух пространственных решений: либо верхний уровень оставался открытым, вообще без кровли, либо прикрывался архаичным центрично-ступенчатым сводом со световым отверстием. И в том, и в другом случае реализуется мифологическое отождествление верхнего уровня башни с небом.

В пользу существования башенного архетипа «без кровли» свидетельствует наличие наземных башеннообразных гробниц с открытой верхней террасой. В исследовании А.Ф.Гольдштейна высказывается мнение, что в названном типе гробниц копируются формы боевых башен, имеющих открытую верхнюю боевую площадку [14]. Но если учесть, что, с одной стороны, во всех архитектурных культурах именно сакральные сооружения являлись носителями наиболее архаичных форм, и, с другой, — что жилые башни на Северном Кавказе — генетически более древний тип башенных сооружений, чем боевые башни [15], то вышеназванные утверждения не соответствуют действительности. Башенный архетип реализовался прежде всего в рамках жилища мифотворческой эпохи, и именно в сакральных сооружениях, в частности в наземных гробницах, формы этого архетипа сохранились в наиболее архаичном виде.

Второе пространственное решение не имеет в сохранившихся

башенных сооружениях прямых аналогов. Перекрытие со световым проемом можно обнаружить лишь в жилых помещениях, входящих в состав башенного комплекса в Чечено-Ингушетии [16]. Изначальная центрично-ступенчатая форма свода претерпевает в башенных сооружениях существенные изменения. Сокращение размеров внутреннего пространства боевых башен и, самое главное, утрата мифологического значения как башни в целом, так и ее частей приводят к отказу от светового проема. Однако в кровле ряда башен копируется форма деревянного центрично-ступенчатого перекрытия. Архаичные формы деревянной конструкции впоследствии переводятся в камень [17] и приобретают символическое, а затем и откровенно декоративное значение. Так, в вайнахских боевых башнях и наземных гробницах Ингушетии центрично-ступенчатое перекрытие со временем превращается в своеобразную архитектурную форму.

В горных районах Осетии широкое распространение получили склепы, объем которых расчленен карнизом. В этой связи примечателен склеп башенного типа, расположенный у осетинского селения Фаснал (рис.31, б). На высоте 2,6 м от уровня земли над стенами погребальной камеры нависает каменный козырек-карниз, визуально расчленяющий форму сооружения на две самостоятельные фигуры, которые условно можно назвать «постамент» и «надгробие». Этот прием, используемый народными мастерами при строительстве культовых и сакральных сооружений, возникает в эпоху позднего средневековья. Л.И.Лавров, описывая склеп (с.Хазнидон, Северная Осетия) с аналогичным решением, по надписям, имеющимся на сооружении, датировал его строительство 1741 — 1742 гг. [18]. Устройство карниза позволяло зодчим не только зрительно облегчить массивную форму склепа, но и визуально противопоставить форму завершения форме сакральной камеры. Этим примером народным мастерам удавалось подчеркнуть семантическое значение венчания склепа, форма которого отождествлялась с небесным сводом.

Следующий момент развития сводчатой формы во внешнем объеме башенных сооружений определяется пластическим насыщением гладкой поверхности свода горизонтальными рядами каменных плиток.

Характерным примером, раскрывающим процессы архитектурно-символического насыщения мифотворческой по своему происхождению формы венчания, служит еще один башенный склеп с неступенчатым сводчатым завершением, расположенный у селения Фас-

нал (рис.31, в). Основание сакральной камеры приближается к квадрату с размерами 2,30 x 2,35 м. Камера имеет незначительные габариты и разделена каменной плитой на два яруса. Свод венчания склепа четырехскатный и расчленен тремя рядами горизонтально уложенных сланцевых плиток, очертание которых лишь отдаленно напоминает ступенчато-пирамидальное завершение. Этот прием, выработанный зодчими Ингушетии и Северной Осетии в процессе пластической обработки формы завершения, становится общеупотребительным при возведении как ступенчато-пирамидальных, так и неступенчатых сводчатых венчаний. В Осетии у некоторых селений (Даргавс, Галиат, Дзивгис, Фаснал, Хазнидон) расположены целые погребальные комплексы (рис.32, 33, 34), представленные группами или отдельно стоящими башенными склепами, имеющими либо гладкосводчатое, либо ступенчато-пирамидальное завершение, декорированное горизонтальными рядами сланцевых плиток.

На этом этапе происходит образование собственно элементов регионального архитектурного языка, в частности развитой ступенчато-пирамидальной формы башенного завершения. Образно говоря, мы имеем дело с архитектурным изображением во внешней форме завершения внутреннего вида древнейшей центрично-ступенчатой конструкции перекрытия.

Четвертый этап формообразования ступенчато-пирамидальных завершений характеризуется визуальным выявлением образных качеств этой формы путем изменения пропорций в сторону увеличения высоты завершения по отношению к его основанию. Увеличение высоты башни ведет к искажению восприятия формы завершения за счет перспективных сокращений. Завершение кажется меньшим, чем оно есть на самом деле. Увеличение высоты башенных завершений позволяет компенсировать возникающие визуальные искажения.

Например, соотношение размеров высоты венчания и его основания в вайнахской башне в селении Экигал приближается к отношению 3:4, тогда как соотношения этих же геометрических параметров вайнахской башни в селении Таргим близко к 4:4, и, что характерно, растет высота уступа. Примечательно, что башня в селении Таргим имеет хорошо просматривающееся каменное завершение фаллической формы [19], которое обогащает пластику ступенчато-пирамидального венчания (рис.35, а, б).

Рост высоты завершений обусловил возникновение новых конструктивных решений. Так, в башне вайнахского происхождения,

расположенной в селении Ахиели в Пирикитской Хевсуретии, конструкция ступенчато-пирамидального завершения представляет собой два как бы взаимопересекающихся свода (рис.35, в).

Ступенчато-пирамидальная форма завершения используется в архитектуре пещерных склепов, имеющих принципиально иную объемно-пространственную структуру, нежели башенные склепы. Характерным примером является пещерный склеп у селения Дзивгис в Северной Осетии (рис.36). Он сооружен на небольшой площадке, образовавшейся под скальным навесом, в результате чего один скат образован поверхностью скалы, а другой сложен из камня и расчленен шестью рядами горизонтально уложенных полочек, которые выполнены из каменных плит, заземленных в кладке ската. Камера склепа имеет неправильные очертания и ограничена формой и размерами скальной площадки. Мы имеем конструкцию в виде усеченной кверху стены, ограждающую углубление в скале, тогда как внешняя пластика этой стены (в верхней ее части) визуальнo имитирует ступенчато-пирамидальную форму венчания. Аналогичное решение характерно и для пещерного склепа, расположенного у осетинского селения Хуссар Хинцаг (рис.37, д, е).

Вследствие этого можно предположить, что с переносом ступенчато-пирамидальной формы, присущей башенным склепам, на сакральные сооружения, имеющие иную объемно-пространственную структуру, форма завершения получает символическое значение и выступает как устойчивый элемент регионального архитектурного языка.

Таким образом, в архитектурно-строительном творчестве горцев в ступенчато-пирамидальных завершениях башенных сооружений получает художественное выражение древнейшая конструкция — ложный свод. Тектоника ложного свода в виде ступенчато-пирамидальных завершений становится своеобразным каноническим элементом в системе форм башенных сооружений, а сами формы башенных сооружений — своеобразным «языком» народной архитектуры Северного Кавказа (рис.38).

Башенная форма и ее отдельные элементы получают распространение не только в традиционных объектах домостроительного творчества горцев — родовых и сакральных сооружениях, но и в культовых постройках монотеистических религий ислама и христианства.

Ислам на Северный Кавказ проникает начиная с VIII в. Распрос-

транение этой религии, как уже отмечалось выше, охватывает период в несколько столетий. Первоначальным районом исламизации был Южный Дагестан. Сохранившиеся здесь минареты, построенные в комплексе с мечетями, имеют форму ширванских минаретов XIII — XV вв. [20], т.е. квадратное в плане основание небольшой высоты (1,5 — 2 м), на которое опирается цилиндрический ствол с винтовой лестницей внутри, и завершение, состоящее из балкона со сталактитовым карнизом и башенки, увенчанной куполом [21].

Но наряду с цилиндрическими минаретами, построенными по переднеазиатским образцам, на территории Южного и особенно горного Дагестана распространены минареты, созданные по образцу родовых-боевых башен. Последние имеют квадратный план основного ствола, а внутри — междуэтажные перекрытия, к люкам которых приставлялись деревянные лестницы.

Характерным примером в этом отношении является минарет в лезгинском ауле Хурюк (Ахтынский район). Его автор — зодчий Шейх Сад. Об этом свидетельствует надпись на камне, заложенном в нижней части восточной стены минарета. Она датируется некоторыми исследователями ориентировочно 1700 — 1701 гг. [22]. В ней сообщается о том, что минарет построил сельский мастер Шейх Сад мола Хаифа Муххамеда. Внутреннее пространство квадратного в плане культового сооружения разделено деревянными междуэтажными перекрытиями на девять уровней, сообщение между которыми организовано при помощи приставных деревянных лестниц. На наш взгляд, это указывает на тесную связь архитектуры минаретов Южного Дагестана с традициями местного зодчества, несмотря на то, что ко времени их строительства в духовной и общественной жизни горцев глубоко укоренился ислам.

Поэтому не случайно, что внешний вид минарета, возведенного в центре селения Хурюк, и особенности его пространственной структуры аналогичны образцам народного зодчества — родовым-боевым башням.

Особый интерес вызывают пропорции минарета в с.Хурюк. При размерах сторон 3,0 x 3,1 м высота сооружения превышает 22 м, благодаря чему минарет занимает доминирующее положение в окружающей застройке и резко выделяется в общем силуэте селения. Он виден уже на дальних подступах к селению. Близок по форме к родовой башне и минарет в с.Рутул. Он возведен в центре селения, раскинувшегося у подножия пологого холма на берегу реки Самур.

Внутреннее пространство постройки решено в соответствии с канонами, выработанными в процессе многовековой практики строительства башенных культовых сооружений. На балконную площадку ведет винтовая лестница, ступени которой сделаны из длинных камней. Одним концом они заделаны в кладку стены, а другим опираются друг на друга по вертикали, образуя центральную ось башни.

Форма рутульского минарета имеет своеобразные пропорции. При высоте сооружения 15,2 м ширина стороны основания равна 2,95 м, а на уровне консолей карниза — 2,6 м. Основная часть минарета завершается карнизом в виде сложенного из фигурных камней аркатурного пояса на консолях. Венчающая часть минарета представляет собой вытянутый купол (с арочным проемом), на вершине которого установлен белый камень, имевший магическое значение для жителей рутульского селения.

В с.Шиназ сохранился еще один минарет, основанием которого также служит квадрат. Несмотря на то, что по пространственной структуре он близок минаретам в Рутуле и Хурюке, его отличают от них как пропорции формы, так и форма завершения, в которой прослеживается влияние агульских культовых построек. Квадратная в плане башня минарета в уровне земли имеет размер 4,0 x 4,0 м и завершается сложным по форме карнизом-парапетом высотой 1,8 м, который состоит из нижней полочки, поребрика, аркатурного пояса на консолях, фриза над ним и венчающей полочки. Верхняя башенка минарета представляет собой вытянутый купол, украшенный тремя фигурными поясами кладки и увенчанный белым камнем. На площадку балкона ведет внутренняя винтовая лестница, освещаемая треугольными и арочными проемами двух типов (рис.39).

Анализ рассмотренных минаретов позволяет сделать вывод, что их архитектура основана на формах башенного архетипа домостроительного творчества северокавказских горцев. Эти формы постепенно насыщались пластическими и декоративными элементами, характерными для культового зодчества народов Азербайджана и Ирана (рис.40, 41).

Формы башенного архетипа, в частности наиболее выразительный его элемент — ступенчато-пирамидальные завершения, — использовались и в архитектуре христианских храмов Северного Кавказа.

В осетинском селении Дзивгис сохранился своеобразный памятник культовой архитектуры осетин — святилище Дзивгисы Дзуар,

посвященное Уастырджи (св.Георгию). Дзуар представляет собой христианскую церковь, трансформировавшуюся в языческое святилище (рис.42). Время сооружения церкви датируется ориентировочно XIII — XIV вв. Следует отметить, что композиционное решение памятника выполнено под влиянием традиций грузинской архитектуры. Святилище имеет базиличную композицию, которая осложнена пристроенной к задней торцевой стене полуциркульной апсидой. Раковина апсиды имеет необычную для подобных христианских культовых сооружений ступенчато-пирамидальную форму завершения. Данный пример показывает, насколько устойчивой и характерной для данного региона является ступенчато-пирамидальная форма венчания и как ее изначальная мифологическая семантика включается в архитектурную символику христианской культуры. Это позволяет объединить Дзивгисскую церковь с местным зодчеством, где разработка венчания рядами горизонтально уложенных каменных плиток традиционна и характерна для архитектуры сакральных и монументальных сооружений. Другим пластическим элементом, имеющим чисто местное происхождение (по предположению В.А.Кузнецова [23]), является фаллическое каменное завершение, венчающее апсиду.

Все это указывает на то, что сложившийся в процессе домостроительного творчества горцев «архитектурный язык» был актуален и в средневековье. Когда утвердилось христианство, первоначальное значение традиционных архитектурных форм было утрачено.

В Аргунском ущелье, в местечке Эткали, в 1960 году обнаружена мечеть, минарет которой устроен в виде башни, имеющей ступенчато-пирамидальную форму венчания. Это сооружение показывает, что, несмотря на принятие в XV — XVI вв. народами Чечни и Ингушетии мусульманства, зодчие при создании сакральных сооружений продолжают культивирование формы, утратившей свое первоначальное космогоническое значение.

Таким образом, формы башенного архетипа, сложившиеся в домостроительном творчестве горцев, использовались в архитектуре как христианских, так и мусульманских культовых сооружений Северного Кавказа, приобрели регионально-символическое значение и стали своеобразным архитектурным языком этого региона.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

1. Миллер В.Ф. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды // МАК. М., 1988. Вып.1. С.77, 78.

2. Там же. С.78; Долбежев В.И. Извлечение из отчета об археологических поисках в Нальчикском округе Терской области // Отчет императорской археологической комиссии за 1893 г. СПб, 1895. С.102, 103; Белоконский И. На высотах Кавказа. М., 1906. С.41; Ермоленко М.И. Путеводитель по Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1928. С.74.

3. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVII в. М.: Наука, 1988. Т.1. С.21.

4. Вавилов Н.И. Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур. М. - Л., 1957. С.87, 88, 116.

5. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Т.1. С.110 - 115, 172 - 180, 495 - 497.

6. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925 - 1932 гг. Грозный, 1963. С.71.

7. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Сб. сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып.1. С.54.

8. Семенов Л.П. Указ. соч. С.71; Гольдштейн А.Ф. Планировка и фортификация горных селений Чечено-Ингушетии и Северной Осетии XVI - XVIII вв. // АН. М., 1976. № 25. С.101 - 102; Сулименко С.Д. О происхождении пространственной структуры башенных сооружений Северного Кавказа // АН. М., 1992. № 41.

9. Interiano G. De la vita e sito de Zichi, chiamata Circassi, historia natabile. Venezia, 150 z.

10. Басилов В.Н., Кобычев В.П. Галчай — страна башен // СЭ. 1971. № 1. С.126; Гольдштейн А.Ф. Указ. соч. С.38, 94, 95.

11. Тменов В.Х. Указ. соч. С.28, 29. Рис.19.

12. Марковин В.И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры // АН. М.: 1975. С.120.

13. Тменов В.Х. Указ. соч. С.150.

14. Гольдштейн А.Ф. Указ. соч. С.109.

15. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С.70, 71; Мужухоев Е.И. Средневековая материальная культура горной Ингушетии XIII - XVII вв. // Дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. С.60.

16. Джанджиери М.И., Лежава Г.И. Указ. соч. С.114.

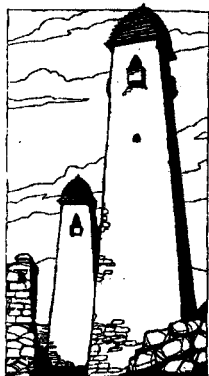
17. Там же.

18. Лавров Л.И. Хазнидонские надписи // ИСОНИИ. Т.ХХIII, 1 (Языкознание). Орджоникидзе, 1962. С.107, 108.
19. Термин широко используется В.Х.Тменовым для описания каменного завершения (необработанный или грубо отесанный камень), венчающего гладкосводчатые и ступенчато-пирамидальные завершения башенных склепов (Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984).
20. Хан-Магомедов С.О. Указ. соч. С.151.
21. Там же.
22. Шихсаидов А.Р. Арабские строительные надписи Дагестана (XI - XVII вв.) // Ученые записки института истории, языка и литературы. Т.VII. Серия историческая. Махачкала, 1964. С.124.
23. Кузнецов В.А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974. С.125.

3. АРХИТЕКТУРА БАШЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Башенная архитектура Северного Кавказа подобно нартскому эпосу имеет общие культурно-мифологические истоки и является результатом взаимообогащающего творчества горских народов. Поэтому не случайно, что в башенной архитектуре Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, Балкарии и Карачая проявляются общие типические черты, т.е. можно выделить характерные типы башенных сооружений. В разработанной нами архитектурной типологии башенных сооружений в качестве постоянного признака классификации выделяется их родовая семантика. К этому признаку добавляется тот или иной признак-оттенок, отражающий функциональное значение. В результате предлагаемая классификация более точно отражает архитектурно-символическую специфику северокавказских башенных сооружений и заключается в следующем:

жилые-родовые башни — наиболее архаичный тип башенных сооружений; до XVIII в. и даже позже жилые башни представляли собой архитектурное выражение мифологического синкретизма жизнедеятельности; в жилых башнях осуществлялись (или могли быть осуществлены) все виды деятельности: хозяйственная, собственно жилая, оборонная, сакральная, религиозно-языческая;

родовые-боевые башни — уникальный, не имеющий аналогов в мировом зодчестве тип архитектурного сооружения, архитектурный символ рода или фамилии, специфическое оборонное сооружение;

сторожевые-родовые башни — архитектурный

символ родового селения, фортификационное сооружение, позволяющее оповещать жителей селения о приближающемся противнике, благодаря размещению его в местах максимального визуального обзора, и отражать нападения на внешних подступах к селению;

родовые башенные склепы и башеннообразные монументы и святилища — сакральные архитектурные символы рода, семейные склепы для совершения традиционных ритуалов и видов захоронения;

родовые башенные комплексы — архитектурный символ рода, ансамбль сооружений жилого и хозяйственного назначения, принадлежащий одной фамилии-роду, композиционным и семантическим центром которого являлась родовая-боевая башня.

3.1. АРХИТЕКТУРА ЖИЛЫХ-РОДОВЫХ БАШЕН

Жилые-родовые башни — генетически наиболее древний тип башенных сооружений, к этому мнению приходят практически все ученые-кавказоведы. Что касается датировки башенных сооружений вообще и жилых-родовых башен в частности, то здесь мнения исследователей расходятся и дистанцируются в следующих пределах — с X по XVI вв. [1]. По нашему мнению, возникновение бытовавшего на протяжении XV — XVIII вв. типа жилой-родовой башни можно датировать X — XII вв. [2], а истоки этого архетипа, как мы уже отмечали, относятся к гораздо более раннему времени.

Древнейшие жилые-родовые башни находятся в высокогорных районах Дагестана, Чечни, Ингушетии и Северной Осетии. Архитектурная форма жилых-родовых башен, при всех регионально-этнических отличиях, обладает рядом тождественных характеристик. К ним относится прежде всего трехчастное членение по вертикали на соответствующее количество этажей, как правило, имеющих отдельные наружные входы, т.е. поэтажные пространства не имеют внутренних вертикальных связей. Это — во-первых.

Во-вторых, отношение горизонтальных размеров (длина и ширина башни) к вертикальным (ее высота) следующее: $1 : 0,8 : 1,5$ (Северная Осетия); $1 : 1,5 : 1,8$ (Чечня, Ингушетия); $1 : 1,8 : 2,5$ (Дагестан), тогда как в боевых-родовых башнях отношение размеров основания колеблется от $1 : 4$ до $1 : 8$, что достигается за счет уменьшения основания башни при одновременном росте ее высоты.

В-третьих, жилые-родовые башни обладают наибольшей площадью плана среди всех башенных сооружений — большинство древ-

нейших жилых-родовых башен имеет поэтажную площадь от 30 до 50 кв.м.

В-четвертых, жилые-родовые башни имеют плоскую кровлю.

В настоящее время на территории Дагестана сохранились лишь довольно поздние постройки данного типа. Как правило, они датируются XVII — XIX вв. Однако есть основания считать, что жилые башни сооружались и в более раннее время, но были разрушены при нашествии кочевников, в период арабских завоеваний, а также в ходе Кавказской войны. Впоследствии многие из подобных башен были либо перестроены, либо приспособлены к обороне.

Характерным примером жилой постройки башенного типа является дом в ауле Кудияб-Росо Ахвахского района, обследованный в экспедициях 1945 — 1946 гг. академиком Г. Я. Мовчан [3] (рис. 43, а, б, см. рис. 10) и имеющий три уровня. Под жилье отведены два верхних уровня. Первый уровень использовался под хозяйственные нужды. Функциональное назначение в последовательности с первого по третий уровень следующее: хлев — жилье. Различное функциональное предназначение уровней башни отражается и в ее внешнем облике. На фасадной стене дома в уровнях второго и третьего этажей имеется большой проем, позволяющий организовать лоджию. В плане башня близка к квадрату с размерами по внешним граням 6,5 x 7,0 м. Толщина кладки стен в различных местах колеблется от 0,5 до 0,6 м, высота — 10 — 12 м. Стены слегка наклонены вовнутрь башни. Кладка стен является традиционной для Дагестана: с фасадной стороны они выложены из хорошо обработанных и тщательно подогнанных прямоугольных блоков, а с внутренней — из грубо околотых камней разных размеров. Внутренняя поверхность помещений не оштукатурена. Балки перекрытий — деревянные. Промежуточной опорой для них является внутренняя стена. По балкам перекрытия устраивается накат из неотесанных деревянных бревен. Вход в башню — сбоку, в уровне первого этажа, однако от улицы он прикрыт сплошной каменной оградой.

Наибольшее распространение данный тип жилища получил в предгорных районах Дагестана. Подобными домами-башнями застраивались многие селения даргинцев и аварцев. В Дагестанском музее изобразительных искусств хранится рисунок Е. В. Лансаре. На нем изображена группа жилых башен, пристроенных вплотную друг к другу. В комплексе с ними возводились и оборонительные башни.

Другой тип жилой-родовой башни — башеннообразное укреплен-

ное жилище. Его формирование было обусловлено внешними факторами. Стремясь оградить и обезопасить себя от постоянных набегов воинственных соседей, народы Дагестана используют башенный, как уже говорилось выше, мифологический по своему происхождению архетип пространства в новом значении, а именно в целях обороны. Это, на наш взгляд, и привело к формированию структуры жилой-родовой башни, специально приспособленной к обороне. Наибольшее распространение данный тип жилища получил в горных районах внутреннего Дагестана. Чаще всего такие башни были трехэтажными. При этом нижний уровень башни отводился под хлев, средний использовался для жилья, а верхний предназначался для обороны, вследствие чего он снабжался машикулями и узкими проемами-бойницами. Однако нередко встречались жилые башни в четыре-пять этажей.

В селении Ругуджа Гунибского района в первой половине текущего столетия были зафиксированы четырех-пятиэтажные жилые башни. Исследовавший их Г.Я.Мовчан пишет: «В первом этаже находится хлев, над ним в несколько этажей — жилье. Башни имеют квадратный план... Этажи сообщаются друг с другом приставными деревянными лестницами сквозь люки в перекрытиях. Вход в нижний этаж (второй) устроен сзади, с уровня земли» [4].

Развалины четырехэтажной башни сохранились и в селении Хитинда, расположенном у входа в живописное Шидибское ущелье Тляратинского района (рис.43, в, г). В годы Кавказской войны (1817 — 1864 гг.) этот район являлся «шамилевской Сибирью» — сюда имам ссылал всех неугодных. Пространственная структура башни типологична: в первом этаже располагался хлев, во втором и третьем — жилые помещения. Четвертый этаж в настоящее время разрушен, но, видимо, он был оборонительным: в остатках стены верхнего уровня сохранились машикули, которые в целях обороны устраивались над входами в хлев и жилье, над широкими оконными проемами. В плане башня близка к квадрату и имеет размеры помещения 6,3 x 5,3 м с высотой этажа около 3,0 м. Стены имеют толщину 0,6 — 0,7 м, сложены из сланцевого плитняка на глинопесчаном растворе. В них наряду с бойницами устроены небольшие окна с деревянными рамами. Вход в башню организован через дверь второго этажа. Это обусловлено тем, что башня возведена на склоне небольшого холма, врезающегося в планировочную структуру селения. На третий и четвертый этажи попадали через специальные люки, к которым были

приставлены лестницы, вытесанные из цельных бревен. Несущим элементом конструкции перекрытия служит деревянный прогон. Внутренней опорой под прогон является каменный пилон, выведенный на высоту двух этажей. Для внутренних опор перекрытий третьего и четвертого уровней использовались деревянные столбы. Подобное конструктивное решение, когда для внутренней опоры использовался выступающий из стены каменный пилон, становится общеупотребимым при строительстве родовых-боевых башен и башенных фортификационных сооружений.

В селении Ицари сохранились остатки жилой-родовой башни, ранее входившей в структуру фамильного башенного комплекса, который можно отнести к наиболее старым постройкам Дагестана. В настоящее время сооружения комплекса сильно разрушены, вокруг выросли жилые дома, от которых комплекс резко отличается своим внешним видом. Стены его сложены большого размера и очень гладко отесанными камнями. На некоторых из них высечены древние культовые символы (спирали, свастика и т.п.), а также надписи, которые, по мнению отдельных исследователей, относятся к XII в.

Башенный комплекс, планировку которого теперь восстановить не представляется возможным, по преданию местных жителей, принадлежал семье уцмий (местный титул князя). Официальная резиденция уцмий находилась в селении Маджалис. Входящая в комплекс башня ранее была пятиэтажной. Ныне два ее верхних этажа частично разрушены, а частично разобраны местными жителями. В первом этаже находится входная дверь, видимо, здесь был хлев. Вход снаружи был и во втором этаже, внутрь которого уходит каменная лестница. Второй этаж, вероятно, служил сеновалом (функционально-планировочный прием, часто встречающийся в горном Дагестане). Перекрытие, разделявшее первый и второй этажи, не сохранилось, остался только прогон, промежуточная опора которого представляет собой пилон, выступающий от стены к середине помещения. На третий этаж ведет наружная каменная лестница. Коробка двери главного входа отделена резьбой. В жилом помещении устроены два камина и две ниши. Третий этаж освещался через небольшие окна с рамами декоративной арочной формы. Перекрытие, разделяющее уровни третьего и четвертого этажей, опирается на столб, которого изначально не было. Аскетический характер архитектуры усиливает неоштукатуренная поверхность стен интерьера.

Среди жилых-родовых башен Чечни и Ингушетии, так же как и в

Дагестане, встречаются башни, которые можно разделить на две подгруппы: собственно жилые-родовые и башеннообразные укрепленные жилища.

Жилые-родовые — наиболее древние башенные сооружения Чечни. Как правило, это приземистые, прямоугольные (реже квадратные) в плане постройки башни с одним помещением на каждом этаже. Стены жилых башен сложены из хорошо подогнанных камней, скрепленных глиняно-известковым раствором. Обычно стены имеют толщину не более метра, но нередко они возводились настолько толстыми, что в них свободно устраивались камеры, служащие кладовыми для запасов продуктов и топлива. Характерной особенностью древнейших чеченских жилых башен, не приспособленных к обороне, является внутренний четырехугольный столб-колонна, используемый для поддержания перекрытия, которое опиралось на каменные подушки. Центральный столб выкладывался очень тщательно и был не менее устойчив, чем стены башни (рис.44).

Примечательна в этом отношении жилая башня в чеченском селении Верхний Какадой (рис.24). До настоящего времени сохранились лишь два нижних ее этажа. Третий, который, видимо, был открытым, полуразрушен. Вход в башню организован в уровне первого этажа и имеет арочную форму. Перекрытие второго и первого этажей представляет собой брусчатый настил, уложенный по деревянным балкам, защемленным в кладке стен. Для поддержания перекрытий в центре жилых помещений башни возведен каменный столб, на который опирались деревянные балки.

Башенные укрепленные жилища составляют вторую подгруппу жилых-родовых башен. Они распространены в основном на территории горной Ингушетии, и лишь незначительное число подобных башен сохранилось в долинах, населенных чеченцами. Жилые-родовые башни, приспособленные к обороне, — это, как правило, отдельно стоящие сооружения, у которых, в отличие от древнейших жилых башен, ярче выражены оборонительные признаки. Во многих жилых-родовых башнях этого подтипа в центре помещения возводился также несущий столб, нередко декорированный геометрическим орнаментом.

В селении Кяхк на склоне скалы стоит жилая-родовая башня (рис.45). Наличие в ней внутреннего опорного столба, а также организация трех наружных входных проемов, ведущих в различные по функциональной и семантической значимости помещения, позволя-

ет отнести кяхкскую башню к ранним образцам родовых башенных построек. В основании башня близка к квадрату 5,0 х 5,0 м. Ее первый уровень использовался в хозяйственных целях. Последующие второй и третий этажи были жилыми. Четвертый этаж являлся оборонительным, на что указывает наличие машикулей, расположенных над дверными проемами. Если на первые три этажа можно было попасть извне, то на оборонительный этаж можно было проникнуть только по внутренней приставной лестнице через люк в междуэтажном перекрытии.

Конструкцию перекрытий между этажами, ввиду их обрушения, трудно установить. По этой же причине практически невозможно определить конструкцию и форму завершения башни. Однако наличие внутреннего опорного столба и специальных гнезд, в которые вводились деревянные балки, позволяет представить конструкцию междуэтажного перекрытия в виде брусчатого наката по деревянным балкам. Такая конструкция перекрытия характерна прежде всего для башен Ингушетии и представляла собой пирамидальную форму со слабо выраженными скатами.

Отдельно стоящую жилую-родовую башню можно увидеть и в селении Эгикал. Ее пространственная структура близка кяхкской башне. Единственное отличие заключается в том, что эгикальская имеет подполье, в которое можно попасть из первого этажа через специальный лаз, устроенный в междуэтажном перекрытии.

Подобные жилые-родовые башни, приспособленные к обороне, хорошо сохранились и во многих селениях чеченцев. Примером могут служить башни, возвышающиеся близ селений Никарой, Баулой.

Расцвет башенного зодчества в Северной Осетии приходится на XV — XVII вв. Именно в это время строится значительное количество башен, расположенных в бассейнах рек Геналдон, Фиагдон, Терек, Урух и Урсдон. Однако в отдельных селениях Осетии и ныне возвышаются древнейшие жилые башни примерно XII — XIV вв.

Жилые-родовые башни Северной Осетии, как правило, четырехугольные и имеют обычно два входных проема, расположенных в разных уровнях. Стены прорезаны множеством небольших окон и бойниц. В некоторых жилых-родовых башнях устроены машикули, имеющие простые по форме и несложные конструктивные решения. Все это указывает на то, что данный тип мог быть использован не только для жилья, но и для обороны. Многие осетинские жилые-родовые башни, как и вайнахские этого типа, имеют центральный столб,

строительство которого было обусловлено не столько конструктивной целесообразностью, сколько символической функцией. Существенное значение здесь имели мифотворческие пласты культуры, выраженные в языческих обрядах, отмеченных выше.

Примечательна в этом отношении жилая-родовая башня Дегоевых (рис.23, а, б, в). Она расположена на восточной окраине селения Даргавс, на левом берегу реки Уаллагдон, притока Гизельдона. В настоящее время башня полуразрушена: нет перекрытий и лестницы, но стены и проемы целы. Судя по описанию Л.И.Семенова, обследовавшего ее в 1924 году, башня Дегоевых в то время была еще в сравнительно хорошем состоянии. Исследователем были зафиксированы балки перекрытий, каменная наружная лестница, ведущая на второй уровень внешнего входа, и бревно, с помощью которого обеспечивалось внутреннее сообщение между этажами [6].

Башня прямоугольная в плане с размерами сторон 7,2 x 8,8 м. Входной проем имеет арочную форму и устроен на уровне земли, внутри башни был возведен каменный столб, который служил центральной опорой для балок междуэтажного перекрытия, державшегося на каменных плитах-упорах, вмонтированных в кладку продольных стен. Снаружи над стенами башни по всему периметру нависает сланцевый козырек. Высота башни — около 6 м, толщина стен — 0,6 м. Рядом с башней расположены руины родовой-боевой башни Дегоевых, которая подверглась сильному разрушению во время экспедиции русских войск в Осетию в 1830 году.

В осетинских жилых-родовых башнях междуэтажное перекрытие опиралось на ряды деревянных столбов, установленных внутри помещения вдоль каменных стен. В этой связи представляет интерес отмеченная выше башня, принадлежащая фамилии Дауровых и расположенная в центре селения Хуссар Ламардон (рис.22). По преданию, башню построил Абай Дауров. Он же являлся и ее владельцем. Башня хорошо сохранилась. Полуразрушен лишь ее третий этаж, который, видимо, был открытым. Первый и второй уровни башни имели автономные входы.

В жилой-родовой башне Дауровых примечательна конструкция междуэтажного перекрытия. Оно держится на трех рядах деревянных столбов. Два крайних ряда установлены вдоль продольных стен. Столбы третьего ряда — вдоль по продольной оси башни. Они опираются на каменные опоры-подушки и отстоят друг от друга в среднем на 2 м. В раздвоенные венцы несущих столбов установлены про-

дольные несущие брусья. На них уложены круглые балки-прогоны, которые вставлены в специальные ниши, устроенные в продольных стенах башни. Поверх балок сплошным слоем лежат жерди, которые присыпаны слоем земли, смешанной с глиной. Толщина насыпного слоя — до 0,2 м. В.Х.Тменов, обследовавший башню Дауровых, предположил, что перекрытия первого и второго уровней однотипны, судя по тому, что на первом этаже в стенах не обнаружены ни специальные ниши, на которые могли бы опираться балки перекрытия, ни плиты-упоры второго яруса [7].

В центре селения Тиб, среди полуразрушенных башенных построек различных типов, расположена жилая-родовая башня с аналогичным решением конструкции междуэтажного перекрытия. По преданию, она принадлежала фамилии Кучиевых, члены которой были одними из основателей этого древнего осетинского селения. Данный тип конструктивного решения в целом не характерен для поздних осетинских построек, однако конструкции из деревянных столбов и балок широко использовались при возведении жилых домов в те времена, когда Осетия была покрыта густыми лесами, а наиболее распространенным типом жилища были дома с перекрытием типа «дарбази» и «эрдояли-сахли».

В Кабардино-Балкарии наибольшее распространение жилые-родовые башни получили на территории Черек-Балкарского и Чегемского ущелий, далее на запад они исчисляются единицами, причем некоторые из них были построены сванскими мастерами и несут откровенный отпечаток архитектуры башенных сооружений Сванетии. Одна из таких башен зафиксирована у селения Верхний Чегем. В.Конопасевич совершенно безосновательно считал, что она — осетинского типа [8]. Как отмечалось выше, по своему архитектурному стилю она повторяет башни Сванетии и является единственной на всей территории Балкарии (рис.10).

По преданию, записанному В.Ф.Миллером из уст Али-Мурзы Балкарукова, строитель башни Ахтуган, который будто бы жил в конце XVII в., вызвал для ее постройки сванских мастеров. Однако, по свидетельству других осведомителей, башня была построена предком чегемцев — Джамурзой [9].

Ранее в комплекс с башней входили мощная заградительная стена и несколько хозяйственных сооружений. В настоящее время сохранилось лишь одно из них, пристроенное торцевой стеной к башне. Для строительства башни сванские мастера использовали хоро-

шо обработанный камень. Кладка стен выполнена на известковом растворе и отмечается тщательностью отделки и хорошей обработкой камней. В плане башня близка к квадрату и имеет четыре уровня. Верх ее увенчан типичной для башен Сванетии коронкой с нависающим парапетом. Вход в башню организован в уровне второго этажа. В перекрытии каждого этажа имелись отверстия-люки, через которые по приставной лестнице можно было попасть на последующие уровни, использовавшиеся в оборонительных целях. Прямо над входным проемом в уровне третьего этажа устроено большое оконно-бойница, из которого защищающие могли вести эффективную оборону башен. Для этих целей во всех стенах башни устроены треугольной формы бойницы, имеющие уширения внутрь помещений.

Надо отметить, что тип башенного жилища не характерен для балкарского народного жилища и фактически отсутствует в традиционном жилище кабардинцев и черкесов.

Архитектуру жилых-родовых башен Северного Кавказа при всех регионально-этнических особенностях объединяет аскетизм и монументальность. Эти художественные качества достигаются как простотой и лапидарностью почти кубичной формы жилища, так и единством «вечного» материала — естественного камня, в котором выполнена эта форма. Цельность формы и связанный с этим композиционным качеством крепостной характер жилища достигаются благодаря малому количеству небольших проемов и почти полному отсутствию каких-либо других членений.

Особой суровостью и массивностью выделяются североосетинские жилые башни, при высоте 6 — 7,5 м они имеют ширину основания 6,5 — 9 м, возведены, как правило, из грубо отесанного камня и часто имеют не три, а только два уровня. Наибольшей высотой, вертикальностью пропорций и количеством уровней (до 4 — 5) отличаются башенные жилища горного Дагестана, высота которых достигает 10 — 15 м при ширине оснований 5,5 — 8 м. Отличительной особенностью башенного жилища Ингушетии является пусть и слабо выраженная, но все же не плоская, как у всех жилых башен Северного Кавказа, а ступенчато-пирамидальная форма кровли. Башенный архетип пространства в этом типе башенных сооружений, с одной стороны, обладает наиболее архаичным признаком структурной организации — трехчастным вертикальным членением, а с другой — не имеет архитектурно выраженной башенной формы.

3.2. АРХИТЕКТУРА РОДОВЫХ-БОЕВЫХ БАШЕН

На всей территории Северного Кавказа строительство родовых-боевых башен в основном осуществлялось «сильными» фамилиями, честь, силу и могущество которых они символизировали.

В Северной Осетии родовые-боевые башни представлены в основном 3 — 5-уровневыми четырехугольными в плане сооружениями, характерной особенностью которых являются сужающиеся кверху стены и плоские кровли. Значительное количество родовых-боевых осетинских башен было возведено в XVI — XVII вв., и некоторые из них предназначались преимущественно для огневого боя. П.П.Закарая считает, что огнестрельное оружие проникло на Северный Кавказ именно в этот период [10].

Как правило, в Северной Осетии родовые-боевые башни возводились в комплексе с жилыми-родовыми башнями. Нижний этаж родовых-боевых башен служил для пленных, добытых во время разбойных набегов. Средний использовался для временного проживания на время осады, а также для хранения запасов пищи и топлива. Остальные верхние этажи предназначались сугубо для оборонительных целей. Вход в родовые-боевые башни чаще всего устраивался в уровне второго этажа и имел форму арки. Попасть в башню можно было лишь по приставной лестнице, которая в случае нападения убиралась, а вход запирался толстой дубовой дверью, имевшей обычно своеобразный деревянный замок с деревянным ключом [11]. Сообщение между уровнями осуществлялось с помощью приставных лестниц через лазы, устроенные в углах междуэтажных перекрытий.

У осетин, как, впрочем, и у других горцев Северного Кавказа, родовые-боевые башни изначально являлись собственностью патриархальных семей. Однако со временем родовые-боевые башни становятся символом рода и его социально-политической значимости в горском обществе. Постепенно башни становились уже принадлежностью не рода, а отдельной семьи — «сильной» фамилии, в зависимости от которой находились более «слабые» фамилии. Видимо, этим объясняется тот факт, что большинство родовых-боевых башен осетин имеют фамильную принадлежность, в отличие от башен аналогичного типа, возводившихся на территории Чечни и Ингушетии.

Отдельные родовые-боевые башни имеют объемно-пространственные и конструктивные решения, близкие к вайнахским башням. Такого рода постройки обнаружены и описаны В.Х.Тменовым в осе-

тинских селениях Нижняя Саниба, Верхний Кани, Даргавс [12]. Все башни находятся в бассейнах рек Геналдон и Гизельдон, на землях тагаурцев. Известно, что жители многих селений Тагаурии нередко для возведения башен приглашали ингушских мастеров строительного дела. Так, например, родовая-боевая башня Мамсуровых, расположенная в центральной части селения Даргавс (рис.46), на левом берегу реки Уаллагдон, по преданию, была возведена мастерами из Джераховского ущелья. В уплату за труды строители получили 14 коров [12].

Следует отметить, что башни, возведенные вайнахскими зодчими, зафиксированы исследователями лишь в селениях тагаурского общества. Возможно, это обусловлено не только географической близостью тагаурских осетин и вайнахов, но и развитыми культурными взаимоотношениями между ними. Примечательно, что именно в ущельях рек Геналдон и Гизельдон сконцентрировано значительное количество наземных башеннообразных склепов со ступенчато-пирамидальными завершениями (рис.36), тогда как на остальной территории Северной Осетии преобладают полуподземные склепы с ложносводчатым перекрытием, а также наземные башенные склепы с двускатными или же гладкими пирамидальными завершениями.

Родовые-боевые башни, которые строились осетинскими мастерами, имели, как правило, более простые конструктивные решения, нежели башни, возведенные вайнахскими зодчими. Характерна в этом отношении родовая-боевая башня, расположенная на восточной окраине осетинского селения Тли, на левом берегу реки Тлидон. Башня подробно исследована и описана В.Х.Тменовым [12]. Она, как и многие другие башенные постройки этого селения, принадлежала фамилии Кадзаевых (рис.47, 48, а). Башня сложена из грубо обработанных сланцевых плит на известковом растворе. Стены родовой-боевой башни Кадзаевых прорезаны множеством бойниц треугольной формы и украшены горизонтальными рядами прямоугольных углублений. Башня снабжена машикулями в виде закрытых балконычков, опирающихся на две каменные консольные плиты, которые вмонтированы под углом друг к другу. Стены башни имеют толщину более 1 м и возведены со значительным наклоном внутрь постройки. Однако изнутри стены четырехъярусной башенной камеры строго вертикальны. Устройство входа в башню на уровне первого этажа, особенности кладки стен, форма и характер конструктивного решения машикулей, а также наличие открытой боевой пло-

щадки — все это позволяет отнести родовую-боевую башню Кадзаевых к наиболее ранним постройкам данного типа.

Аналогичное объемно-планировочное и конструктивное решения имеет и башня Моураовых в селении Лисри (рис.48, б, г). Она возвышается в нескольких десятках метров от крестообразной в плане церкви, расположенной на западной окраине селения, на левом берегу реки Лисридон. В плане башня близка к квадрату с размерами сторон 5,5 x 5,6 м. Ее главный вход имеет арочную форму и организован в уровне первого этажа. Однако в силу того, что нижняя часть башни забутована камнями-валунами, входной проем находится на высоте 2,6 м от уровня земли. Верхняя часть башни Моураовых полуразрушена, но в отдельных местах просматриваются остатки сланцевого козырька, ранее нависавшего над стенами.

На противоположном берегу реки Лисридон в 20 м от святилища «Мигдау-дзуар» расположена еще одна хорошо сохранившаяся родовая-боевая башня, описанная в разделе 2.2. Она принадлежала «сильной» фамилии Дарчиевых, представители которой являлись одними из основателей селения Лисри. Рассматриваемая постройка, в отличие от большинства родовых-боевых башен Северной Осетии, имеет пропорции, близкие к вайнахским башням (рис.29).

Башня имеет следующие размеры: площадь основания башни — 4,5 x 4,5 м, высота — 16,1 м [14], что придает ей особую вертикальную пропорциональность и стройность. Особенности кладки парапета, формы завершения, козырька из сланцевых плит отмечались выше.

Над козырьком и ниже (на 2,6 м) в башне устроены машикули, форма и конструкции которых распространены среди многих родовых-боевых башен Мамисонского и Нарского ущелий Северной Осетии. Конструкция машикулей родовой-боевой башни Дарчиевых представляет собой две консоли, перекрытые каменной плитой. Подобное решение машикуля позволяло воину-осетину вести оборону только сидя или лежа [15].

Завершая анализ родовых-боевых башен Северной Осетии, необходимо отметить следующий факт. Осетины, как и вайнахи, возводили сооружения данного типа в комплексе с жилыми и хозяйственными постройками. Нередко в Северной Осетии, как и в Чечне и Ингушетии, вначале возводилась родовая-боевая башня и лишь в дальнейшем к ней пристраивались другие сооружения родового комплекса.

В Кабардино-Балкарии количество башенных сооружений вообще и родовых-боевых башен в частности постепенно убывает при движении с востока на запад — от Верхней Балкарии к Баксанскому ущелью и Карачаю [16]. Ранее в Верхней Балкарии, по литературным данным, было 10 башен, а в Безенгийской котловине их насчитывалось 6, в Верхнем Чегеме — 14 башен, а в верховьях Баксана и Карачая — 3 и 4. В настоящее время многие из них полностью или же частично разрушены.

В Кабардино-Балкарии, как и повсюду на Северном Кавказе, позволить себе построить новую родовую-боевую башню могли только «сильные» фамилии. Лишь они имели возможность приготовить достаточное количество камня — основного строительного материала — и лишь они обладали необходимым количеством скота.

Однако в случае, если башня или башенный комплекс защищали подступы ко всему селению, то на их строительство собирались все жители.

Одна из хорошо сохранившихся родовых-боевых башен находится в Черек-Балкарском ущелье. Она расположена на юго-западной окраине аула Кунюм. По преданию, башня принадлежала роду Абаевых и была построена в конце XVI — начале XVII в. одним из их предков — Али-Мурзой [17]. Она отличается тщательностью форм и представляет собой как бы завершающий этап в развитии башенной архитектуры Черек-Балкарского и Хулам-Безенгийского ущелий (рис. 17, а, б).

В плане башня прямоугольная, с неравными сторонами: 5,8 x 6,5 x 7,85 x 5,25 м. Толщина стен в уровне первого этажа — 0,65 м, стены башни выложены из хорошо подогнанных камней правильной формы на прочном известковом растворе и имеют ярко выраженное сужение кверху. Благодаря высокому качеству работ стены кажутся совершенно гладкими. Вход в башню Абаевых имеет сводчатую форму и организован в уровне первого этажа. Возможно, первый и второй уровни могли быть использованы для жилья. Об этом свидетельствуют большие ниши, устроенные в стенах этих уровней, а также две ямы на первом этаже, которые выдолблены в скальном грунте и использовались для хранения продуктов. Три верхних уровня башни использовались как оборонительные. Функциональное различие уровней башни просматривается и во внешнем облике. В частности, третий уровень насыщен небольшими окнами и бойницами различной формы. Грузинское происхождение мастеров, возводивших башню Абаевых, отмечалось выше.

Несмотря на повсеместное разрушение башенных сооружений на территории Карачая и Черкесии, в некоторых ущельях Верхней Балкарии родовые-боевые башни сохранились вплоть до конца XIX в. В частности, В.Ф.Миллер, посетивший Балкарию в 90-х годах прошлого столетия, отмечал, что первый уровень башни Абаевых был еще обитаем потомками этого некогда сильного рода.

Сохранившиеся на территории Чечни и Ингушетии родовые-боевые башни можно разбить на две группы: родовые-боевые башни с открытой верхней площадкой, используемой для обороны, и так называемые *классические вайнахские башни*, имеющие ступенчато-пирамидальное завершение.

Вайнахские родовые-боевые башни со ступенчато-пирамидальным венчанием являются как бы завершающим этапом в эволюции башенных сооружений Северного Кавказа и относятся к наиболее значительным памятникам домостроительного творчества горцев (рис.20).

Башни данного типа возвышаются главным образом в селениях, расположенных в долинах Ингушетии. Причина этого, с одной стороны, в том, что лишь владельцы хороших земель были достаточно состоятельны для строительства башен, а с другой — в том, что эти участки были легко доступны, и жилища в этих местах требовали усиленной фортификации на случай необходимой обороны.

Возводились классические родовые-боевые башни из хорошо обработанных и подогнанных камней на известковом растворе. Их нижняя часть забутовывалась на высоту до 2 — 3 м. При этом самые большие камни закладывались в основание и углы башен. Разбивку плана вайнахские зодчие производили очень тщательно: углы башен прямые, а стороны основания одинаковые, с точностью до сантиметра. Кладку стен вели в два ряда, стены башни кверху постепенно сужались, в результате чего постройка приобретала и большую прочность, и выразительный внешний облик (рис.49; см. рис.21).

Процесс строительства родовой-боевой башни обставлялся очень торжественно, особенно его начало. При закладке первого ряда хозяева будущей башни убивали жертвенного барана и его кровью обгаляли угловые камни. По поверьям вайнахов, все несчастья приносит голод. Поэтому заказчик обязывался хорошо кормить строителей, и если он не сдерживал своего обязательства, жители аула обвиняли его в преднамеренной жадности и изгоняли из своей общины.

В горах Северного Кавказа землетрясения нередко достигали 5 — 6 баллов. Однако родовые-боевые башни вайнахов, несмотря на кажущуюся примитивность кладки, выдерживали подземные толчки. Достигалось это тем, что строились башни, как правило, на скальных платформах и сланцевых пластах, которые выполняют роль своеобразного гасителя ударной волны. Кроме того, стены вайнахских башен с внутренней стороны связаны между собой угловыми камнями-пластинами, которые имели форму треугольника и выполнялись из сланцевых плит. Укладка углового камня оценивалась очень дорого и равнялась стоимости овцы. Заметим, что стоимость строительства вайнахской башни в целом составляла 50 и более коров.

Как видим, вайнахские зодчие строили башни прочно, с учетом всех случайностей, даже землетрясений. По заказу состоятельного хозяина строители могли сделать в нижнем уровне башни каменный колодец, используемый для хранения запасов воды и пищи. Если их было несколько, то в одном мог томиться пленник, за которого ожидали богатый выкуп. Иногда под башнями вайнахские мастера устраивали небольшие подземные переходы.

Вайнахские родовые-боевые башни отличаются от аналогичных сооружений Чечни, Северной Осетии, Балкарии не только фортификационно-техническим, но и архитектурно-художественным уровнем. Они имеют своеобразное ступенчато-пирамидальное завершение, которое представляет собой каменную крышу, выполненную в технике ложного свода (рис.38). Завершение начинали возводить изнутри, посредством последовательного напуска камней верхних рядов над нижними до тех пор, пока не возникала необходимость в устройстве замкового камня. Сверху на него устанавливали шпиль, который ингуши называют «цтогал». Без него родовая-боевая башня считалась недостроенной. Поскольку его установка считалась наиболее сложной операцией при строительстве башни, за нее хозяева платили мастеру и его подсобникам лошадью или быком. Вот как описывал эту процедуру Л.П.Семенов: «...Когда же надо было закончить покрытие свода и поставить замковый камень, на машикули ставили лестницу, привязанную веревками, прикрепленными к столбу, поставленному на время на верхнем этаже. Веревки пропускали сквозь отверстия, сделанные между уступами кровли. Мастер привязывал себя ремнем к этой лестнице, поднимался на купол башни и заканчивал работу» [17].

Для классических родовых-боевых башен вайнахского типа ха-

рактенно также устройство между вторым и третьим уровнями четырехскатного свода с выступающими наружу вертикальными карнизами-гуртами. Подобное междуэтажное перекрытие возводилось из камня в технике «ложного свода», в то время как остальные междуэтажные перекрытия были плоскими и настилались по деревянным балкам, защемленным в гнездах, которые специально оставлялись в кладке стен (рис.42).

Структура внутреннего пространства вайнахской родовой-боевой башни имеет трехчастное членение по вертикали, которое подкреплялось и конструктивно, и функционально. Первым уровнем являлся нижний этаж башни, предназначавшийся для хранения запасов воды и пищи, а также для содержания пленников (с этой целью в каждом углу сооружения в толще цоколя или забутованной части башни устраивали по яме). Второму уровню башни соответствовал ее второй этаж, который использовался для временного проживания членов семьи или рода на случай осады. Третий уровень развивался в несколько верхних этажей, близких по функциональному назначению, в частности третий и четвертый этажи башни предназначались для защитников, тогда как пятый — для наблюдателей и защитников.

Особенность вайнахских родовых-боевых башен заключалась в том, что только в них верхний этаж использовался в сторожевых целях. Здесь, видимо, сказалось то, что чеченцы и, в особенности, ингуши практически не строили сторожевых и сигнальных башен. В этом не было особой необходимости, так как высота вайнахских башен столь велика, что с уровня ее верхнего этажа окрестности свободно обозревались на многие километры от селения.

На некоторых башнях описанный ранее узор «голгофа» выполнялся в виде мозаики. Примечательна в этом отношении родовая-боевая башня, расположенная на окраине чеченского селения Малхиста. «Голгофа» выполнена из светлого камня по темному фону стен. Источником распространения декоративной «голгофы» на вайнахских башнях, по предложению некоторых исследователей, являлась Грузия, где, начиная с XII — XIII вв., на фасадах храмов часто изображали этот основной символ христианства.

Наибольшее распространение классический тип родовых-боевых башен получил в районах рек Асса, Армхи и озера Галанчож-Ами. Однако отдельные образцы вайнахских башен, как говорилось, сохранились в некоторых селениях Пирикитской Хевсуретии, в Туше-

тии и Северной Осетии. Не вызывает сомнения тот факт, что для их строительства приглашались ингушские мастера. Так, за сооружение родовой-боевой башни в селении Ахиели (Хевсуретия) местные жители заплатили вайнахским зодчим 50 коров. Известно также, что в Ингушетии существовали целые семьи, которые занимались строительством башен. С этой целью мастера покидали родные места и работали в различных селениях Северного Кавказа и Закавказья.

Родовые-боевые башни без ступенчато-пирамидального завершения (с плоской земляной или же слабо выраженной четырехскатной крышей) получили распространение в основном в высокогорных районах Чечни. По пространственной структуре, по внешнему виду, по особенностям конструктивных и технических решений данный тип сооружения близок жилым-родовым башням, приспособленным к обороне. Различия между ними заключаются лишь в том, что родовые-боевые башни без ступенчато-пирамидального завершения, в отличие от жилых-родовых башен, имеют большую высоту (это достигалось за счет увеличения количества этажей), резче выраженное сужение стен кверху и значительно меньшую площадь этажей. Последнее объясняется тем, что родовые-боевые башни не были приспособлены для постоянного проживания и использовались только в случае нападения. Однако пользоваться этими башнями, по-видимому, приходилось неоднократно, потому что поверхности стен многих родовых-боевых башен покрыты толстым слоем окаменевшей копоти от очага.

В Ингушетии встречаются родовые-боевые башни, плоская земляная крыша которых окружена высоким парапетом. На каждой из четырех сторон он имеет большие проемы, которые устроены так, что парапет имеет вид не стенки, а отдельных простенков, образующих четыре «зубца» в углах верхней площадки башни.

Художественный образ родовых-боевых башен Северного Кавказа как бы синтезирован в архитектуре вайнахских башенных сооружений. Прежде всего это относится к вертикально выраженной композиции самой вайнахской башни и к форме элементов, ее составляющих: форме ступенчато-пирамидального завершения и форме ложносводчатого междуэтажного перекрытия на гуртах. Эти формы стали архитектурными знаками своеобразного регионального языка горской культуры. В архитектуре вайнахских родовых-боевых башен домостроительное творчество горцев достигает своеобразных, сугубо региональных и художественно значимых форм.

3.3. АРХИТЕКТУРА СТОРОЖЕВЫХ-РОДОВЫХ БАШЕН

Сторожевые-родовые башни получили на территории Северного Кавказа широкое распространение. Однако в результате вторжения кочевников и воинственных соседних народов большинство из них было разрушено. Ориентировочное время возникновения сторожевых-родовых башен на Северном Кавказе — XII — XV вв. Более точно датировать сооружения этого типа в настоящее время не представляется возможным. Проблема заключается в том, что археологическое изучение объектов не производилось, а литературные источники по этому вопросу весьма противоречивы.

Возводились сторожевые-родовые башни, как правило, в непосредственной близости от селения, жители которого были объединены кровно-родственными связями. Поэтому отдельные постройки этого типа имеют фамильную принадлежность. Строились сторожевые башни в основном для предотвращения внезапного нападения. Они имеют пространственную структуру, близкую родовым-боевым башням, и отличаются от них лишь высотой и местоположением в структуре поселения. Это относится прежде всего к сторожевым-родовым башням раннего происхождения. В более поздних постройках этого типа, возведенных в XV — XVII вв., обращает на себя внимание умелое использование народными зодчими естественных преград для боевых целей. Это привело к образованию мощных оборонительных форпостов, под которые приспособлялись и естественные пещеры, располагавшиеся в труднодоступных местах.

Обычно сторожевые-родовые башни занимали ключевые позиции у входов в ущелье, на перевалах, около населенных мест. Дозорные и сигнальные башни строились на склонах или вершинах холмов и скал, что позволяло передавать информацию в виде звукового, чаще визуального, сигнала о приближении врага. В связи с этим дозорные и сигнальные сооружения возводились не одиночно, а входили в состав системы фортификационных укреплений одного или нескольких союзных селений.

Примером такой фортификационной системы может служить система сторожевых-родовых и сигнальных башен, возведенных в Джераховском ущелье. Эта система начиналась с сигнальной башни, возвышающейся на вершине покатога косогора, между селениями Фалхан и Лежг. Вот как описывает сигнальную систему Солнечной долины В.И.Марковин: «Она (вышеуказанная башня) хорошо

видна в селениях Фалдхан и Лежг, а, в свою очередь, башня аула Лежг видна в Эрзи (рис.50). На западном склоне горы Мат-лан возвышается еще одна подобная одинокая башня. Она словно нависает над Эрзи, Щуаны и другими селениями. Как видим, если в районе Солнечной долины, со стороны Дарьяла, показался бы враг, огневые сигналы, поданные в Джерахе, достигли бы Фуртоуг, затем Харпе, Бейни, и с помощью сторожевых башен весть о враге разнеслась бы по всей стране...» [18].

Сторожевые-родовые башни не были приспособлены для постоянного проживания, вследствие чего дежурство на них осуществляли по очереди все семьи родовой общины. Нередко создавались специальные отряды из молодых людей, которые освобождались от постоянной трудовой деятельности и занимались лишь охраной селения.

Сторожевые-родовые и сигнальные башни Чечни и Ингушетии независимо от того, что их строительство определялось единой потребностью, как правило, отличались друг от друга и объемно-планировочным, и конструктивным решениями.

Сигнальные башни обычно возводились в виде отдельно стоящих сооружений с открытыми верхними площадками, огражденными невысоким парапетом. В этом отношении они схожи с вайнахскими родовыми-боевыми башнями, не имеющими ступенчато-пирамидального завершения.

При возведении сторожевых-родовых башен учитывались все естественные преграды, которые облегчали оборону занимаемого форпоста. Для устройства таких оборонительных сооружений нередко использовались естественные пещеры, которые ограждались мощными каменными стенами, оснащенными щелями-бойницами, а иногда и машикулями. Руины подобного укрепления расположены близ чеченского селения Моцарой, сторожевой комплекс которого представляет собой стену длиной около 12 м и высотой около 10 м с бойницами и узкими окнами. Стена перекрывала обширную нишу отвесной скалы, и к ней вели лестницы и мостики, укрепленные на сложенных из камня подпорках. Ныне они разрушены [19].

Среди сторожевых укреплений Чечни и Ингушетии есть группа, представленная боевыми башнями, пристроенными к скалам. Подобные сооружения располагались обычно над высокими обрывами у входов или же выходов из ущелий. О них писал в конце прошлого века В.Ф.Миллер: «...Прикрепленный к естественным углублениям

скалы замок мы осматривали близ аула Туркали на высоком отвесном берегу речки Геки... К замку ведет узкая, частью высеченная в скале тропа, кое-где обрывающаяся и замененная деревянными мостиками... Поразительное впечатление производит небольшой балкон, сохранившийся каким-то чудом на страшной высоте. Держится он на массивных брусьях, выступающих на сажень из скалы » [20].

В Осетии пещерные фортификационные сооружения возводятся в XV — XVII вв., ареал их охватывает ее северные районы.

Пространственная структура пещерных крепостей складывалась на протяжении всего периода их действия и резко отличалась от крепостных сооружений, возводившихся в Азии и Европе. В отличие от азиатских и европейских средневековых крепостей, имевших замкнутую пространственную структуру, осетинские крепости представляют собой вытянутые вдоль ущелий мощные фортификационные системы, включающие в себя обособленно стоящие пещерные укрепления и сторожевые-родовые башни.

Наибольшее распространение пещерные фортификационные сооружения получили в Куртатинском и Алагирском ущельях. Среди них выделяется своей мощью крепостной комплекс, расположенный на левом берегу реки Фиагдон, близ древнего осетинского селения Дзивгис. Протянувшись вдоль самого узкого места в Куртатинском ущелье — теснине Кадаргаван, он играл важную роль в обороне ущелья и поэтому был хорошо укреплен. «Кажется, нет ни одной мало-мальски значительной пещеры или навеса в скалах, не закрытых мощной стеной и превращенных в неприступную твердыню. Повсюду зияют провалы входов с арочным завершением, окна, узкие подслеповатые бойницы, направленные к противоположному берегу реки» [21].

Комплекс рассматриваемых укреплений состоит из семи пещер и скальных навесов, расположенных на высоте более 10 м от подошвы скального массива и закрытых мощными стенами из грубо обработанных камней. Доступ в пещеры был возможен лишь при помощи приставных лестниц, которые убирались в случае опасности. Ранее все пещерные башни Дзивгисского комплекса были взаимосвязаны друг с другом, однако в настоящее время тропы, проложенные между ними, сохранились лишь частично. Это значительно усложняет изучение Дзивгисского фортификационного комплекса, который является одним из интереснейших памятников домостроительного (фортификационного) творчества горцев [22].

Еще один хорошо сохранившийся пещерный оборонный комплекс расположен у древнего осетинского селения Урсдон. Он представляет собой мощную систему оборонительных сооружений, в состав которых входят пять пещерных башен, возведенных на высоте 100 — 150 м над уровнем реки Урсдон, на ее правом скалистом берегу. Примечательной особенностью комплекса является его протяженность.

Рядом с укреплением сохранились остатки двух родовых-боевых башен. Они были возведены жителями селения задолго до строительства пещерного комплекса и при необходимости могли использоваться для обороны в случае нападения воинственных соседних племен. В более позднее время обе башни, как и Урсдонский комплекс, были включены в систему оборонительных сооружений Алагирского ущелья, по которому с древних времен пролегал торговый путь, связывавший север и юг Кавказа. Примечательно в этой связи, что в одном из древнейших осетинских селений Цамад (Алагирское ущелье), основанном, по преданиям, потомками Сидамона, сына легендарного Ос-Багатара, Е.Г.Пчелиной в 1928 г. был найден серебряный сасанидский кубок, который, по предположению В.А.Кузнецова, вполне мог попасть туда в качестве таможенной платы за провоз торговых грузов через ущелье [23].

К концу XVIII в. башенные сооружения в Северной Осетии, за исключением сторожевых укреплений и пещерных комплексов, уже не возводились. Это свидетельствует о том, что к этому времени башенный архетип утратил свое прежнее архитектурно-символическое значение. Однако этот процесс начал развиваться еще задолго до XVIII в. Рационализация пространственной структуры башенных сооружений проявляется уже в первых оборонительных постройках осетин, где во главу требований, предъявляемых к постройкам, ставились фортификационные.

Сторожевые-родовые башни горного Дагестана представляют собой специальные башни, расположенные на подступах к селению. О такого рода башнях, например в селе Лучек Рутульского района (они не сохранились), сообщалось в 1850 г.: «На скале... и ныне находятся две грубо сложенные башни в виде цитадели, а само селение у подошвы, между реками лежащее, окружено стеною с башнями» [24].

Одна из таких сторожевых-родовых башен сохранилась у селения Ицари (рис.51). Она расположена на краю плато, простирающе-

гося к северу от селения. Само же селение расположено на речной террасе. К югу от него проходит глубокое ущелье реки. Потребность в строительстве башни возникла у жителей селения после того, как князь Кайтага вместе с семьей покинул Ицаринский башенный комплекс и переселился в село Маджалис. Ицаринцы для защиты от наседавших на них врагов — жителей соседней «общины» — построили на подступах к селению большую круглую сторожевую башню. Башня, круглая в плане, диаметром около 7 м, четырехэтажная, увенчана декоративным карнизом на кронштейнах, имитирующим машикули. Вход в нее решен в уровне второго этажа; над входом, на уровне четвертого этажа, — единственное окно; в стенах башни, с севера, востока и запада — до двух десятков бойниц с узкими щелями (0,1 x 0,5 м) и большими нишами (0,8 x 2,2 м), в которых может поместиться стрелок из лука. Высота башни приближается к 16 м, толщина стен на уровне второго этажа — 1,4 м. По мере движения ввѣрх толщина стен резко уменьшается, что решалось за счет значительного наклона внешней поверхности стены вовнутрь помещений. Кладка стен башни производилась на глиняном растворе из грубо околотых камней, между ними для выравнивания кладки уложены мелкие камни. Конструкция перекрытия ицаринской сторожевой-родовой башни типологична и построена на конструктивном приеме, характерном для большинства башенных сооружений Дагестана. Примечательной чертой данного решения является то, что балки перекрытия опирались на центральный прогон, который, в свою очередь, посередине опирался на перпендикулярный ему радиальный пилон. О характере перекрытий свидетельствуют гнезда с остатками концов балок.

В селении Мусрух сохранилась семиэтажная сторожевая-родовая башня. Она была возведена «келебской общиной» и предназначалась для защиты от нападений со стороны родовых общин и союзов, населявших долины Гидатля. Башня расположена в центре селения, прилепившегося к крутому склону горы подобно орлиному гнезду, и занимает доминирующее положение как в структуре селения, так и во всей котловине келебской долины [25]. Такое положение башни обусловлено двумя факторами. Во-первых, она возведена на самой высокой скальной площадке, возвышающейся над селением, во-вторых, значительная высота башни позволяла наблюдать за местностью и обнаруживать нападающих, находящихся за горой.

Наибольшее распространение сторожевые-родовые башни и фортификационные комплексы получили на территории Балкарии, в верховьях Черек-Балкарского и Хулам-Безенгийского ущелий. Изобилие башен и других оборонительных сооружений в этих ущельях говорит об их важном значении в истории балкарского народа. Как правило, сторожевые-родовые башни и фортификационные комплексы располагались на труднодоступных скальных участках и вершинах, окаймляющих горные котловины, в которых размещались балкарские и карачаевские аулы. Реже они сооружались в аулах и вблизи от них. Сторожевые-родовые и другие фортификационные сооружения в отдельных районах представляли собой хорошо продуманную оборонительную систему и занимали в стратегическом отношении выгодные точки.

Примером сторожевой-родовой башни, расположенной вблизи селения, являлась Хуламская (рис.52). Она находилась на левой стороне Хулам-Безенгийского ущелья, над старым аулом Хулам. Башня была возведена на горизонтальной площадке труднодоступной террасообразной скалы. Попастъ в Хуламскую башню можно было только с западной стороны, пройдя по опасной горной тропе. В нескольких десятках метров от башни тропа упиралась в мощную заградительную стену, замкнутую между скалами. Длина стены — 14,6 м, толщина — 0,65 м, высота стены колебалась в пределах от 1,6 м до 2,2 м. Возведенная стена усиливала оборонительные возможности башни и делала доступ в нее практически невозможным.

На вершине труднодоступной горы Кала-Баша на небольшой скальной площадке расположена еще одна хорошо сохранившаяся сторожевая-родовая башня, из которой хорошо просматриваются ущелья рек Хузрук и Учкулан. Хузрукская башня, иначе — башня «Мамия-Кала», была трехэтажной (рис.53). Об этом свидетельствуют ниши в стенах для крепления балок междуэтажного перекрытия. Общая высота ее с учетом высоты фундамента — 7,9 м. Высота первого этажа — 2,2 м, второго — 2,8 м, третьего — 2,4 м. Входной проем в башне имеет арочную форму, устроен он в уровне первого этажа. Слева от выхода расположен колодец, выдолбленный в стене и облицованный камнем. Он служил для хранения запасов пищи и топлива. Связь между уровнями башни осуществлялась по приставным лестницам через люки, устроенные в междуэтажных перекрытиях. В основании башня «Мамия-Кала» близка к квадрату. Стены ее сложены из хорошо обтесанных и подогнанных камней на известковом

растворе. У основания их толщина равна 1,2 м. Умелая подгонка камней придает стенам почти гладкую поверхность, что резко отличает хузрукскую башню от многих сооружений Балкарии и Карачая подобного типа. Стены имеют ярко выраженное сужение кверху. Их кладка велась таким образом, что на уровне каждого этажа в стенах устраивались небольшие уступы, на которые опирались деревянные балки междуэтажных перекрытий.

На территории Верхней Балкарии находится еще одна полуразрушенная башня. Ее также можно отнести к типу сторожевых-родовых башен. Это так называемая башня Амирхана. Она расположена в Черек-Балкарском ущелье у древнего, ныне пустующего, аула Шканы. По преданию, башня возводилась сванскими мастерами для Сосрана Абаева [26]. Ранее башня Амирхана являлась одним из форпостов в оборонительной системе Черек-Балкарского ущелья. При ее сооружении большое внимание было уделено учету фортификационных возможностей естественных преград, а также выбору площадки под строительство. Стратегическое положение башни определялось также и тем, что из нее хорошо просматривались близлежащие селения, в частности аул Кюнюм, расположенный на противоположном берегу реки Черек. Башня Амирхана возводилась из тесаного, средних размеров камня на прочном известковом растворе. В основании она близка форме равнобедренной трапеции с внутренними размерами стен 2,7 x 5,65 x 1,65 x 5,65 м. Кверху башня сужается, толщина стен в основании составляет 0,8 м, а в верхней части — 0,5 м. Вход в нее находится в северо-восточной стене на высоте 0,4 м от уровня пола и имеет арочную форму. Установить этажность башни в настоящее время невозможно, поскольку она сильно разрушена. Однако, по предположению М.И.Мизиева, который ее обследовал, башня Амирхана, вероятнее всего, была двухэтажной. М.И.Мизиев считает, что об этом свидетельствуют небольшие ниши, расположенные на боковых длинных стенах, на высоте 1,8 м, в которых, по его мнению, укреплялись балки междуэтажного перекрытия. Башня Амирхана, а также рассмотренная ранее башня «Мамия-Кала» представляют собой классические примеры построек сторожевого типа, возводившихся на территории Балкарии и Карачаево-Черкесии.

В Балкарии, как и в соседней Северной Осетии, в XV — XVII вв. помимо отдельных сторожевых башен возводились и оборонительные комплексы. В отличие от башен, они намного больше по разме-

рам, имеют различные жилые и хозяйственные пристройки, оборонительные стены. Возводились они, как правило, жителями одного балкарского селения. Реже крепостные комплексы строились членами различных родовых общин, вступивших в союзнические отношения и расположенных в нескольких аулах одного ущелья. Время постройки значительного большинства сторожевых башен и крепостных комплексов до сих пор не установлено. Очевидно, что потребность в их возведении возникла в связи с усилившейся экспансией извне, со стороны крымских ханов и турецких султанов, т.е. в период с XIV по XVIII вв.

Примечательной чертой балкарских оборонительных комплексов является максимальное использование возможностями рельефа площадки, выбранной под строительство. Об этом свидетельствует планировка и конфигурация многих построек данного типа.

Характерен в этом отношении фортификационный комплекс Зылги. Сейчас он полуразрушен. Однако ранее это был главный форпост в общей цепи укреплений Черек-Балкарского ущелья. Комплекс возведен на трех террасообразных скальных выступах, ступенями поднимающихся вверх. Его планировка всецело подчинена особенностям естественной площадки, выбранной под строительство. На первой террасе были возведены две заградительные стены, примыкающие к отвесу скалы. Это привело к образованию двух обособленных замкнутых объемов. Конфигурация стен сооружений первого яруса продиктована очертаниями скальной площадки. Общая длина заградительных стен, которые были сложены из крупноразмерных камней на известковом растворе — 19 м, толщина — 0,6 м. В стенах устраивались окна и бойницы. Из них отлично просматривался весь выход из теснины Черек-Балкарского ущелья.

На площадке второй террасы, расположенной на 11 м выше первой, были возведены сооружения второго яруса. Это — главное укрепление комплекса, и в настоящее время оно представлено двумя прямоугольными в плане постройками, которые также примыкают к отвесам скалы. В обоих сооружениях имелись выдолбленные в скальном грунте и облицованные камнем колодцы. Они использовались для хранения запасов пищи и топлива. В передних и боковых стенах построек, так же как и в заградительных стенах первого яруса комплекса, были устроены окна и бойницы, из которых хорошо просматривались все сооружения, расположенные на нижней террасе, и под-

ступы к ним. По планировочным и конструктивным решениям сторожевых и оборонительных построек второй ярус комплекса Зылги является его цитаделью.

На высоте 50 м над второй площадкой расположена третья терраса. На ней возведена сложной конфигурации стена, примыкающая к скальному выступу. Образовавшееся башенное сооружение — последнее оборонительное место всего комплекса. Одновременно эта башня служила и в качестве дозорной, потому что из нее обзор окрестностей был намного шире, чем из сооружений первых двух ярусов. Таким образом, башенный комплекс Зылги представлял собой хорошо продуманную и практически неприступную систему сторожевых и оборонительных сооружений, способных защитить балкарские аулы, расположенные в долине Черек-Балкарского ущелья.

На скалистом уступе горы над старым аулом Кюнюм, который находится в глубине Черек-Балкарского ущелья, расположен фортификационный комплекс Малкар-Кала. Среди башенных комплексов Верхней Балкарии это один из самых труднодоступных. Он представляет собой сильно укрепленное, с хорошо продуманной планировкой, оборонительное сооружение, с прилегающими к нему жилыми и фортификационными пристройками. К юго-востоку от комплекса, непосредственно с ним не соприкасаясь, тянутся остатки жилых построек, компактно расположенных на нескольких террасах. Их насчитывается около десятка. По предположению М.И.Мизиева, это развалины небольшого родового аула, прижатого к своей оборонительной крепости. При необходимости население могло укрыться в ней и обороняться от неприятеля [27].

Среди оборонительных сооружений Верхней Балкарии особый интерес вызывает башенный комплекс Болат-Кала, расположенный почти на неприступной скале у аула Кюнюм. Он как бы завершает всю оборонительную систему Черек-Балкарского ущелья и является самой мощной во всей группе сторожевых-родовых и оборонительных сооружений, охраняющих подступы к древнему балкарскому селению. Первоначально комплекс представлял собой однокамерное сооружение, от которого в сторону отходила мощная заградительная стена, прикрывавшая подход к постройке. Несколько позднее у одной из граней главной башни комплекса была возведена двухкамерная пристройка. На это указывают несколько факторов: во-первых, уровень пола основной камеры выше пола пристроенной части на 0,8 — 0,9 м, во-вторых, значительна разница между толщи-

ной стен основного объема и пристроенного — она достигает 0,5 м. Кроме того, хорошо виден строительный шов между главной башней и пристройкой к ней. Вход в башенный комплекс Болат-Кала был устроен с северо-восточной стороны через входной проем в стене, примыкающей к отвесу скалы. Связь между основным и пристроенным объемами осуществлялась через узкий проем в смежной стене. Справа от него в углу главной башни располагались колодцы, которые использовались в хозяйственных целях. Форма основания постройки близка равнобедренной трапеции со сторонами 8,9 x 11,7 x 5,9 x 11,7 м. В стенах пристройки устроены окна и бойница, из которых хорошо просматриваются подходы как к комплексу, так и к аулу.

На неприступной горе около бывшего селения Усхур сохранились остатки фортификационного комплекса «Тотур-Кала» с полуразрушенными башнями (рис.54, б, в). На противоположной стороне долины находятся остатки сторожевой башни. Вероятно, постройки представляли собой единый оборонительный комплекс, имевший целью поражать вторгнувшегося противника перекрестным огнем [28].

В Баксанском ущелье сохранились развалины оборонительного комплекса и сторожевых-родовых башен. Постройки расположены на скальных площадках террасообразных гор у древнего селения Эльджурт. По преданию, сооружения возводились сванскими мастерами для проживавших здесь карачаевцев. Местные жители считают, что комплекс принадлежал легендарному карачаевскому герою Карче и его родственнику Камгуту, одному из прародителей карачаевского рода Крымшамхаловых [29].

Наибольшее количество сторожевых-родовых башен и башенных комплексов находится в восточном районе Балкарии, который граничит с Северной Осетией. Архитектурный тип в большинстве случаев совпадает с осетинским. Это наиболее наглядно проявляется при сравнении оборонительных сооружений Северной Осетии и Верхней Балкарии. Достаточно вспомнить и сопоставить башенные комплексы, расположенные у селений Дзивгис (Северная Осетия) и Кюнюм (Верхняя Балкария). Сходство архитектуры башен Балкарии и Северной Осетии (особенно Дигории) объясняется не только географической близостью, но и развитыми взаимными культурными контактами, в частности в сфере домостроительного творчества. Кабардинские и балкарские «таубии» очень часто обращались к ус-

лугам осетинских мастеров, построивших многие башенные сооружения в Кабарде и Балкарии. В то же время многие «сильные» фамилии дигорских осетин активно перенимали традиции кабардинской знати, «аристократические» манеры которой считались в эпоху средневековья эталоном для горцев Северного Кавказа.

3.4. АРХИТЕКТУРА РОДОВЫХ БАШЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Возникновение родовых башенных комплексов было обусловлено потребностями постоянно увеличивающейся родовой общины. Родовая община оставалась актуальной у горцев Северного Кавказа (особенно у чеченцев, ингушей, осетин, аварцев и рутульцев) вплоть до XVIII в. Численность членов родовой общины нередко достигала 100 человек. Даже самые малочисленные состояли из 15 — 20 членов. Такое количество родственников не могло нормально проживать в одной жилой-родовой башне, так как ее жилая площадь — площадь общесемейной комнаты — обычно не превышала 45 кв.м [30].

Подобное явление имело место во многих горных районах Северного Кавказа и Закавказья. И это позволило А.И.Робакидзе предположить, что рост башенных комплексов путем достраивания новых жилых-родовых башен был обусловлен увеличением числа родственных семей, которые после выделения из родовой общины селились вокруг родовой-боевой башни, образуя особую форму патронимического поселения.

В этой связи мы считаем, что первоначально горцы возводили родовые башенные комплексы, состоявшие из жилой-родовой башни и пристроенной к ней родовой-боевой. С течением времени родовые башенные комплексы могли достраиваться жилыми, хозяйственными и оборонительными постройками, образуя *родовые поселения*. Подобные сооружения в Чечне и Ингушетии получили название «галан». Первоначально в родовом башенном комплексе проживала одна вайнахская семья (доъзал), состоящая из брачной пары, их детей и детей их сыновей. У вайнахов, как и повсюду на Северном Кавказе, главой семьи был отец, и все движимое и недвижимое имущество находилось в его распоряжении. Если в семействе было несколько сыновей, то вайнахская семья часто перерастала в фамилию (циа). Как правило, она образовывалась после смерти главы семьи. С ростом вайнахской семьи, а также в процессе ее перерас-

тания в фамилию и происходило формирование **фамильных башенных комплексов**.

В фамильных башенных комплексах родовая-боевая башня сочеталась с жилой по-разному: стояла рядом, примыкала к ней или же встраивалась в ее объем.

Нередко комплекс жилой и родовой башен обносился высокой каменной стеной. Образовавшийся внутренний двор служил, главным образом, загонем для скота. Однако свойства каменной ограды использовались и в оборонительных целях. Подобные комплексы отличаются от фамильных. Условно их можно назвать *фамильными башенными усадьбами*, тем более что они являлись, видимо, одним из промежуточных этапов в эволюции фамильных комплексов, которая привела к формированию крупных башенных образований.

В домостроительном творчестве чеченцев и ингушей процесс формирования родовых башенных комплексов проявился в наиболее «классическом» виде. Здесь родовые башенные комплексы отражают все стадии эволюции данного типа архитектуры башенных сооружений: родовые башенные комплексы, состоявшие из одной жилой-родовой башни и одной родовой-боевой; крупные фамильные башенные комплексы, состоявшие из одной родовой-боевой башни, нескольких жилых-родовых и группы хозяйственных построек; обособленно расположенные фамильные башенные усадьбы-комплексы, состоявшие из одной родовой-боевой башни и группы жилых и хозяйственных построек, обнесенных мощной оборонительной стеной; наконец, родовые комплексы, состоящие из нескольких родовых-боевых башен, обстроенных жилыми-родовыми башнями и различного рода хозяйственными постройками. На сегодняшний день практически все типы родовых башенных комплексов хорошо сохранились.

В отличие от фамильных башенных комплексов и усадеб, ареал родовых башенных комплексов не столь широк. Однако в количественном отношении они преобладают. Этот факт согласуется с историческими и этнографическими данными. В XVI — XVIII вв. многие вайнахские родовые общины («тейпы») имели развитую патронимическую структуру, состоявшую из нескольких родственных фамилий. Каждый тейп имел свое название по имени легендарного или реального родоначальника. Все члены родовой общины между собой были равны и свободны, что, конечно, не означало абсолютного равенства. Историкам и этнографам известен случай, когда бедные вайнах-

ские фамилии и молодые семьи становились столь зависимыми должниками, что практически оказывались на положении рабов-«лаев» у своих более состоятельных родственников. Время строительства большинства родовых башенных комплексов датируется эпохой позднего средневековья. Несмотря на это, данный тип пространственного образования нельзя отождествлять с феодальными замками, которые получили широкое распространение в Западной Европе и Передней Азии.

Примером патронимического поселения служит родовой башенный комплекс чеченского селения Моцарой (рис.55), который состоит из одной родовой-боевой башни вайнахского типа и трех жилых башен. По периметру он обнесен мощной каменной стеной, а рядом с ним расположена еще одна полуразрушенная постройка, которая была возведена значительно позднее основных сооружений башенного комплекса. По-видимому, она использовалась жителями родового башенного комплекса в качестве загон для скота.

Полуразрушенный родовой башенный комплекс расположен и в селении Хени (рис.55, б, в). Он, как и многие подобные сооружения Чечни и Ингушетии, имеет сложную иррегулярную планировку и представляет собой группу жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений. Родовая-боевая башня стоит обособленно. Возможно, ее строительство было начато уже после того, как произошло окончательное формирование планировочной структуры родового комплекса. Учитывая местоположение башенного комплекса, который занимает вершину холма, можно предположить, что строительство родовой-боевой башни, ранее имевшей выразительное ступенчато-пирамидальное завершение, было продиктовано не столько оборонительными потребностями, сколько соображениями престижа. Однако несмотря на то, что подобное планировочное решение родового комплекса не редкость для Чечни и Ингушетии, гораздо чаще вайнахская башня возводилась одновременно в комплексе с жилой башней. Такое решение получило повсеместное распространение и было характерно для родовых башенных комплексов как ингушей, так и чеченцев (рис.56).

В позднем средневековье в Чечне и Ингушетии происходил процесс укрепления селений путем объединения в родовые союзы, создание которых позволяло их членам занимать плодородные земли и оборонять новую территорию посредством строительства мощных родовых башенных комплексов. В состав последних входило сразу

несколько родовых-боевых башен классического типа. При этом башни строились, как правило, совместными усилиями и на средства всех жителей образовавшегося поселения.

А.Ф.Гольдштейн после анализа планировочной структуры некоторых ингушских фамильных и родовых башенных комплексов пришел к выводу, что их неприступность и мощь достигались не столько строительством родовых-боевых башен, сколько всей фортификационной системой селения. Она включала в себя и жилые башни, и хозяйственные постройки, и заградительные стены.

Процесс объединения родов и создания родовых союзов получил широкое распространение в долинах рек Армхи и Ассы. Это привело к возникновению на территории Чечни и Ингушетии таких крупных башенных селений, как Таргим, Эрзи и Эгикал, жителей которых объединяли земельные и племенные интересы.

Заключение союзов между отдельными родами позволяло жителям двух, а иногда и более селений создавать не только отдельные фортификационные сооружения, но и целые системы оборонительных укреплений, в состав которых могли входить заградительные стены, перекрывающие узкие проходы в ущельях, сторожевые-родовые сигнальные башни.

Такого рода фортификационная система была создана вайнахами у входа в Джераховское ущелье, близ селения Джерах. От его былой архитектуры ныне почти ничего не сохранилось. Остались одни руины да стройная высокая родовая-боевая башня, окруженная современными домами, а в XVIII в. здесь можно было увидеть мощную крепостную стену, преграждающую вход в ущелье, в Страну вайнахов. Между тем жители селений Джераховского ущелья свободно выходили к Тереку. Как повествуют предания, родоначальник дже-раховцев — Джерахнат — собирал здесь дань за проезд и провоз грузов по Дарьяльскому ущелью. Эта укрепленная оборонительная система возводилась жителями всех селений Джераховского ущелья.

Родовые башенные комплексы являлись структурной единицей построения горных селений, в процессе формирования которых количество их увеличивалось. Характерный пример этого типа — ингушское селение Эрзи (рис.57, 58, 59).

Селение расположено на холме, вблизи реки Армхи, и состоит из девяти родовых башенных комплексов. Первым поселенцем этого горного селения был Явкуров, свой родовой башенный комплекс он возвел не на вершине, а на склоне холма. Вершина холма свя-

щенна, это наиболее почетное место, и впоследствии, при развитии селения в сторону вершины, самая верхняя часть не была полностью застроена и представляла своеобразную общественную площадь (рис.58). Если бы соображения обороны имели первостепенное значение, то Явкуров застроил бы именно вершину холма, но этого не произошло. Когда основатель селения Эрзи обжился на новом месте (а до этого Явкуров жил в трех километрах в сторону Таргима), он выделил рядом участок для своего родственника Буружова. Со временем в Эрзи поселилось еще несколько фамилий, которые были и могущественнее и богаче основателей селения. Свои родовые комплексы, по соображениям престижа, они стремились построить выше комплексов и Явкурова и Буружова. Поэтому родовые башни более могущественных фамилий располагались все выше и выше, приближаясь к вершине. В результате родовой комплекс основателя селения Явкурова оказался в нижней части холма на окраине селения Эрзи, что побудило его хозяина переселиться на новое место — по другую сторону реки Армхи на склон горы.

Аналогично структурно-семантическое построение высокогорного селения Хой (рис.60, а, б). На более высокой части склона находится самая высокая (сохранившаяся до настоящего времени) родовая башня (рис.62, а). Основная концентрация родовых башен — в верхней части селения. В этой же части селения в верхнем квартале, в комплексе с родовыми башнями, расположено здание мечети с башенным минаретом (на генплане помеченное полумесяцами). Еще выше по склону горы за родником находится мусульманское кладбище, которое по площади примерно равно селению, т.е. селение имеет как бы две части: «город предков» и «город людей» (рис.61, а, б).

В Северной Осетии башенные комплексы, состоящие из одной жилой-родовой башни и одной родовой-боевой, на сегодняшний день малочисленны, и здесь можно сделать два вывода: либо у осетин этот тип башенных комплексов не получил широкого распространения, либо такого рода сооружения в период нашествия монголов подверглись сильным разрушениям, а после ухода кочевников разбирались под строительный материал для возведения новых, более мощных фамильных башенных комплексов и усадеб. Как нам кажется, второй вывод более объективен, так как он подтверждается многими фактами, например описаниями русских и иностранных путешественников и исследователей, посетивших Северную Осетию в XVIII — XIX вв., сведениями, полученными от местных жителей, а так-

же отдельными легендами и эпическими рассказами. Во всех этих источниках можно проследить одну и ту же информацию. После ухода монголов разрушенные башни осетины использовали под строительный материал для возведения новых построек.

С последствиями монгольского нашествия связана еще одна особенность эволюции родовых башенных комплексов Северной Осетии. У осетин, в отличие от вайнахов, практически нет башенных комплексов, расположенных обособленно от крупных селений. На наш взгляд, это объясняется тем, что после ухода кочевников осетины стремились возводить новые родовые башенные комплексы в структуре уже сложившихся селений. Таким образом повышалась оборонная мощь как отдельного комплекса, так и всего селения в целом. Планировочная структура осетинских селений практически лишена какой-либо «зримой» регулярности, так как фамильные башенные комплексы, входящие в их состав, возводились поэтапно, в течение длительного промежутка времени и нередко к тому же на участках со сложным рельефом.

Укрепленные фамильные башенные усадьбы, так называемые «галуаны», сохранились в некоторых селениях Тагаурии, Куртатинского и Алагирского ущелий. На ранней стадии эволюции они представляли собой отдельно стоящие сооружения, в состав которых входили одна жилая-родовая башня и одна родовая-боевая. Характерная черта фамильных башенных усадеб — заградительные стены, которыми обносились башни, расположенные особняком.

Примечателен в этом отношении галуан Сахмановых, возвышающийся на правом берегу реки Гизельдон на окраине селения Даргавс. Он состоит из жилой-родовой башни, размеры основания которой 11,5 x 7,8 м при толщине стен 0,9 м. Башня имеет два входа. Первый расположен в уровне земли, второй — на высоте 1,6 м. В 20 м от жилой-родовой башни сохранились развалины родовой-боевой башни. В плане она прямоугольная, приближающаяся к квадрату с размерами сторон в основании 5,8 x 5,5 м, при толщине стен 0,8 м. Оба сооружения объединены общим двором, обнесенным мощной стеной, ее толщина приближается местами к 1 м. Высота наиболее сохранившихся участков ограждающей стены достигает 5,5 м.

Более развитое объемно-пространственное решение имеет фамильная усадьба Карацевых, расположенная на окраине селения Урыкау. Само селение находится в низовье реки Кададон, у впадения ее в реку Фиагдон.

В начале 50-х годов XX в. фамильная усадьба обследовалась С.Кригер и Н.Ф.Такоевой. В одной из работ о жителях этого галуана последняя приводит следующие сведения: «Крепость Карацевых составляла отдельный отсенок, в котором жили потомки одного рода, разделившегося на две семейные общины. В дальнейшем, с разрастанием каждой из общин, выделялись новые хозяйства, селившиеся здесь же, в пределах галуана и на территории, непосредственно к нему примыкающей» [31]. В настоящее время все постройки галуана Карацевых, за исключением доминирующей над ним родовой-боевой башни, разрушены почти до основания. Башня в плане квадратная с размерами сторон в основании 5,6 x 5,6 м. Высота ее достигает 12,8 м.

Фамильные башенные комплексы Северной Осетии отличаются от сооружений этого типа, расположенных в Чечне и Ингушетии, несмотря на то, что в объемно-планировочном решении они близки им. У осетин фамильные башенные усадьбы возводились членами «сильных» фамилий, выделившихся из родовой общины, тогда как у вайнахов родовые башенные комплексы этого типа строились членами одной семьи, из которой впоследствии формировались и фамилия, и род. Возможно, этим объясняется также и то, что у вайнахов фамильная башенная усадьба часто преобразовывалась в родовой башенный комплекс, чего у осетин не было.

Примером фамильной башенной усадьбы, возведенной членами «сильной» фамилии, выделившейся из родовой общины, является родовой башенный комплекс Габисовых, расположенный в двух километрах от селения Цмити, выше по склону. Комплекс усадьбы состоял из нескольких жилых-родовых башен, множества хозяйственных построек и двух родовых-боевых башен, возведенных на краю мощного скального выступа. По периметру комплекс был обнесен мощной оборонительной стеной. В настоящее время от всей усадьбы сохранились (частично) лишь две родовые-боевые башни, все остальные сооружения разрушены до основания.

Завершающий этап в эволюции башенных сооружений — это родовые башенные комплексы. Они имеют две и более родовые-боевые башни. Комплексы представляли собой группы обособленно стоящих башенных сооружений, объединенных мощными оборонительными стенами. Каждая из башенных групп принадлежала отдельной фамилии (семье), входившей в состав рода. В некоторых родовых башенных комплексах оборонительные стены отсутствуют,

что, однако, не влияло существенно на фортификационные качества сооружений. В подобных комплексах родовые-боевые башни возводились так, что из них по нападающим можно было вести перекрестный обстрел. Примечателен родовой башенный комплекс Кесаевых, расположенный на левом берегу реки Закадон, на окраине селения Кесатыкау. В его состав входят три родовые боевые башни, две из которых обстроены различными жилыми и хозяйственными постройками. Третья родовая-боевая башня обособлена от остальных сооружений и стоит на краю скального мыса, который служил основанием под все строения родового комплекса. Примечательной особенностью последней башни является ее овальный в плане подвал — «каменный мешок», перекрытый каменной ложносводчатой конструкцией. В настоящее время родовой комплекс Кесаевых основательно разрушен. Относительно хорошо сохранились лишь родовые боевые башни. Все они снабжены бойницами и нишами для хранения запасов пищи и топлива. Одна из башен имеет несложные по конструкции машикули.

Рассматриваемый родовой башенный комплекс важен не только для селения Кесатыкау, но и для всего Закадонского ущелья, в непосредственной близости от которого находятся Рокский и Трусовский перевалы, связывающие данный район Северной Осетии с Грузией и Южной Осетией. Следует отметить, что члены рода Кесаевых оказали большое влияние на ход развития истории осетинского народа. Известно, что Эба Кесаев, он же Елисей Лукич Хетагов, являлся членом осетинского посольства 1749 — 1752 гг., отправившегося в Петербург на переговоры о присоединении Осетии к России [32].

В отдельных селениях осетин сохранились башенные комплексы, принадлежавшие сразу нескольким родовым общинам. Время строительства подобного рода сооружений относится к XVII — XVIII вв. Одной из причин их возникновения послужило образование в отдельных селениях Северной Осетии крупных родовых союзов, в состав которых входило несколько родовых общин. Подобные процессы мы наблюдали и при анализе памятников башенного зодчества Чечни и Ингушетии. Однако у осетин, в отличие от вайнахов, образование родовых союзов не привело к возникновению новых поселений. В Северной Осетии башенные комплексы, принадлежавшие родовым союзам, возводились в структуре уже сложившихся селений, что обусловило высокую плотность застройки отдельных осе-

тинских аулов. Характерен в этом отношении родовой комплекс, принадлежавший двум осетинским фамилиям: Тедеевым и Кадзаевым.

Пространственная структура многих башенных комплексов, принадлежавших осетинским родовым общинам, «фамилиям», складывалась в течение нескольких столетий. Некоторые родовые комплексы были обитаемы вплоть до конца XIX в. Их объемно-планировочное решение характеризуется гармоничным сочетанием как древних, так и более поздних построек. В этой связи интересен родовой комплекс Мамсуровых, расположенный на левом высоком берегу реки Уаллагдон в центральной части селения Даргавс. В него входят две полуразрушенные жилые-родовые башни и три родовые-боевые, объединенные вытянутыми в плане жилыми домами, которые в конце XIX — начале XX в. получили на Северном Кавказе повсеместное распространение. Родовой комплекс Мамсуровых формировался в четыре этапа. Первый характеризовался возведением родового комплекса, состоящего из двух жилых-родовых башен и одной родовой-боевой. На втором этапе была возведена вторая обособленно стоящая родовая-боевая башня. На наш взгляд, ее строительство было обусловлено прежде всего соображениями престижа. Видимо, этим объясняется тот факт, что для ее возведения были приглашены ингушские мастера, которые построили ее по образцу классических родовых-боевых вайнахских башен, но без ступенчато-пирамидального венчания. На третьем этапе были возведены мощные оборонительные стены и третья родовая-боевая башня. На четвертом были построены так называемые «длинные дома» и различного рода хозяйственные сооружения, объединившие все постройки родового комплекса Мамсуровых.

Завершая анализ этого историко-архитектурного памятника Северной Осетии, следует отметить его развитую пространственную структуру, которая насыщена большим количеством жилых и хозяйственных построек. Это резко отличает родовой башенный комплекс Мамсуровых от сооружений аналогичного типа, при строительстве которых главное внимание уделялось решению фортификационных вопросов.

В отдельных селениях Северной Осетии сохранились башенные комплексы, которые имеют объемно-планировочное решение, аналогичное феодальным замкам. Такого рода сооружения зафиксированы В.Х.Тменовым в селениях Кадат, Цамад и Ханаз [33].

Они отличаются от ранее описанных нами фамильных и родовых

башенных комплексов прежде всего ярко выраженными оборонительными признаками. Особенно выделяется своим внешним видом хорошо сохранившийся башенный комплекс Цаллаевых, расположенный у дигорского селения Ханаз, возведенный на скальной площадке, имеющей неправильные очертания, что отразилось и на объемно-планировочном решении замка. Процесс формирования башенного комплекса Цаллаевых происходил в течение длительного времени. На это указывает то, что ядро объемно-планировочного решения комплекса состоит из родовой-боевой башни, к которой впоследствии были пристроены еще три башенных сооружения.

В нагорном Дагестане родовые башенные комплексы представляли собой ансамбли жилых и родовых-боевых башен. Как правило, подобные комплексы возводились членами одного рода.

Хорошо сохранившийся родовой башенный комплекс из двух жилых башен и одной родовой-боевой башни находится в селении Хотонда (рис.63). Определить дату возникновения подобных образований можно лишь с помощью специальных археологических изысканий. Однако тот факт, что рассматриваемые комплексы жилых и родовых-боевых башен народов Дагестана близки по морфологии башенным комплексам соседних регионов Чечни и Ингушетии, позволяет отнести время их первоначального строительства к X — XII вв. Это также распространяет предложенный ранее термин «родовая-боевая» на башню, входящую в состав комплекса селения Хотонда.

Родовые-боевые башни входили не только в структуру отдельно стоящих башенных комплексов, но и в структуру всего селения. В таких случаях родовые-боевые башни возводились тухумами [34], что свидетельствует о значении башни как символа рода, символа его могущества. При этом оборонительная функция не играла определяющей роли в формообразовании родовых-боевых башенных сооружений, поскольку они не могли стать убежищем для членов всей кровно-родственной группы, а тем более жителей целого селения.

В Кабардино-Балкарии родовые башенные комплексы сохранились лишь на территории Верхней Балкарии в горных труднодоступных ущельях. В работах некоторых исследователей проводятся параллели между башенными комплексами Балкарии и феодальными замками Западной Европы [35]. Отмечая сходство их планировочных и конструктивных решений, ученые предполагают, что башенные комплексы Балкарии относятся к типу феодальных замков и принадлежали княжеским «фамилиям» во главе с князьями и их васса-

лами-узденями [36]. Сторонники этой гипотезы в качестве одного из аргументов приводят тот факт, что башенные комплексы располагались на труднодоступных скальных площадках рядом с аулами, из чего якобы следует, что комплексы принадлежали князьям и являлись их резиденциями, символизирующими влияние и мощь данной фамилии, а в аулах проживало подвластное феодалу население [37].

На наш взгляд, такой подход необоснован и, более того, тенденциозен, так как он не учитывает историческую специфику и особенности культурного развития населения Кабарды и Балкарии. Действительно, у кабардинцев, в отличие от соседей, с XII по XVI в. институты феодальной власти были практически сформированы. Однако так было лишь у кабардинцев и отчасти у карачаевцев и черкесов. Но у горцев Верхней Балкарии (а именно здесь сохранились остатки всех известных башенных комплексов), процесс социально-экономической дифференциации протекал крайне медленно, а феодальные устои в их классическом виде были сформированы лишь в XVIII — XX вв. Подтверждением сказанному служит развитая система общинно-родовых институтов власти, посредством которой регламентировались общественные отношения у балкарцев вплоть до XVIII в. [38].

Таким образом, мы считаем, что в описании башенных комплексов Верхней Балкарии термин «родовые комплексы» более приемлем, нежели «феодальные замки», поскольку позволяет более точно учесть особенности исторического развития балкарского народа.

На юго-восточной окраине Верхней Балкарии в ущелье реки Курноят, на выступающей горизонтальной площадке скального мыса, вытянутого с северо-востока на юго-запад, расположен родовой башенный комплекс Курноят (рис. 54, а). Доступ на мыс, использованный под строительную площадку, возможен лишь с юго-западной стороны, где он плавно соединяется с возвышающейся рядом горой. Это сооружение может быть отнесено к тому типу ранних патристических поселений, планировочная структура которых складывалась постепенно, в течение нескольких десятков лет. Формировался данный комплекс, по всей видимости, в три этапа. Первоначально на скальном выступе, имеющем почти прямоугольную форму с обрывистыми краями, возник комплекс, состоявший из двух жилых-родовых башен и одной родовой-боевой, огороженный по периметру каменной стеной, что привело к образованию внутреннего двора.

Второй этап завершается строительством еще одной жилой-родовой башни, которая могла использоваться для постоянного пребывания всех членов родового союза. В основании ее лежит прямоугольник правильной формы с размерами сторон 8 x 11 м. В настоящее время башня полуразрушена, вследствие чего установить ее этажность не представляется возможным. Наличие в стенах узких окон и бойниц различной формы свидетельствует о том, что она могла использоваться не только для жилья, но и для обороны.

Третий этап формирования родового комплекса характеризуется строительством группы отдельно стоящих жилых и хозяйственных сооружений, некоторые из которых возводились в комплексе с оборонительными башнями и образовали самостоятельные хорошо укрепленные жилые структуры. Этот этап формирования родового комплекса Курнойт свидетельствует о том, что к тому времени родовые союзы горцев Балкарии имели развитые патронимические структуры. Характерной чертой многих родовых комплексов Балкарии является их ярко выраженное оборонное назначение. Нередко они включались в систему фортификационных сооружений целых районов и использовались для обороны как отдельных зон, так и группы поселений родственных союзов.

Примечателен в этом отношении комплекс Курнойт. Анализ пространственной структуры родового поселения, а также его места в системе оборонительных сооружений Черек-Балкарского ущелья позволяет выявить два основных требования, которые выдвигались перед строителями комплекса. *Во-первых*, большое внимание уделялось выбору площадки под строительство, которая занимает важное стратегическое положение в комплексе. С высоты скального выступа, расположенного у самого входа в Черек-Балкарское ущелье, окружающая местность обзревается на многие километры. *Во-вторых*, строители комплекса учитывали наличие естественных преград. Отвесы скал выступающего мыса практически невозможно преодолеть, вследствие этого комплекс Курнойт, в отличие от аналогичных сооружений Северной Осетии, Чечни и Ингушетии, не имеет общей заградительной стены.

Один из самых значительных сооружений Балкарии — родовой башенный комплекс Джабоевых (рис.54, б, в). Вместе с укреплением Усхур-Баши он составляет одно из звеньев фортификационной системы Хулам-Безенгийского ущелья. Комплекс возведен на горизонтальной площадке высокой скалы, почти недоступной с трех сто-

рон и имеющей подход только с востока. Планировка его продиктована особенностями конфигурации площадки, и потому форма его плана несколько необычна — удлинённая, с прямыми стенами, соединёнными под разными углами.

Особенностью родовых комплексов Верхней Балкарии является их развитая планировочная структура, которая характеризуется разнообразными по функции башенными сооружениями. В этом отношении родовой башенный комплекс Джабоевых резко отличается от большинства аналогичного типа сооружений. Он представляет собой единый архитектурный объём, разделённый на четыре помещения, два из которых предназначались для жилья. Они располагались посередине и были достаточно просторны. В них имелись ямы-хранилища, лежанки у стен и различные ниши для хранения запасов топлива и продуктов. Два крайних объёма комплекса являлись боевыми башнями. В их стенах было устроено большое количество узких окон и бойниц, из которых осажённые могли вести эффективный (перекрёстный) обстрел по нападающим. Кроме того, из них хорошо просматривались окрестности Хулам-Безенгийского ущелья, вплоть до укрепления Усхур-Баши. Поэтому они использовались и в сторожевых целях.

Высокий художественный уровень архитектуры родовых башенных комплексов достигался посредством, с одной стороны, использования типовых пространственных модулей на основе формы башенного архетипа, а с другой — индивидуальной корректировки типовой формы и типовых схем ее расположения на местности согласно ее конкретным особенностям. Сочетание всеобщерегулярного и индивидуально-конкретного начал домостроительного творчества горцев позволило создать настоящие архитектурные ансамбли башенных сооружений, органично вписанных в природу и обладающих своеобразным глубоко символическим образом.

3.5. АРХИТЕКТУРА САКРАЛЬНЫХ БАШЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ

Култ предков и поклонение языческим богам стали причиной формирования архитектуры сакральных башенных сооружений: *башенных родовых склепов, башеннообразных святилищ-монументов,*

склепообразных святилищ. Несмотря на распространение ислама и христианства, многие горские народы Северного Кавказа продолжали соблюдать традиционные обряды захоронения умерших и ритуалы поклонения языческим богам вплоть до конца XIX в. Верность местным обычаям была таковой, что когда чеченцы, осетины или ингуши принимали присягу, они делали это не на Коране или Евангелии, а называли своих языческих богов или имена своих фамильных склепов [39]. Актуальность языческих обычаев подтверждается сообщениями Б.Далгата — одного из первых исследователей вайнахской культуры. Он отмечал, что вера в языческих богов была столь сильна, что горец не мог произнести ложь, находясь у святилища. Поэтому у чеченцев и ингушей подозреваемого в преступлении заставляли дать клятву у святилища.

В долинах Чечни и Ингушетии помимо жилых-родовых и родовых-боевых башен в большом количестве сохранились сакральные башенные сооружения. Практически у каждого вайнахского селения взору представляется как бы другое, только меньших размеров, поселение. Это — некрополь. Некрополи образованы отдельно стоящими *башенными склепами*, служившими местом захоронения покойников только определенной фамилии или отдельного рода. Наиболее значительные как по занимаемой территории, так и по количеству гробниц некрополи Чечни и Ингушетии возвышаются у селений Цойнус, Терши, Таргим и Экигал. Однако башенные склепы, образующие погребальные комплексы, не всегда возводились компактно. Нередко они строились и внутри селения (в непосредственной близости от жилища) и одиночно вокруг него. Таковы, например, погребальные комплексы ингушских селений Эрзи и Дошхакле.

Между гробницами эпохи древности и рассматриваемыми средневековыми башенными склепами существует значительный временной перерыв, охватывающий по разным источникам от двух тысяч до восьмисот лет [40].

Несмотря на это, некоторые археологи считают средневековые гробницы прямым следствием древнейших обрядов погребения [41]. Однако даже если между древними и средневековыми гробницами нет прямой связи архитектурных форм, то генезис средневековых гробниц связан с выражением мифологического по своей природе культа предков.

Эта позиция согласуется с исследованием А.Ф.Гольдштейна, считавшего, что в основе происхождения средневековых гробниц

народов Северного Кавказа лежит обряд захоронения умерших в родовом склепе, а не в земле, и что этот обряд по сути совпадает как с культом погребения кавказских аборигенов, так и с более поздним аланским обычаем [42].

Но само существование обряда погребения в склепе еще не объясняет повторения в гробницах форм древнейшего жилища. Причина кроется в мифологической природе этого северокавказского обряда. Сохранение в обычаях и представлениях народов Северного Кавказа языческих традиций (в частности мифологического синкретизма жилища людей с жилищем предков) обусловило воспроизведение в святилищах-монументах и склепах форм башенного архетипа.

Наиболее древний тип святилищ Северного Кавказа — башеннообразные святилища-монументы (рис.18) без внутреннего помещения [47]. В Ингушетии монолитные «столпы»-святилища носят название «сиелинг», что указывает на их мифологическую связь с культом бога солнца и молнии «Сели» (рис.20). Характерным примером святилища-монумента является сиелинг у селения Эрзи в Ингушетии. Монумент имеет форму башни, а его фасадная сторона композиционно делится на три части, первые две из которых зафиксированы арочными нишами, а третья представляет собой своеобразное завершение в виде ступенчатой кровли, повторяющей по форме арочные проемы ниш. Башеннообразные святилища-монументы, имеющие вид башенного дома, распространены также и в Северной Осетии, где они посвящены умершим предкам [45]. В святилищах-монументах форма башенного архетипа начинает выполнять роль визуального символа.

Трехчастная структура вертикальных членений проявляется и во внутреннем построении некоторых башеннообразных склепов. Интересен в этом отношении башенный склеп в селении Таргим в Ингушетии [46]. Он имеет внутри три уровня (рис.64), верхний из которых перекрыт каменным центрично-ступенчатым ложным сводом, образующим снаружи пирамидальную кровлю. Второй уровень перекрыт неполным ложным, тоже каменным, сводом, и, наконец, над нижним уровнем был устроен настил из бревен. Доступ в каждую из трех камер осуществлялся через проемы, расположенные на разных фасадах гробницы.

У чеченцев и ингушей, в отличие от их соседей, за длительный срок культивирования башенных сооружений был выработан единый

подход в трактовке внешнего вида различных по типу башен. Большая часть вайнахских родовых склепов выполнена в традиционном для средневековой Чечни и Ингушетии архитектурном стиле. Они имеют лаконичный и компактный объем, сужающийся кверху силуэт, ступенчатое или ступенчато-пирамидальное завершение.

Формы оснований вайнахских родовых склепов разнообразны. В Чечне и Ингушетии встречаются прямоугольные, квадратные и даже круглые в плане гробницы, но преобладают постройки с квадратным основанием. Доступ внутрь гробниц осуществляется через специальный лаз-отверстие в стене небольших размеров (около 45 x 50 см), закрывавшийся деревянной доской и запиравшийся изнутри засовом. Для этого рядом с лазом в стене устраивалась небольшая щель, через которую можно просунуть руку внутрь родового склепа и дотянуться до засова.

На некоторых вайнахских башенных склепах можно увидеть символический крест-«голгофу». Он устраивался в виде щели в фасадной стене. Считается, что этот знак являлся христианским символом и был привнесен в архитектурную культуру горцев из Грузии, которая в средневековье была центром распространения христианства на Северном Кавказе. Однако значение «голгофы» не только в этом. У вайнахов, как и у их соседей-осетин, этот знак служил своеобразным оберегом от всяческих злых сил. У горцев существует даже понятие «хорошего креста» — это крест, заключенный в круг. И если уж относиться к «голгофе» как признаку влияния христианства на языческую культуру горцев, то не следует к этому подходить односторонне. Символический крест на гробницах указывает скорее не на успехи грузинских и прочих миссионеров, а скорее наоборот — на устойчивость языческих верований вайнахов, ведь подобного рода отметины устраивались не только на родовых склепах и родовых-боевых башнях, но и на древних языческих святилищах и даже на мусульманских культовых сооружениях. Например, на башне-минарете мечети в селении Магажой.

Похоронный обряд у вайнахов практически не отличается от аналогичных обрядов соседних народов. Покойников хоронили с большими почестями, причем непременно с личными вещами и в лучших одеждах. Как правило, тело умершего клали без гроба на деревянные настилы, устроенные вдоль стен гробницы. Рядом с покойником в нишах стен или же прямо на полу расставлялись глиняные сосуды и чаши с заупокойной пищей.

Строительные приемы и архитектурные формы, выработанные зодчими при сооружении родовых-боевых башен и башенных склепов, распространились также и на святилища. В Чечне и Ингушетии преобладают в основном языческие святилища, большинство из которых разрушено. У вайнахов культивировалось два типа святилищ: склепообразные, представляющие собой сооружения с небольшими внутренними помещениями, предназначенными для совершения ритуальных трапез за столом у жертвенного алтаря, и святилища-монументы, без внутреннего пространства, высотой не более трех метров и шириной около метра, по внешнему виду напоминающие родовые-боевые башни.

Большое количество склепообразных святилищ сохранилось вдоль хребта горы Мат-Лам (Столовая) и в долине реки Ассы. Как правило, они сходны между собой по форме: прямоугольные в плане, с двускатной гладкой или ступенчатой крышей, выполненной в технике ложного свода. В большинстве случаев святилища строго ориентированы по оси «восток-запад». В одних святилищах дверь расположена с западной стороны, в чем проявляется влияние архитектуры христианских храмов, у которых алтарь должен быть ориентирован на восток. Примечательно, что такого рода святилища датируются XIII — XV вв. — периодом активного пропагандирования христианства среди чеченцев и ингушей. В других святилищах входная дверь устроена с восточной стороны, что обусловлено языческими верованиями вайнахов — обычаем солнцепоклонников: дверь ориентировали в сторону восходящего солнца.

В Чечне и Ингушетии святилища возводились на вершинах горных хребтов, обычно вдали от селений. Некоторые исследователи считают, что это связано также с культом Солнца. Однако такая позиция не всегда правомерна, поскольку святилища возводились вайнахами в честь многих богов.

Культовые ритуалы, устраиваемые при таких святилищах, были разнообразны и определялись тем, в честь какого бога они проводились. Описания культовых ритуалов в честь какого-либо языческого божества сохранились в трудах некоторых русских кавказоведов. Например, В.Ф.Миллер, посетивший Ингушетию в 1886 году, так описал ритуалы у святилищ: «...Обряд, совершаемый в подобных местах, заключается, главным образом, в следующем: в известное время, преимущественно летом, семьи, составляющие одно общество, варят пиво, приготавливают в большом количестве небольшие

треугольные лепешки, выбирают баранов и отправляются справлять праздник к своей родной святыне. Во главе процессии идет старик, одетый обязательно в белую одежду. В руках он держит шест с колокольчиком и белым знаменем. За ним идут женщины, которые поют особый припев «уоллай». Процессия обходит святыню, причем некоторые ставят в известном месте зажженные свечи. Кланяясь святому месту, чеченцы обязательно снимают с головы папаху. Перед началом пиршества старик произносит молитвы, в которых просит бога об урожае полей, приплоде скота и всяком благоденствии. Торжество кончается пирушкой, продолжающейся до поздней ночи» [46].

В XVI — XVII вв. в глубине Джераховского ущелья на хребте горы Мат-Лам происходили грандиозные моления. Здесь на незначительном расстоянии друг от друга в XV в. были построены три святилища, к которым приходили молиться не только ингуши и чеченцы, но и осетины из ближайших селений. Из трех святилищ два — святилища «Сусондэла» («Покровитель благородных женщин») и «Мятердэла» («Трон богов») — разрушены. Нынче на их месте лишь руины, поросшие альпийскими травами. Третье святилище — «Мятцил» («Место святилищ») можно видеть и сейчас. По своей форме здание святилища напоминает склеп с двухскатной ступенчатой кровлей. В торцах святилища устроены дверные проемы, имеющие форму арок. Прямо над ними просматриваются узкие световые щели. В отличие от многих вайнахских святилищ, «Мятцил» имеет двухкамерное внутреннее пространство, разделенное каменной аркой. Перекрытие выполнено в форме свода, образованного выступами каменной кладки.

Другим местом, где проходили массовые моления вайнахов, было святилище селения Лежг. По своему внешнему виду оно практически не отличается от святилища «Мятцил», и своеобразие его заключается в том, что возведено оно было в честь вайнахской богини Тушоли — покровительницы плодородия и деторождения. Весной, когда совершалось празднество в честь богини, ко дню моления в селение Лежг собирались жители не только ближних, но и дальних ущелий. Они молились о даровании богатого урожая, об увеличении поголовья скота, общем изобилии, а бесплодные женщины приходили к богине Тушоли с мольбами о детях. Рядом со святилищем установлена толстая каменная плита с большим отверстием круглой формы. Через него прогоняли овец. Считалось, что это предохраняет их от болезней и порчи. Аналогичное святилище было возведено и близ

селения Кок. По своей форме оно напоминает вайнахские родовые склепы. Это святилище, как и лежгское, пользовалось у горцев большим почетом. Установленный рядом каменный столб высотой 1,65 м с венчанием, напоминающим грибообразную головку, вызывал настоящие паломничества женщин. К нему приходили молиться о даровании детей, а в период засухи — с просьбами послать живительный дождь. Бездетные женщины, в надежде на помощь своих святынь, носили при себе ладанки с землей, взятой рядом со святилищем.

Как считает В.И.Марковин, и каменная плита с круглым отверстием, и столб с грибообразной головкой — это атрибуты культа богини Тушоли, которые в самой наивной форме имитируют половые органы.

Большим почетом и уважением у вайнахов пользовались башеннообразные святилища-монументы — сиелинги (рис.18). Такие святилища и сейчас сохранились у ингушских селений Эрзи и Эгикал. В кладке их устраивались ниши арочной формы. В них ставили смоляные и восковые свечи. У вайнахов считалось, что если путник перед отправлением помолится у сиелинга, то он получит покровительство добрых духов и сможет вернуться домой.

В Северной Осетии, как и в Чечне и Ингушетии, практически у каждого горного селения возвышаются «селения мертвых». Это небольшие городки, состоящие из нескольких башенных склепов различной формы. Но у отдельных осетинских селений встречаются погребальные комплексы, в состав которых входило несколько десятков склепов и гробниц, например, погребальный комплекс, расположенный на отроге горы Чызджытыхох, близ селения Даргавс (рис.33). В нем насчитывается 95 склепов, различных и по планировочному, и по конструктивному решению (рис.65, 66, 67, 68). У местного населения и в работах некоторых исследователей даргавский погребальный комплекс получил образное название «Город мертвых». Это название очень удачно и точно характеризует пространственную структуру комплекса. Со стороны он воспринимается как башенный город, реальный масштаб которого воспринимается, только если проникнуть в глубь «города». Кажется, будто попадаешь в миниатюрную модель древнего селения с узкими кривыми улочками и домами-башнями (рис.32, 34).

Формы башенных склепов Северной Осетии чрезвычайно разнообразны. Причем погребальный комплекс, располагающийся ря-

дом с селением, мог состоять из абсолютно разных и не схожих башенных комплексов. Это очень характерно для погребальных комплексов Осетии, чего практически нет в соседних регионах Чечни, Ингушетии, Кабарды и Балкарии, но при всем многообразии башенных склепов можно все же определить несколько наиболее часто встречающихся архитектурных типов, причем детальное их сопоставление позволяет выделить два варианта североосетинских башенных склепов. По Г.А.Кокиеву, это восточный — иронский и западный — дигорский [48].

К восточному варианту можно отнести башенные склепы с квадратными основаниями, с двух- или трехуровневой сакральной камерой и развитым ступенчато-пирамидальным завершением, увенчанном каменным шишаком фаллической формы (рис.69). У осетин, как и повсюду на Северном Кавказе, данный элемент является своеобразным символом патриархата. Такого рода башенные склепы распространены в верховьях рек Терек, Геналдон и Гизельдон, т.е. на территории, которую занимало Тагаурское общество. Кроме этого типа башенных склепов широкое распространение в Северной Осетии получили склепы с прямоугольным основанием и двухскатной ступенчатой, реже гладкой, кровлей (рис.70).

Вышеперечисленные типы башенных склепов и по внешнему виду, и по объемно-планировочному решению очень близки башенным склепам Чечни и Ингушетии, что позволило И.М.Мизиеву отнести их к восточному варианту северокавказских склеповых сооружений [49].

В дигорском ущелье Северной Осетии часто строились башенные склепы с квадратными или же многогранными основаниями, с многоуровневой сакральной камерой и выразительным конусообразным гладким завершением с каменным шишаком. Значительно реже здесь встречаются круглые склепы, а также склепы со ступенчато-пирамидальными завершениями (рис.71, а, б). Специфической чертой дигорского варианта башенных склепов является наличие в нижнем уровне сакральных камер небольших погребальных ям, куда, по всей видимости, сбрасывались кости погребенных. Такого рода сооружения близки башенным склепам Балкарии и Карачая, что и позволило И.М.Мизиеву объединить их в единый западный вариант северокавказских склеповых сооружений [50].

Характерным примером башенных склепов этого типа является один из склепов, расположенный у дигорского селения Фаснал. Склеп

имеет гладкое завершение призматической формы, опирающееся на восьмигранное основание сакральной камеры, стены которой наклонены внутрь. На высоте 2,6 м от уровня земли по периметру стен гробницы нависает каменный козырек. Общая высота склепа 5,5 м. Примечателен характер формы граней как стен, так и завершений. Они слегка вогнуты внутрь склепа. В интерьере это практически не просматривается, и поэтому сакральная камера имеет в плане форму, приближенную к окружности. Другой особенностью данного башенного склепа является могильная яма, устроенная в уровне сакральной камеры и обложенная каменными плитами.

Среди башенных родовых склепов Северной Осетии особое место занимают пещерные склепы. Они возводились по аналогии с башенными склепами, имевшими прямоугольное основание и двухскатную ступенчатую кровлю. Пещерные склепы сохранились в основном в Куртатинском и Гизельдонском ущельях (рис.36). К таким склепам относится пещерный склеп, расположенный в некрополе близ селения Хуссар Хинцаг. Склеп сооружен на небольшой площадке, образованной навесом скалы. Скала же выполняет роль стены и одной из граней кровли склепа. Другая сторона возведена из камня и представляет собой стену, плавно переходящую в крыло, расчлененное десятью рядами сланцевых плит. Пластика стены визуальнo имитирует ступенчатую форму венчания, традиционную для прямоугольных в основании гробниц со ступенчатым завершением. Однако в конструктивном плане это слегка наклоненная внутрь каменная стена, толщина которой плавно уменьшается кверху.

Пещерные склепы представляют собой специфический тип башенных гробниц, получивших распространение только у народов Северной Осетии. В других районах Северного Кавказа подобного типа склепы возводились в Чечне и Ингушетии.

Мы уже отмечали, что в ущельях Северной Осетии встречаются отдельные типы башенных склепов, близких по своему объемно-планировочному и конструктивному решению родовым склепам соседних народов — вайнахов и балкарцев. К ним можно отнести и башенные склепы с аркообразными нишами, устроенными в фасадных стенах. Формы ниш самые разнообразные — стрельчатые, четырехугольные, трапециевидные, полуциркульные. Все они являются наружным продолжением ложно-сводчатого перекрытия сакральной камеры (рис.3).

Такого рода башенные склепы широко распространены и у вай-

нахов [51]. Там они выполняли роль открытых поминальных камер и были приспособлены для исполнения ритуальных обрядов, связанных с культом предков. Такое назначение имели и североосетинские башенные склепы с нишами. Однако некоторые исследователи выдвигают гипотезы о том, что формирование башенных склепов с арочными нишами в фасадных стенах было обусловлено восточными строительными традициями, где использование подобных элементов стало обычным явлением со времени утверждения ислама [52]. По нашему мнению, данное предположение сходства арочных форм в принципе неверно, так как, во-первых, оно противоречит этнографическим данным, согласно которым языческие верования занимали важнейшее место в мировоззрении как осетин, так и вайнахов даже в период официального принятия одной из монотеистических религий — ислама или христианства. Во-вторых, это предположение противоречит и археологическим данным, так как в Северной Осетии, Чечне и Ингушетии еще до проникновения ислама возводились полуподземные склепы с нишами, устроенными в фасадах.

Башеннообразные святилища у осетин не так широко распространены, как в Чечне и Ингушетии. Определенное значение сыграли особенности культурно-исторического взаимодействия Осетии и Грузии, что обусловило влияние христианства на осетинский народ. В результате на территории Северной Осетии можно обнаружить значительно большее количество христианских церквей, под которые иногда даже приспособлялись и святилища, посвященные языческим богам. Сегодня в ущельях Северной Осетии языческие башеннообразные святилища исчисляются единицами, но они мало чем отличаются от святилищ Чечни и Ингушетии. Как и вайнахские, эти сакральные сооружения имеют прямоугольное основание, двухскатное гладкое, либо ступенчатое завершение, генетически связанное с башенной формой. Иногда стены святилищ выполнялись слегка наклонными: внутрь помещения, а поверху устраивался козырек из сланцевых плит. Конструкция завершения у всех видов сакральных сооружений Северного Кавказа одинаковая и представляет собой «ложный свод».

В Кабардино-Балкарии башенные родовые склепы получили распространение в основном на территории Черек-Балкарского, Хулам-Безенгийского и Баксанского ущелий. Ранее у каждого из аулов этих ущелий сооружались фамильные башенные склепы. До настоящего времени сооружений подобного типа сохранилось очень мало.

Формы оснований башенных склепов Балкарии разнообразны. Здесь встречаются шести- и восьмигранные прямоугольные и круглые гробницы. Наиболее распространены в Балкарии многогранные башенные гробницы. Они имели лаконичный и компактный объем, слегка сужающийся кверху силуэт, гладкое конусообразное завершение.

Отказавшись от ступенчато-пирамидальных форм венчания, балкарские мастера широко использовали выступающий карниз, отделяющий сакральную камеру — «постамент» от крыши — «надгробия». Карниз выполнялся из шиферных плит сланцевых пород и устраивался по всему периметру. Иногда шиферные плиты были столь велики, что ими целиком перекрывалось внутреннее пространство сакральных камер, образовывалось гладкое горизонтальное перекрытие. Поверху оно засыпалось камнями и по ним возводилось многогранное завершение. Как правило, оно венчалось каменным навершием — символом патриархата. Значительно реже в Балкарии возводились прямоугольные и круглые в основании склепы. Все они очень близки между собой и по планировке, и по конструктивному решению. Их простая и довольно однообразная форма служила в основном для решения главной задачи — создания погребальной камеры [53].

Архитектуру башенных сакральных сооружений Северного Кавказа отличает суровая простота и монументальность, при том, что размеры этих сооружений весьма незначительны: так, высота башенных склепов в различных регионах колеблется от 3,5 до 6,5 м, а башеннообразных святилищ-монументов — на порядок меньше. Монументальность этих сооружений достигается посредством своеобразного *архитектурного масштаба*, выработанного в формах башенного архетипа. Сакральные сооружения кажутся больше, чем они есть на самом деле. За счет чего это достигается? Во-первых, за счет *подобия формы* и пропорциональных отношений между разновеликими сооружениями: башенными склепами (башеннообразными святилищами-монументами) и родовыми башнями, создается относительность восприятия их величины.

Во-вторых, сакральные сооружения представляют собой как бы уменьшенные модели родовых башен, в случае отсутствия масштабных указателей их величины (фигуры человека, дерева, животного) воспринимаются *относительно той шкалы размеров*, которую определяют размеры элементов самих сооружений (проемов, членений, фасадов).

В-третьих, в результате сознательного противопоставления-отожествления «города мертвых» (в случае группового размещения башенных склепов) «городу живых» — башенному селению или аулу — возникает особая символическая значимость архитектурного пространства. Все это свидетельствует о высоком уровне домостроительного мастерства горцев Северного Кавказа.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

1. Тменов В.Х. Традиционное каменное зодчество средневековой Осетии // Автореф. дис. ... д-р ист. наук. М., 1994. С.15, 16.

2. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Т.1. С.174.

3. Мовчан Г.Я. Предварительные заметки о типологии жилища народов нагорного Дагестана // Доклад на сессии института этнографии. М., 1947.

4. Там же. С.16, 17.

5. Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975. С.110.

6. Семенов Л.П. Отчет об этнолого-археологической разведке Государственного научного музея г.Владикавказа (при Северо-Осетинском институте краеведения) в Кобанском ущелье в феврале 1925 года // Архив ЛОИА АН СССР, ф.2, сп.1, д.169. - приводится по кн.: Кобычев В.П. Поселение и жилище народов Северного Кавказа в XIX - XX вв. М.: Наука, 1982.

7. Тменов В.Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984. С.46.

8. Конопасевич В. Безенги - Чегем - Джайлык - Башы // Ежегодник Русского горного общества. М., 1914. С.82.

9. Миллер В.Ф. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды // МАК. М., 1888. Вып.1. С.77, 78; Далгат Б. Поездка к Чегемским ледникам. Владикавказ, 1898. С.17; Анисимов С. Кавказские альпы. М. - Л., 1929. С.148; Робакидзе А.И. Форма поселения в Балкарии // Материалы по этнографии Грузии XII - XIII вв. М., 1963.

10. Закарая П.П. Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969.

11. Калоев Б.А. Материальная культура и прикладное искусство Осетии. М., 1973. Таб.43. Рис.1, 2.

12. Тменов В.Х. Указ. соч. С. 17, 18, 21, 22, 27 - 29.

13. Кузнецов В.А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974. С.99,

100; Калоев Б.А. Указ. соч. С.25; Калоев Б.А. Осетины // Историко-этнографическое исследование. М., 1971. С.149.

14. Тменов В.Х. Указ. соч.

15. Там же. С.150.

16. Марковин В.И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры. М.: АН, 1975. С.120.

17. Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С.118; Мизиев И.М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII - XVIII вв). Нальчик, 1970. С.14.

18. Миллер В.Ф. Указ. соч. С.78; Долбежев В.И. Извлечение из отчета об археологических поисках в Нальчикском округе Турской обл. // Отчет императорской археологической комиссии за 1893 г. СПб., 1895. С.102, 103; Белокопский И. На высотах Кавказа. М., 1906. С.41; Ермоленко М.И. Путеводитель по Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1928. С.74.

19. Семенов Л.П. Указ. соч.

20. Марковин В.И. Указ. соч.

21. Марковин В.И. В стране вайнахов. Нальчик, 1969. С.61.

22. Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии // МАК. М., 1888. Т.1. С.32.

23. Кузнецов В.А. Указ. соч. С.119.

24. В 1982 и 1983 гг. обследование сооружений крепости проводилось археологической экспедицией СОНИИ с помощью скалолазов.

25. Кузнецов В.А. Указ. соч. С.63 - 65.

26. Цитируется по: Лавров Л.И. Рутульцы // СЭ. 1953. № 4. С.31.

27. Миллер В.Ф. Указ. соч. С.73; Рашевский Н.Н. Из Алагира в Нальчик // Ежегодник Русского горного общества. СПб, 1902. С.120; Акритас П.Г., Медведева О.П., Шаханов Т.Б. Архитектурно-археологические памятники горной части Кабардино-Балкарии // УЗКБ. Нальчик, 1960. Т.XVII. С.37.

28. Мизиев И.М. Указ. соч. С. 22.

29. Миллер В.Ф. Указ. соч. С.77; Фрикович А. Археологические разведки на Кавказе // Труды восточного отделения императорского Археологического общества. СПб, 1858. Т.III. Вып.3. С.133; Акритас П.Г., Медведева О.П., Шаханов Т.В. Указ. соч. С.70 - 74.

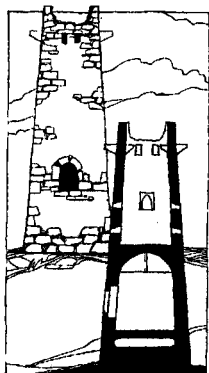
30. Отчет г.г.Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетия) с археологической целью в 1867 г. // Известия императорского Русского археологического общества. СПб, 1876. Т.VIII. Вып.4. С.333.

31. Тменов В.Х. Традиционное каменное зодчество средневековой Осетии // Автореф. дис. ... д-р ист. наук. М., 1994. С.29.
32. Такоева Н.Ф. Из истории осетинского горного жилища // СЭ. 1952. № 3. С.190.
33. Блиев М.М. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970. С.125, 126, 159, 160.
34. Тменов В.Х. Указ. соч. С.77, 190, 242 - 244.
35. Мизиев М.И. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970. С.31.
36. Абросимова Е.С. Замки Балкарии позднего средневековья // АН. 1981. Т.29. С.150.
37. Там же.
38. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до настоящего времени. С.287.
39. Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.: Наука, 1975. С.95.
40. Там же. С.130.
41. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С.82; Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. Вып.106. С.108.
42. Гольдштейн А.Ф. Указ. соч. С.125 - 135.
43. Ахриев Ч. Заметки об ингушах. Владикавказ, 1878. С.289; цитируется по: Гольдштейн А.Ф. Указ. соч. С.95.
44. Гольдштейн А.Ф. Указ. соч. С.88.
45. Кокиев Г.А. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928. С.27.
46. Гольдштейн А.Ф. Указ. соч. Рис.96.
47. Миллер В.Ф. Указ. соч.
48. Кокиев Г.А. Указ. соч. С.25, 26.
49. Мизиев И.М. Указ. соч. С.80.
50. Там же.
51. Крупнов Е.И. Указ. соч. С.92, 93.
52. Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана и его место в архитектуре Переднего Востока. М., 1966. С.112, 300. Рис.47, 190; Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963. С.102, 178, 324.
53. Кузнецова А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982. С.58.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существенным моментом самобытности культур являются нормы (и связанные с ними аномалии) пространственного этноповедения. Основным средством воспроизводства и актуализации традиционных норм поведения горцев Северного Кавказа стало народное домостроительное творчество, в котором башенная архитектура заняла ключевое место.

В традиционной культуре народов Северного Кавказа обычай и ритуал, как, соответственно, регулирующий и контролирующий механизмы пространственного этноповедения, определили особую значимость символизации жилого пространства горцев. Общенормативный характер обычая избегания получил архитектурно-домостроительное выражение в развитой системе пространственно-семантических оппозиций, которые реализовались средствами пространственно-образной организации башенного архетипа.

Башенный архетип как носитель мифопоэтических традиций культуры кавказских народов, трансформируясь, видоизменяясь, обогащаясь по содержанию, послужил архитектурно-композиционной основой символизации «пространства-поведения» горцев. Башенное зодчество горцев — это своеобразное архитектурно-поэтическое развитие мифологических пластов культуры, это, образно выражаясь, нартский эпос в камне. В башенной архитектуре народов Северного Кавказа ярко выразился самобытный тип средневековой горской культуры, мировоззренческие представления в которой — этикет, бытовые и ритуальные стерео-

типы поведения, знаковая информация и само бытовое пространство жизнедеятельности — обрели синтетическую архитектурно-символическую целостность.

Символическое значение и роль башенной формы пространства в мировой истории архитектурных культур, с одной стороны, как бы общеизвестны и лежат на поверхности, а с другой — мало изучены генезис и мифологическая природа башенного архетипа, не исследованы исторически конкретные и многозначные проявления этой формы и не ясен их смысл. Обычно символическое значение башни понимается как образное знаковое утверждение власти, религиозных догматов веры, сплоченности нации, силы государства. Башенные символы домостроительного творчества горцев, совпадая с обозначенной общекультурной семантической доминантой, играют особую роль в традиционной горской культуре, расширяя тем самым семантическое поле башенной формы пространства и выявляя ее генезис. *Северокавказские башенные сооружения символизируют род, его честь, силу, достоинство и сплоченность. Глубина и общезначимость башенной символики основаны на многозначной семантике мифологических образов мирового древа жизни — центра микро- и макространства космоса. Именно в башенном зодчестве горцев нами выявлена наиболее глубинная формально-символическая идея башенной формы — идея центризма, идея центра мироздания. Именно эта формальная идея «мировых» башен (Вавилонской, Биг-Бен, Эйфелевой, Спасской, III Интернационала и т.д.) лежит в основе символов власти, веры, сплоченности, интернационализма и т.д.*

В домостроительном творчестве горцев *архитектурно-композиционная форма «башенной» символики органично вырастает из мифологических структур башенного архетипа: горизонтальной — четырехчастной, реализуемой в форме «квадрата» и вертикальной — трехчастной — в форме трех уровней пространства-времени. Причем трансформация внутреннего пространства в родовых башнях, обусловленная выявлением башенной формы во внешнем пространстве, не исключают мифологический генезис вертикальной структуры. Напротив, обозначенная нами логика архитектурно-композиционного становления «новой» формы башенного архетипа основана на мифологической семантике и ее оригинальной трансформации в домостроительном творчестве горцев.*

Вопрос социальных условий и экономических возможностей горских народов для реализации столь обширной программы строитель-

ства культурно-символического характера в работе рассматривался лишь косвенно и требует в дальнейшем специального изучения. В заключение стоит обозначить самые общие контуры этого вопроса, которые излагаются нами на основе данных, изложенных в главе VI фундаментального диссертационного исследования В.Х.Тменова «Традиционное каменное зодчество средневековой Осетии».

Изменение образа жизни горских народов после монгольского нашествия заключалось в изменении приоритетов хозяйственной деятельности — превращение скотоводства в ведущую отрасль хозяйства, что повлекло за собой высвобождение значительного числа рабочих рук. В то же время в условиях постоянных войн существенной статьёй экономики горских народов становится наемничество. Горцы Северного Кавказа поступали на военную службу к персам, византийцам, монголам, грузинам. Значительная часть доходов от воинской службы поступала на родину, и именно эта часть, по нашему мнению, была направлена на строительство родовых башенных сооружений: родовых-боевых башен, родовых башенных склепов, сторожевых родовых башен, родовых башенных комплексов. В этой сугубо экономической, казалось бы, стороне дела также получило отражение символическое значение башенного зодчества. Это своеобразная дань воинов своей родине, это символ воинской доблести ее сынов, знак их любви и уважения.

Архитектура как сфера искусства и ее допрофессиональная основа — домостроительное творчество — не знают прогресса. Более того, социально-технический прогресс не только не дает оснований надеяться на соответствующий подъем художественного уровня, но в ряде случаев (например промышленная революция в Великобритании в XIX в.) может послужить причиной прямо противоположных явлений. Башенное зодчество Северного Кавказа в контексте символизации пространства-поведения горцев и природного ландшафта, органичное целое с которым это зодчество являет, может быть поставлено в один ряд с памятниками культуры мирового значения без всяких скидок на народное, допрофессиональное происхождение. Дальнейшее развитие современной земной цивилизации и выход России из кризисного состояния невозможно без гуманизации общественного развития, постижения самобытности культур народов Российской Федерации и равноправной коалиции всех культур.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

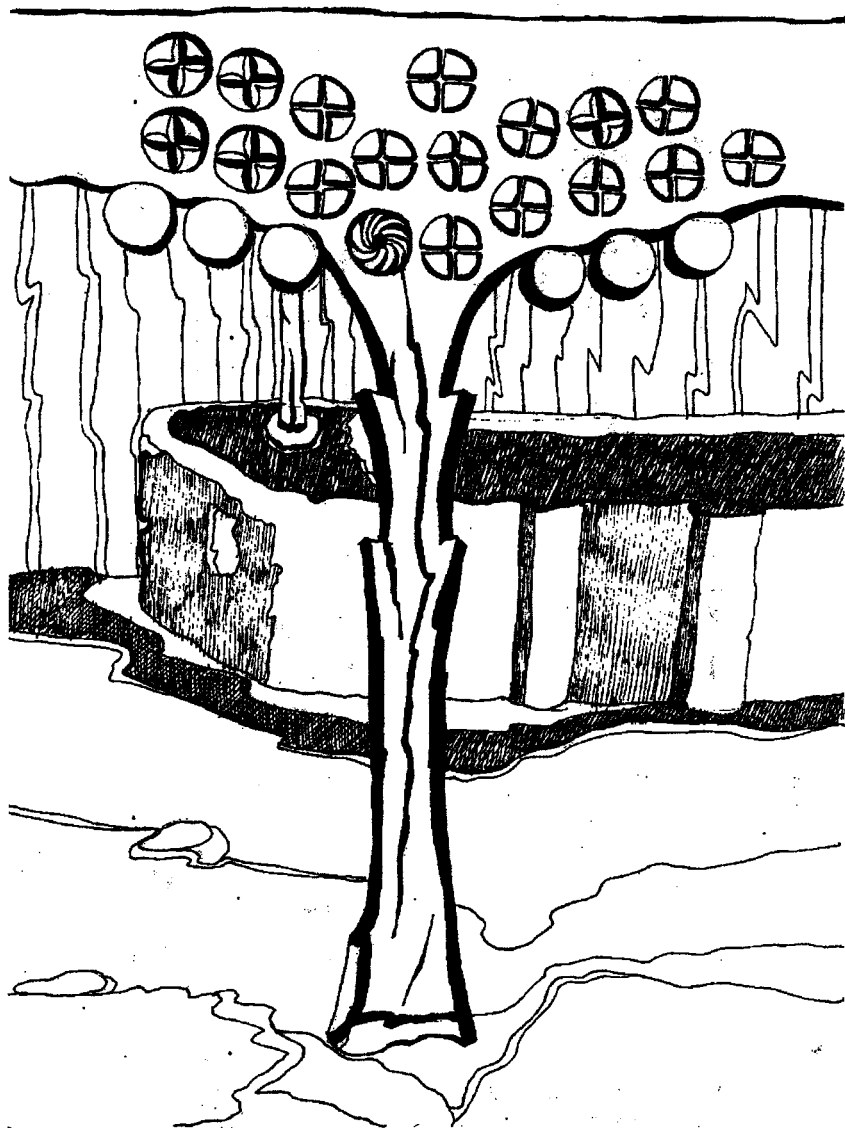

Рис. 1. Родовой столб с солярными знаками в с.Какадур (Северная Осетия) по В.П.Кобычеву

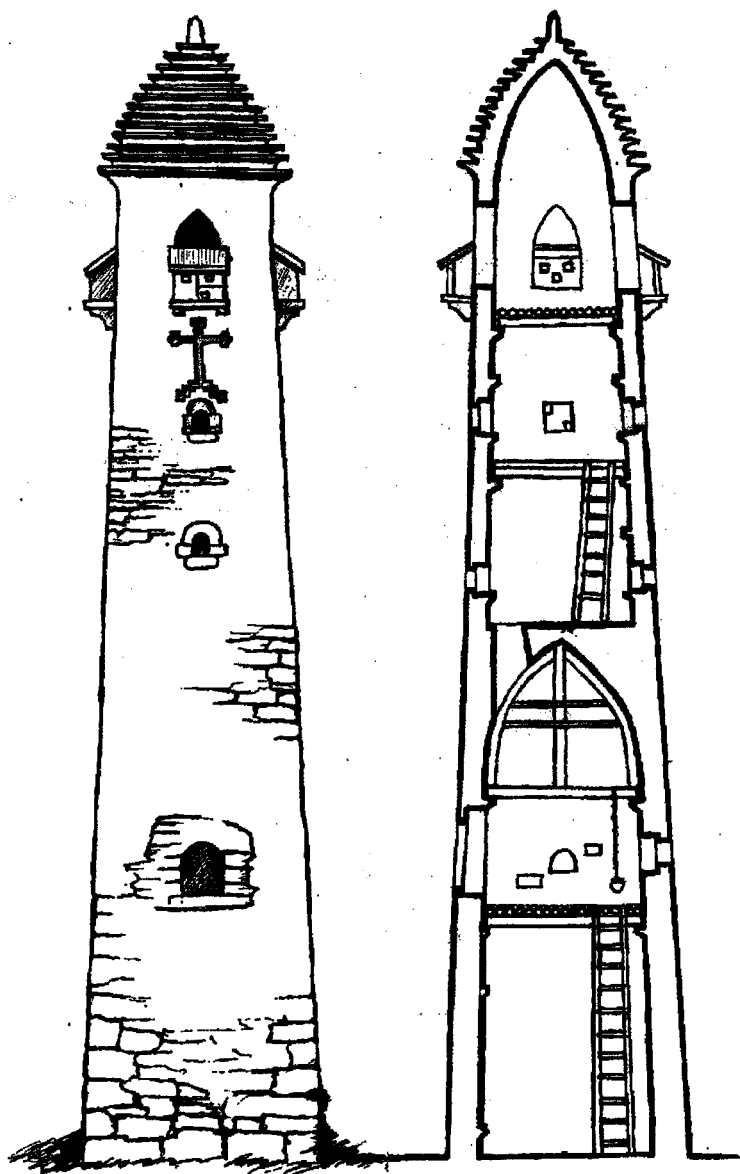

Рис.2. Вайнахская родовая-боевая башня по И.П.Щеблыкину

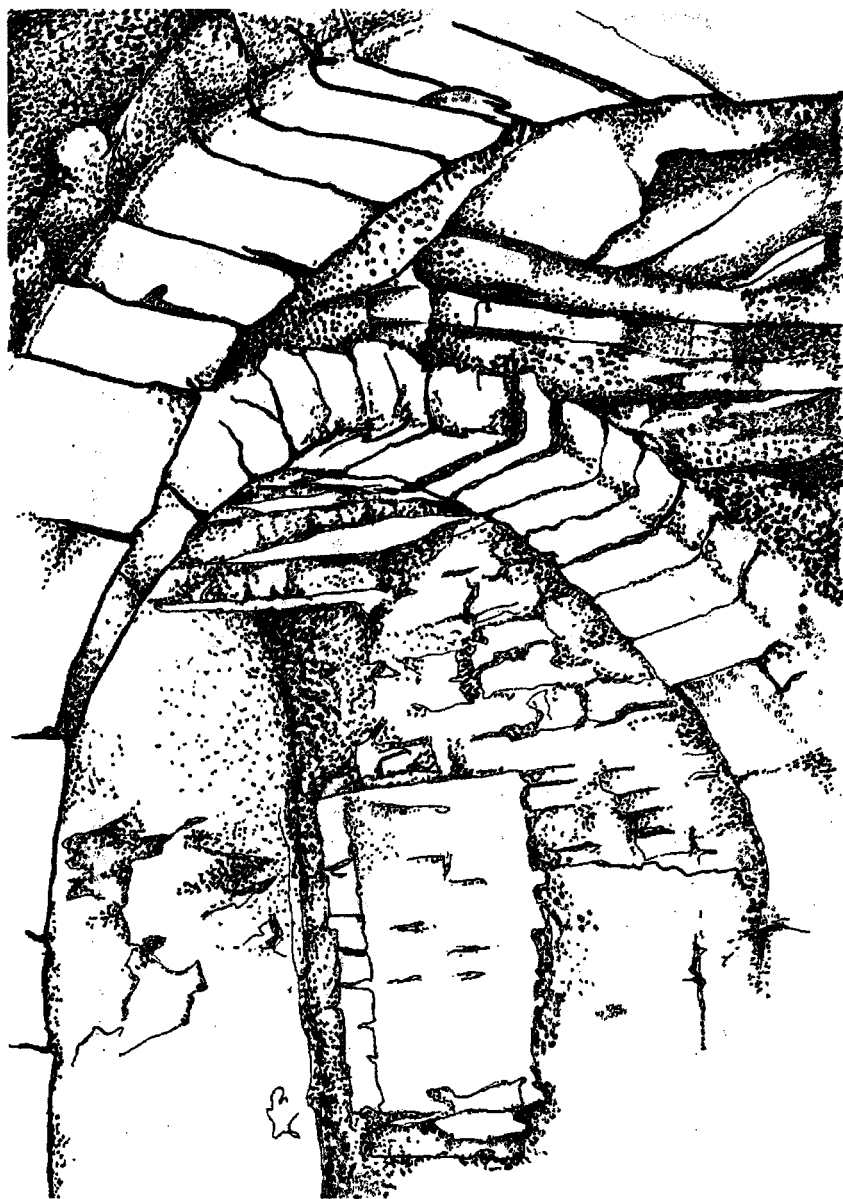

Рис.3. Ложносводчатое перекрытие в первом уровне родовой-боевой башни

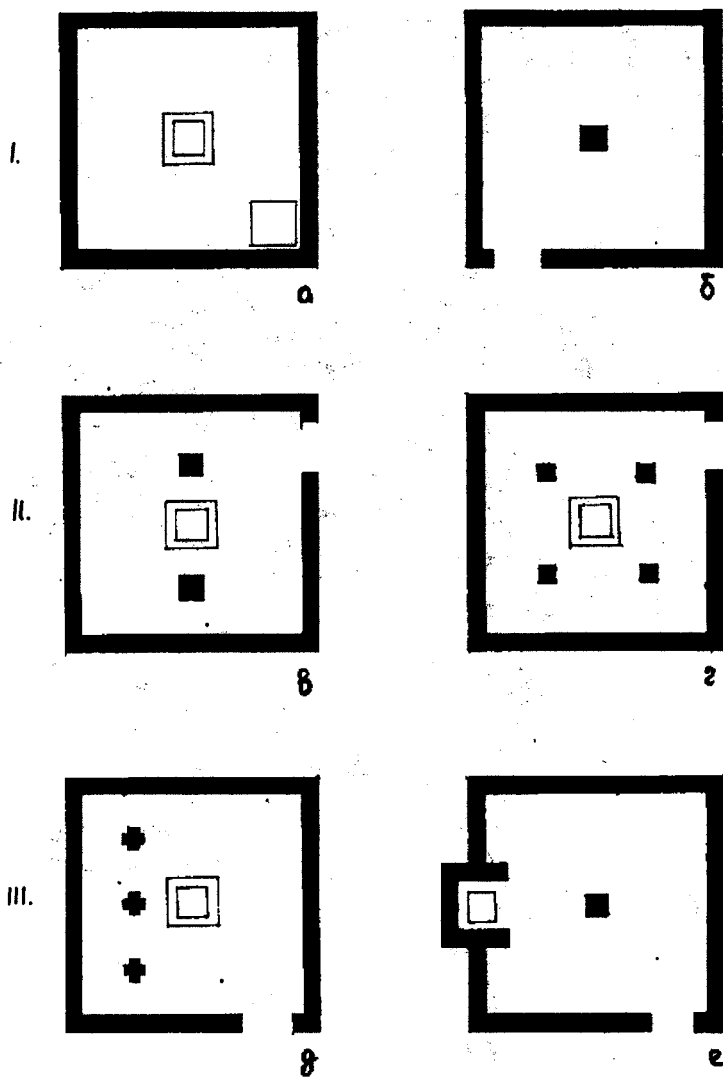

Рис.4. Планировочные схемы маркировки центра общесемейного пространства посредством:

- I. а - открытого очага и очажной цепи; б - опорного родового столба
- II. в - открытого очага и двух опорных столбов; г - открытого очага или очага с дымовиком и 4-х опорных столбов
- III. д - открытого очага и срединного родового столба; е - пристенного камина и срединного родового столба

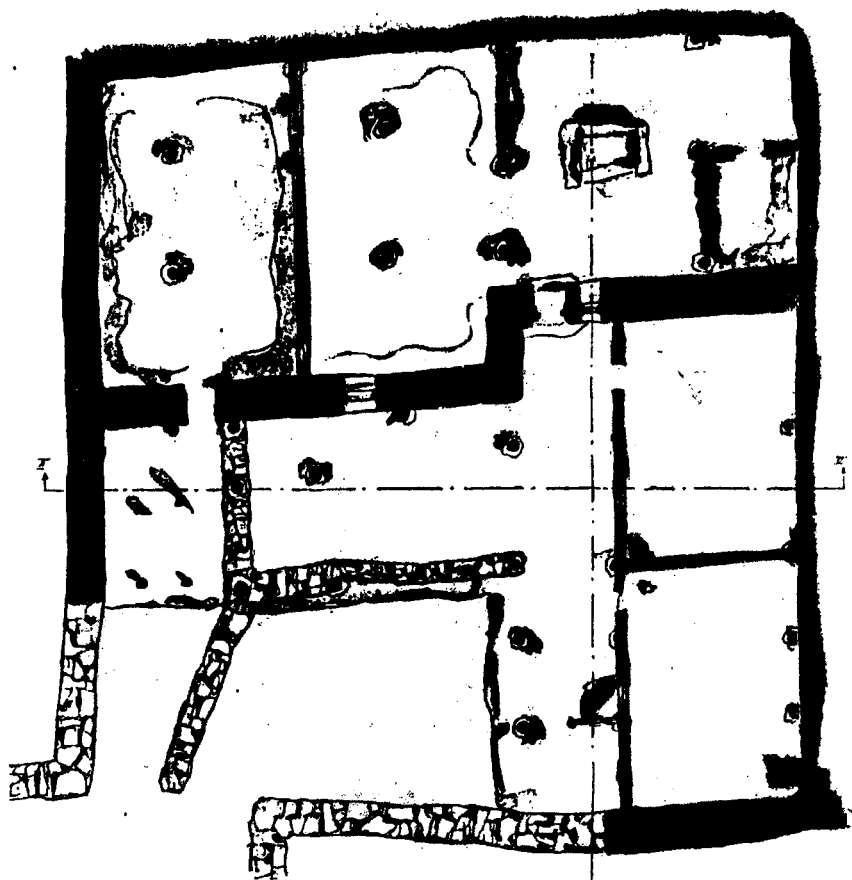

Рис. 4, а. Пример композиции I. План дома Тану Ортоева в с. Безенги (из книги Э.Б. Бернштейна «Архитектура балкарского народного жилища»)

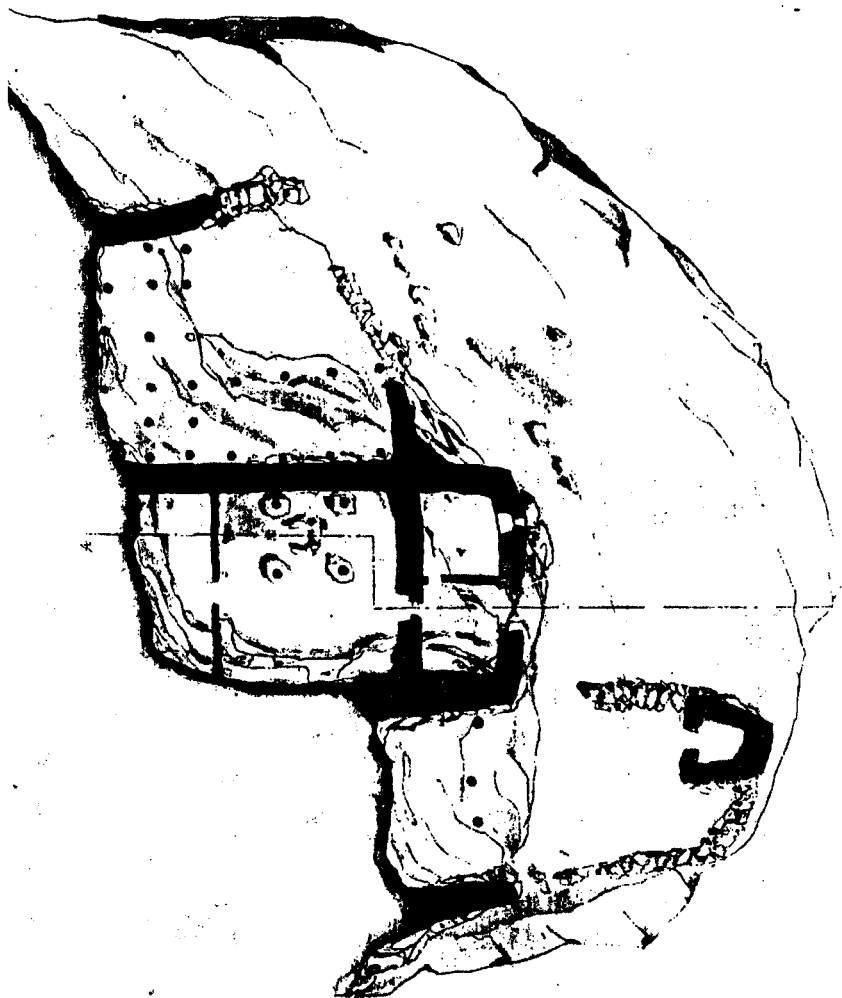

Рис.5. Пример композиции II. План дома Ачи Биазурова (из книги Э.Б.Бернштейна «Архитектура балкарского народного жилища»)

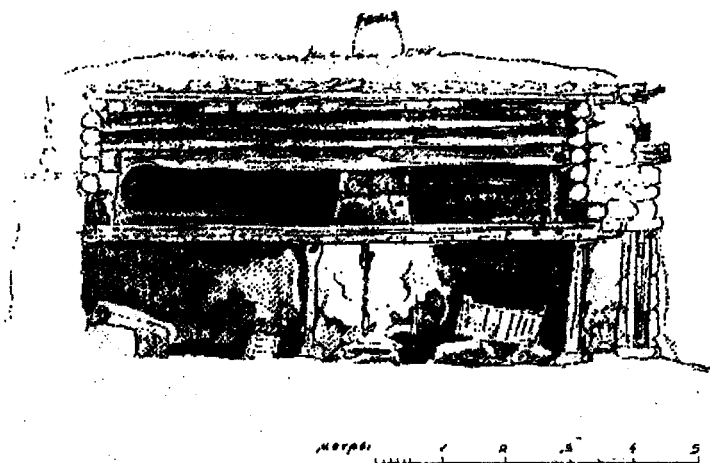

Рис. 6. Пример композиции II. План дома Ахмана Кулиева в Эльтюбю. (по книге Э. Б. Бернштейна: Архитектура Балкарского народного жилища)

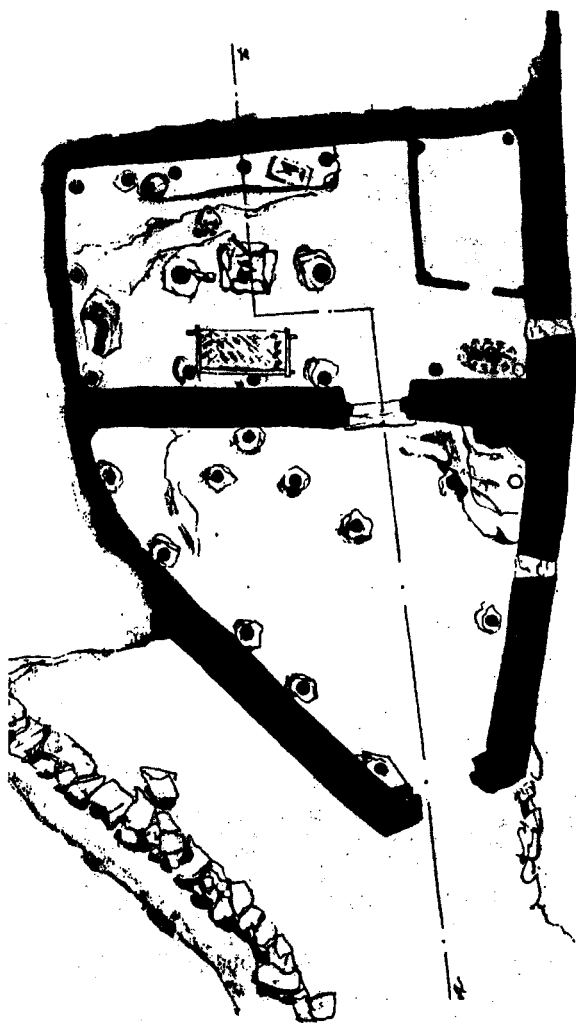

Рис.7. Пример композиции II. План первого этажа дома Т.Хочуева (из книги Э.Б.Бернштейна «Архитектура балкарского народного жилища»)

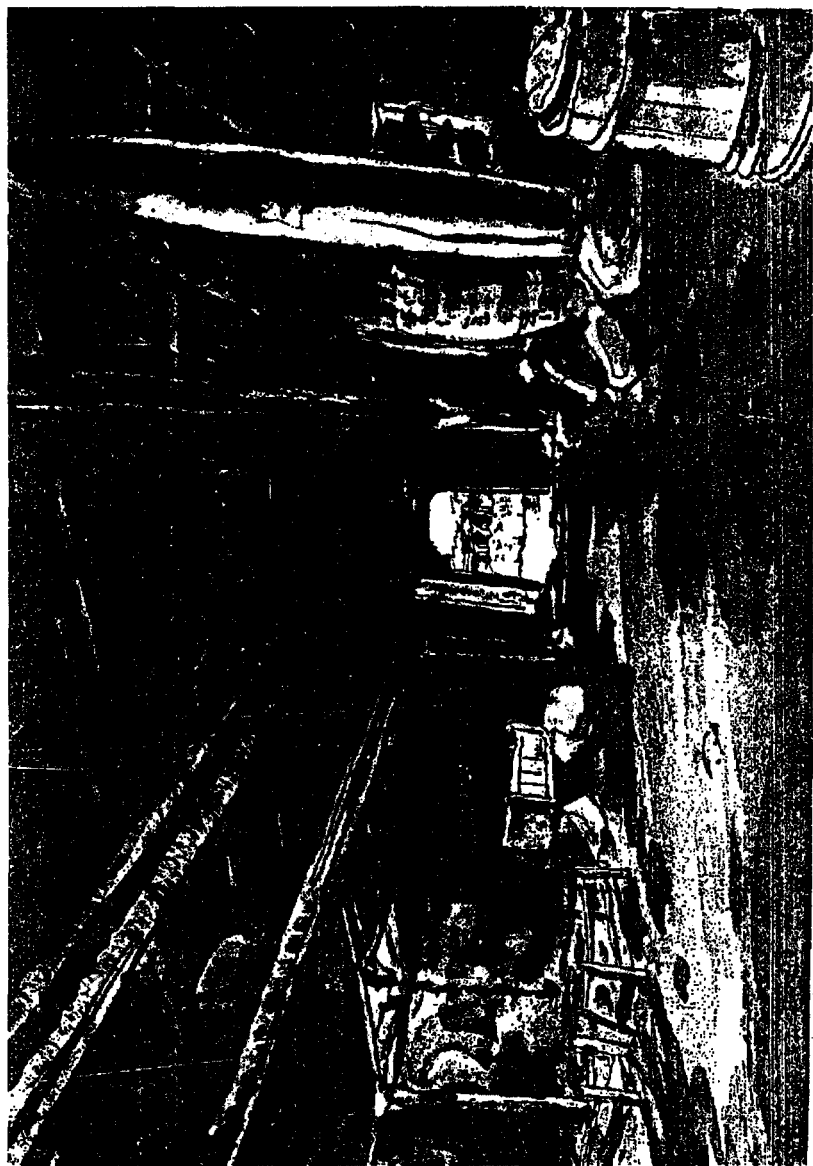

Рис.8. Пример композиции III. Интерьер традиционного балкарского жилища (из книги Э.Б.Бернштейна «Архитектура балкарского народного жилища»)

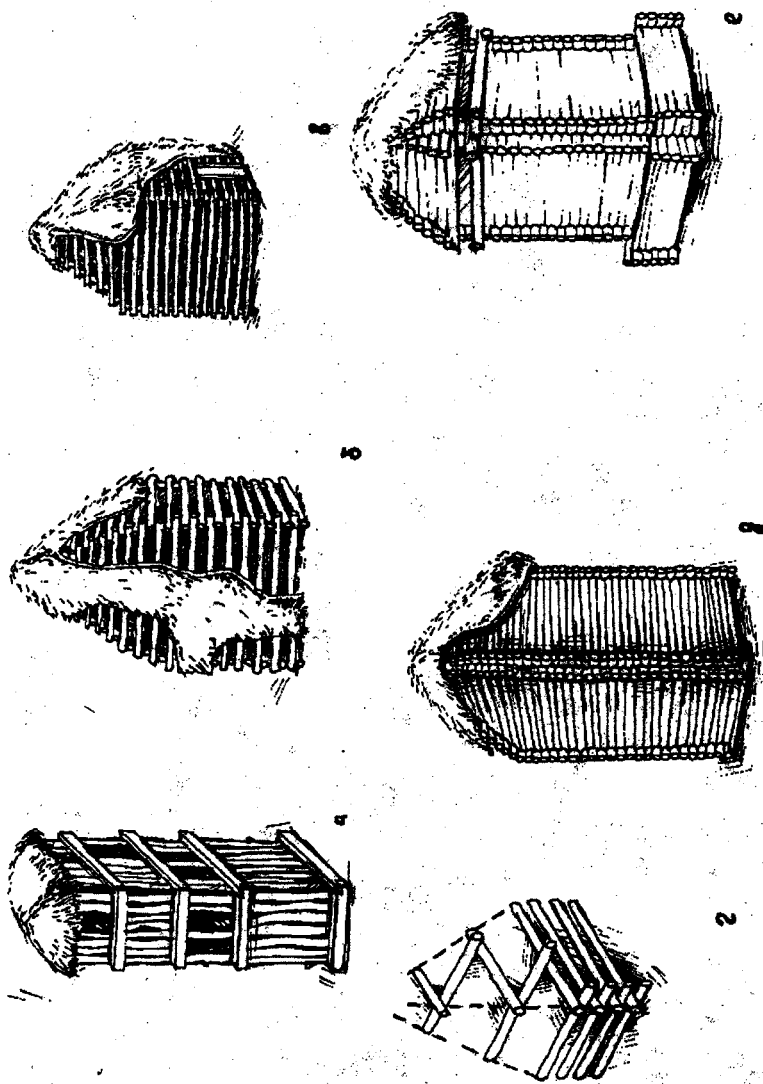

Рис.9. Реконструкция башенного жилища Кавказа на основе описания Витрувия
 а - Чезаро Чезарини, 1541; б - Перро, 1664; в - Марини, 1836; г - Шуази,
 1909; д - М.И.Джанджиери, Г.И.Лежава, 1976; е - автор, 1995

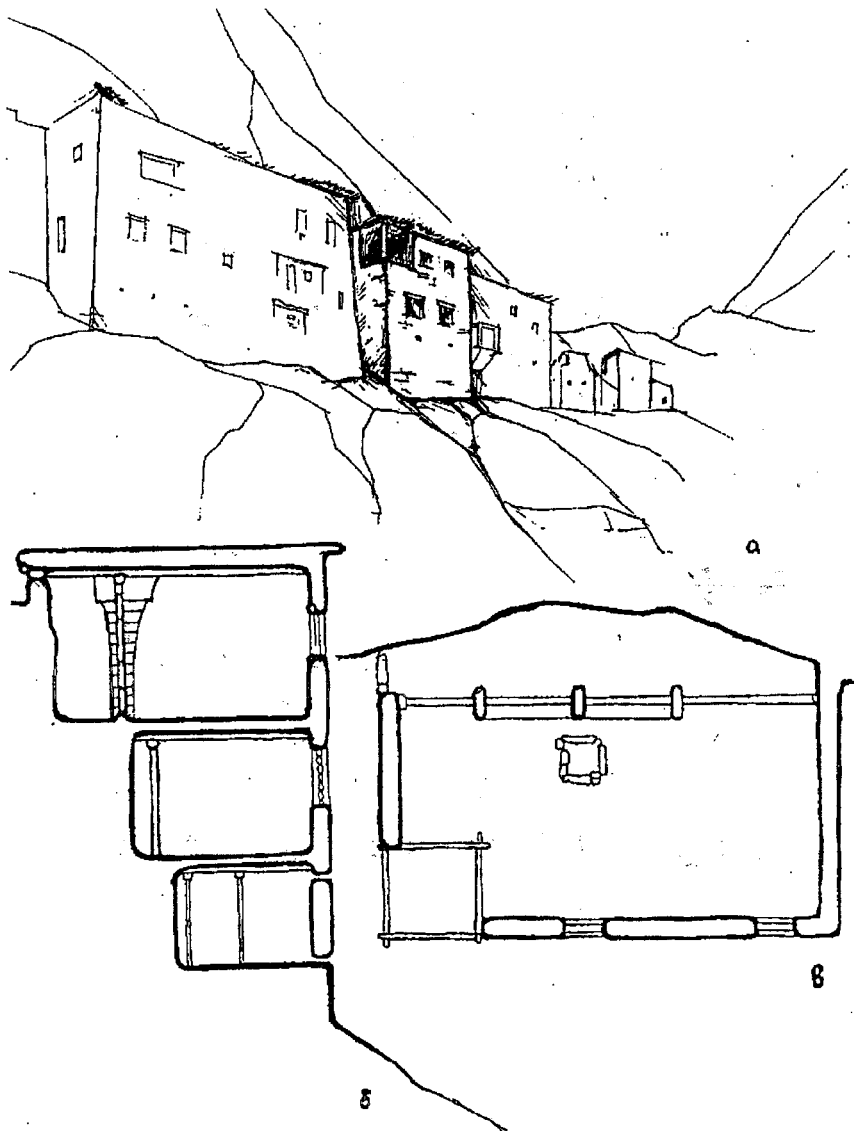

Рис. 10. Традиционное башенное жилище нагорного Дагестана, с. Тинди
(по Г.Я. Мовчан):
а - общий вид; б - разрез; в - план

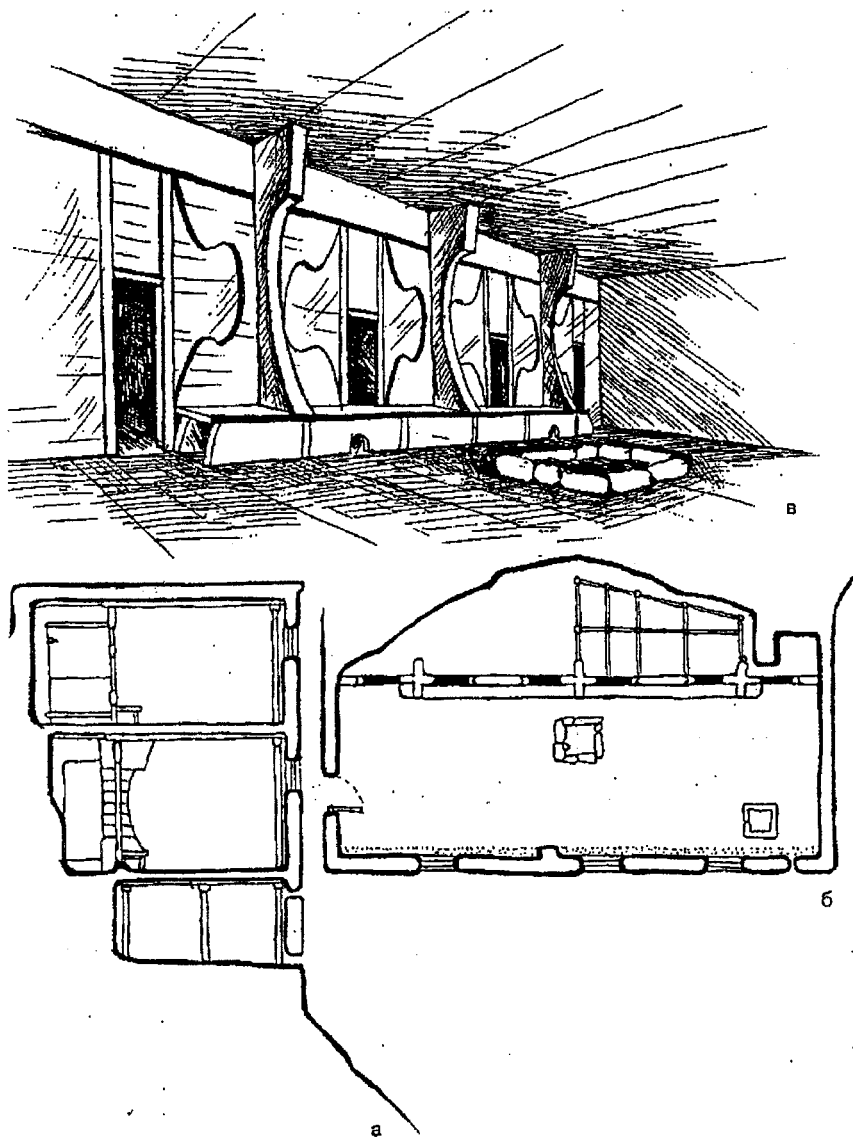

Рис. 11. Традиционное башенное жилище нагорного Дагестана, с.Тидиб
(по Г.Я. Мовчан):
а - разрез; б - план; в - интерьер

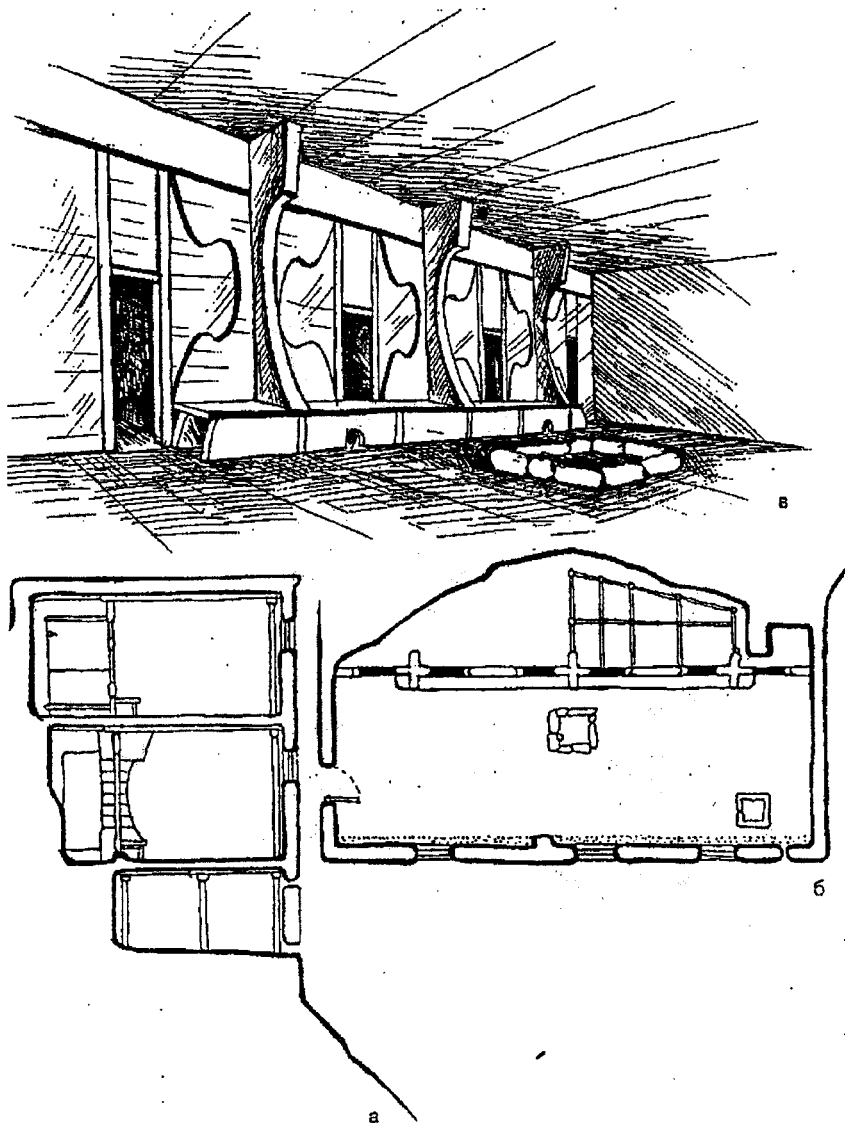

Рис. 12. Традиционное башенное жилище нагорного Дагестана, с.Урада
(по Г.Я.Мовчан):
а - интерьер; б - план

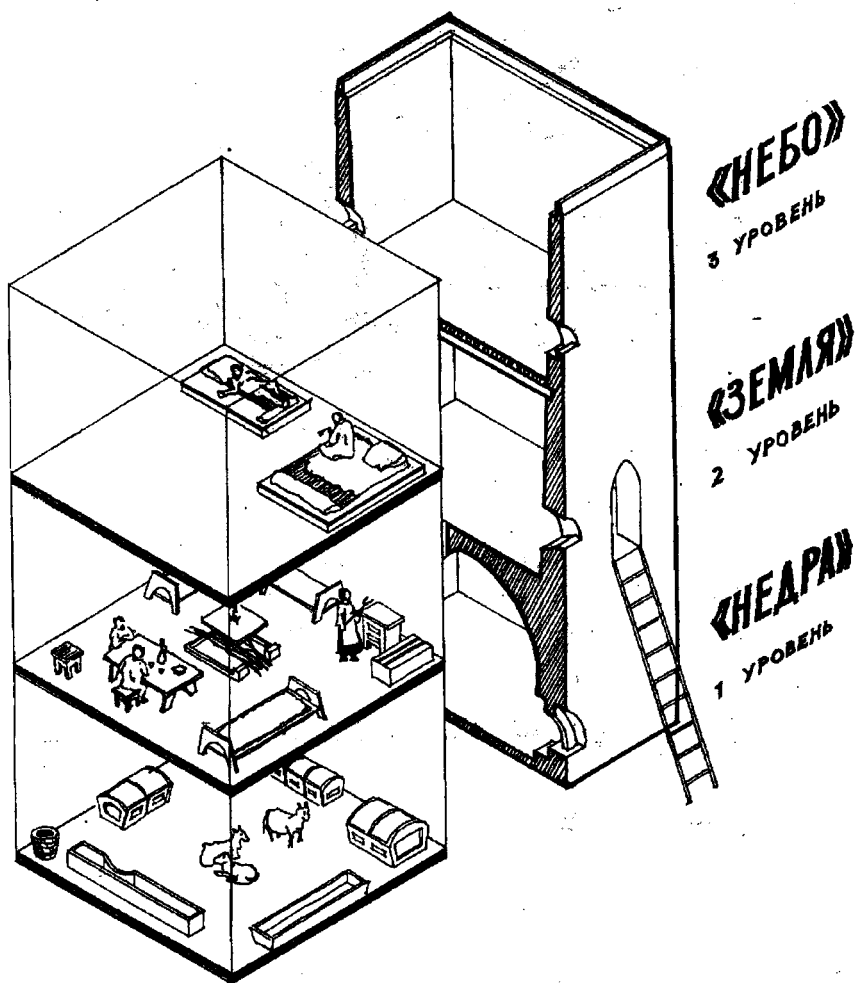

Рис. 13. Трехчастность вертикального строения башни

Рис.14. Петроглифы и тамги в стенах родовой-боевой башни в с.Хой

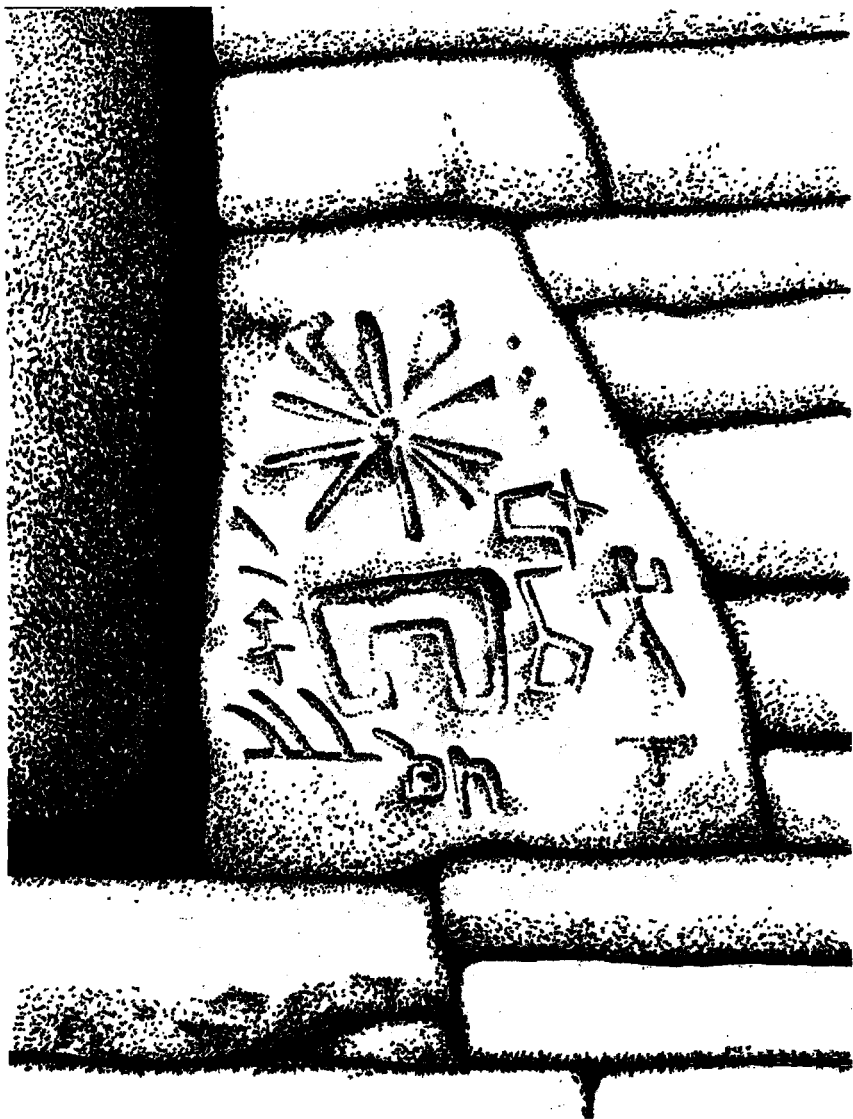

Рис. 15. Петроглиф родровой-боевой башни в с.Хой

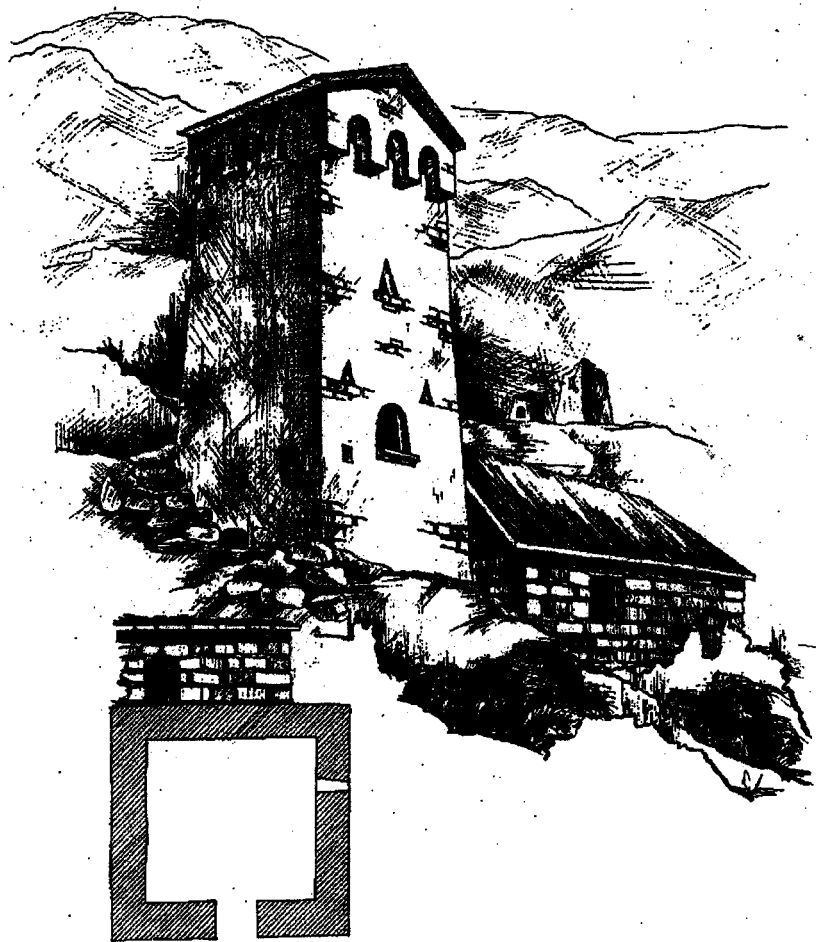

Рис. 16. Родовая-боевая башня Балкаруковых в с.Верхний Чегем

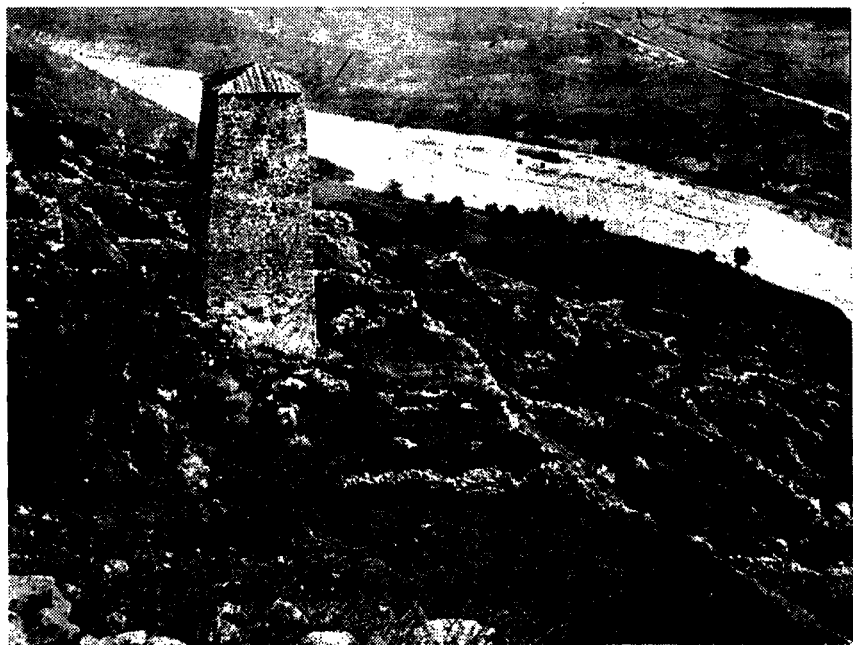
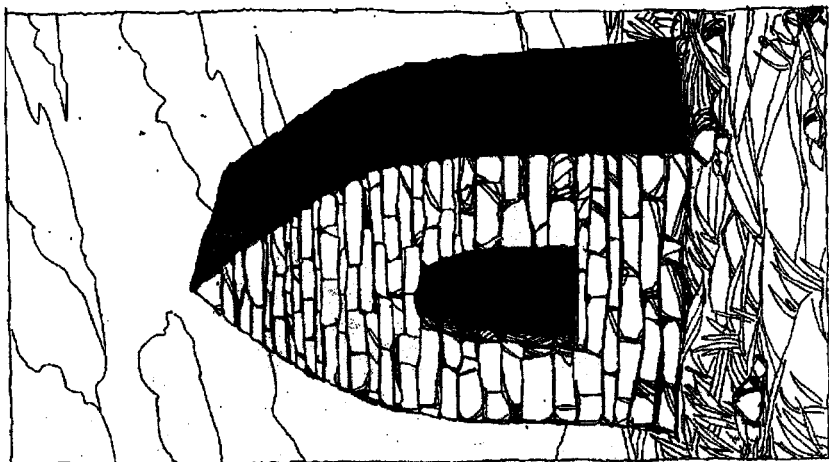

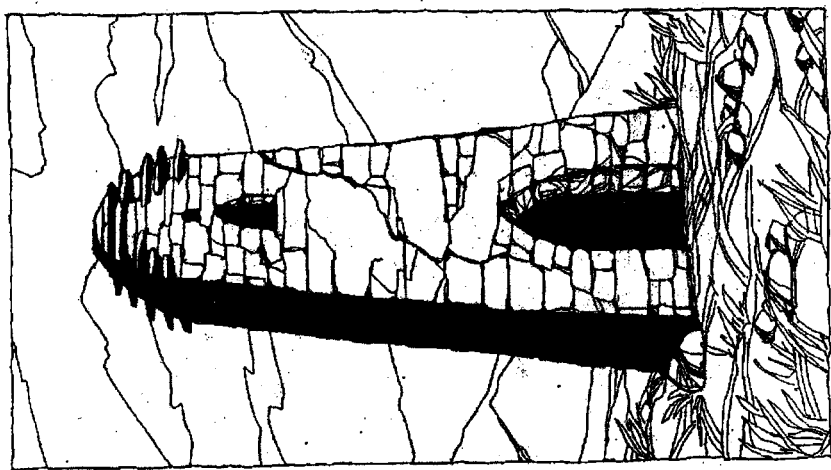
Рис. 17. Родовая-боевая башня Абаевых в с.Кюнюм

Рис. 17, а. Родовая-боевая башня Абаевых в с.Кюнюм

9

2

Рис. 18. а - святилище-монумент «сиелинг» в с. Эрзи;
 б - святилище-монумент в с. Тапанкау

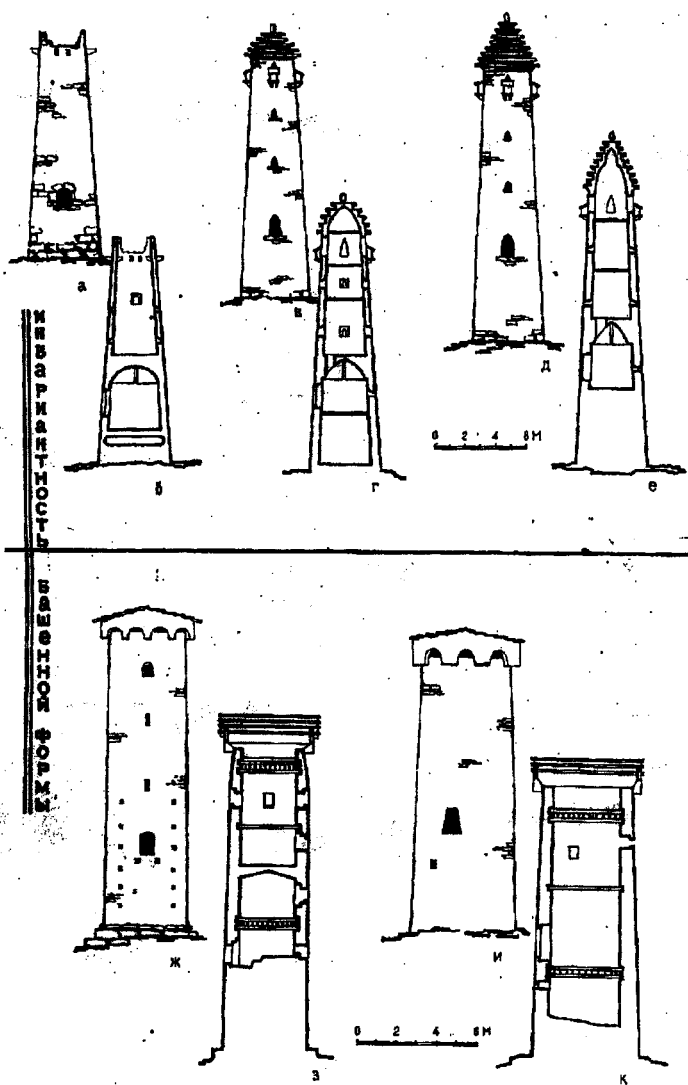

Рис. 19. Инвариантность башенной формы

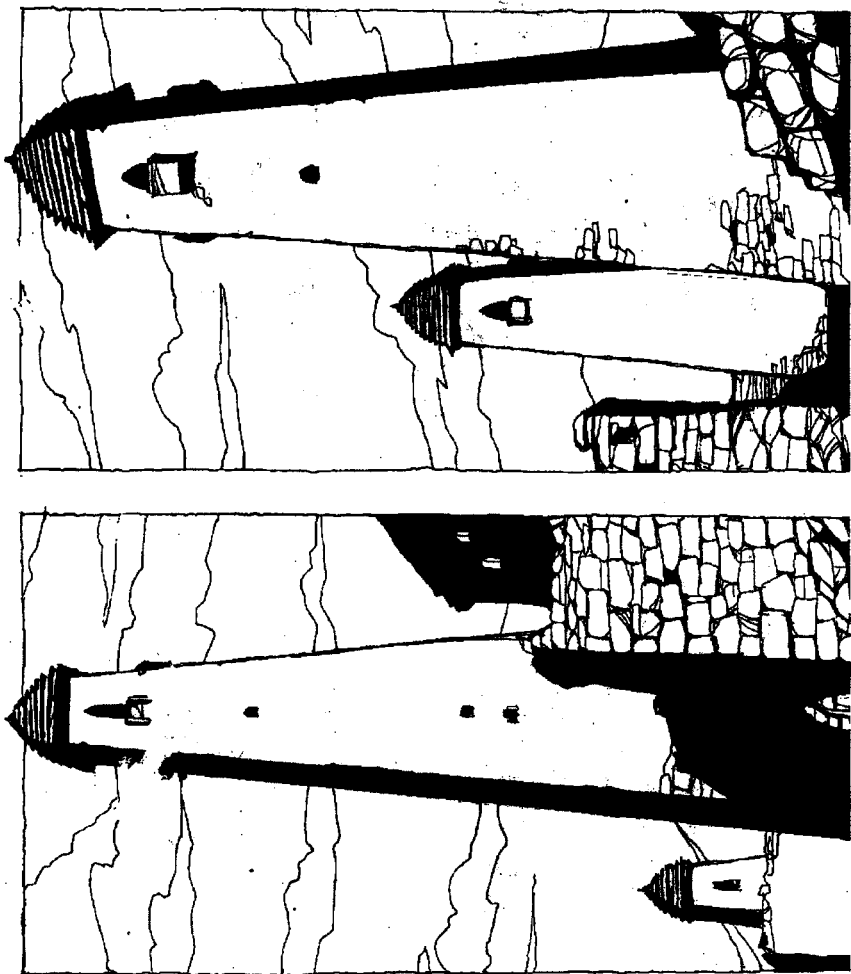

Рис.20. Родовые-боевые башни в с.Эрзи

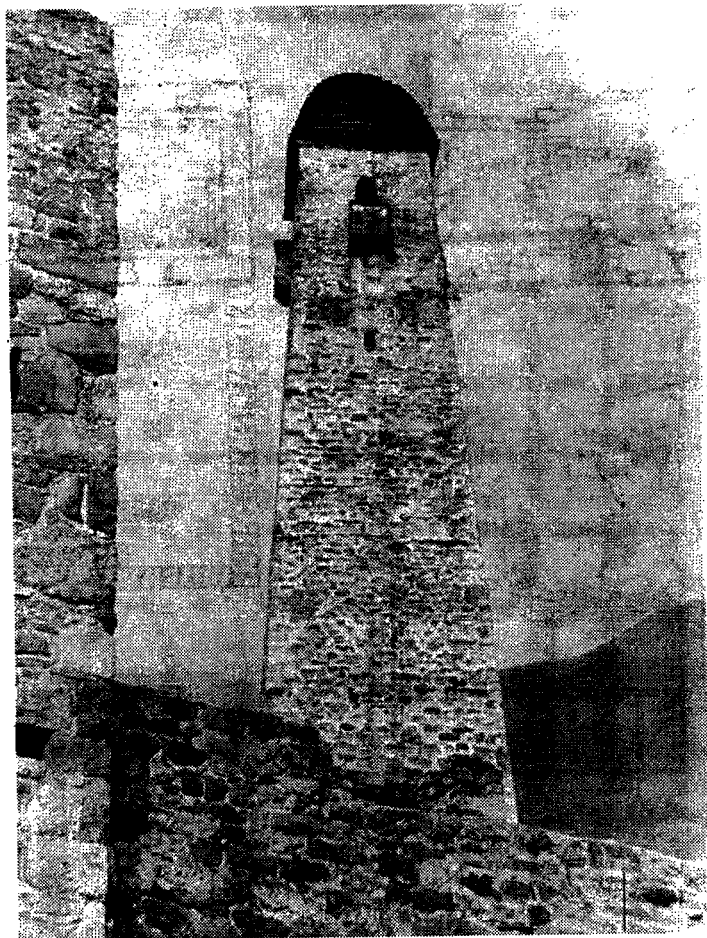
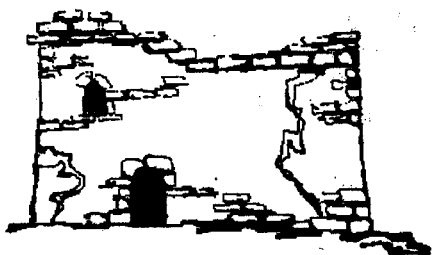
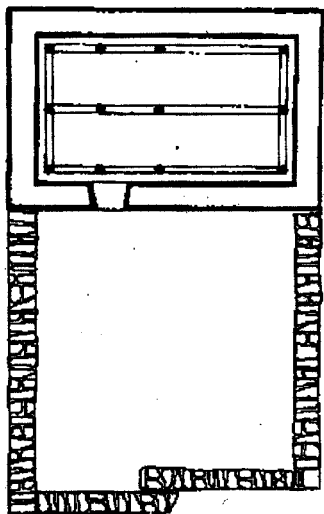

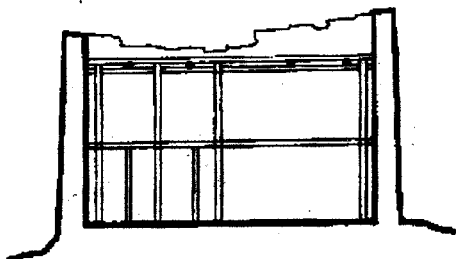
Рис. 21. Родовая-боевая башня в с.Эрзи

а

б

в

Рис.22. Башня Дауровых в с.Хуссар Ламардон:
а - фасад; б - разрез; в - план

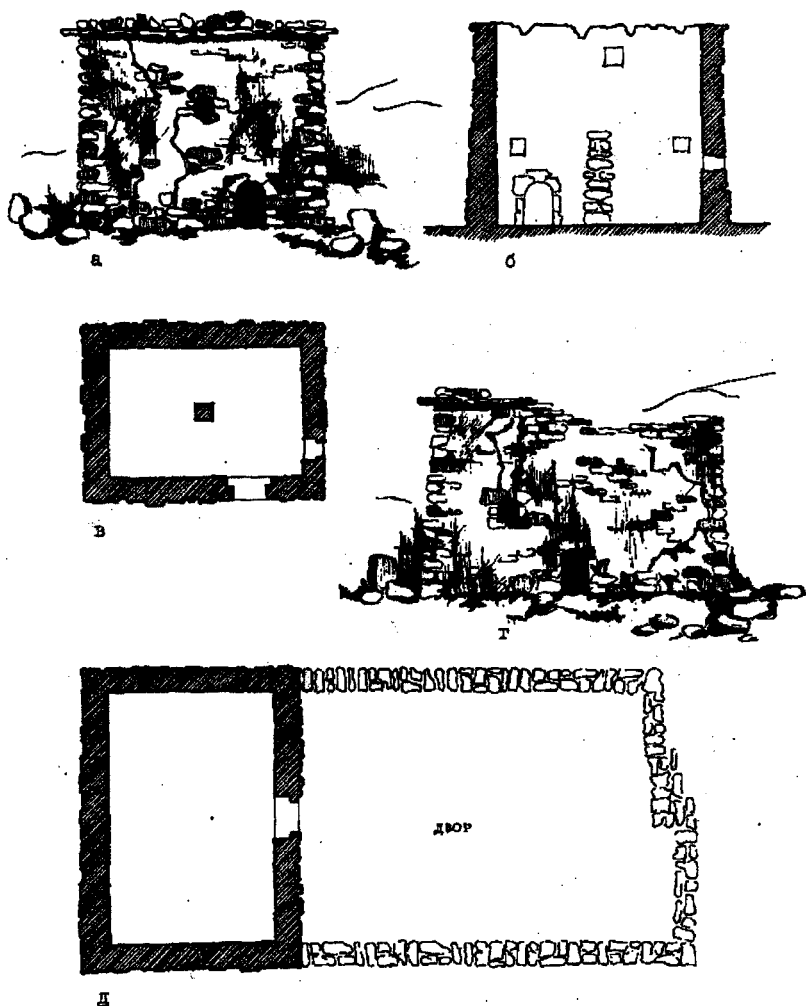

Рис.23. а-в - жилая-родовая башня Дегоевых в с.Даргавс;
 г-д - жилая-родовая башня Дауровых в с.Хуссар Ламардон

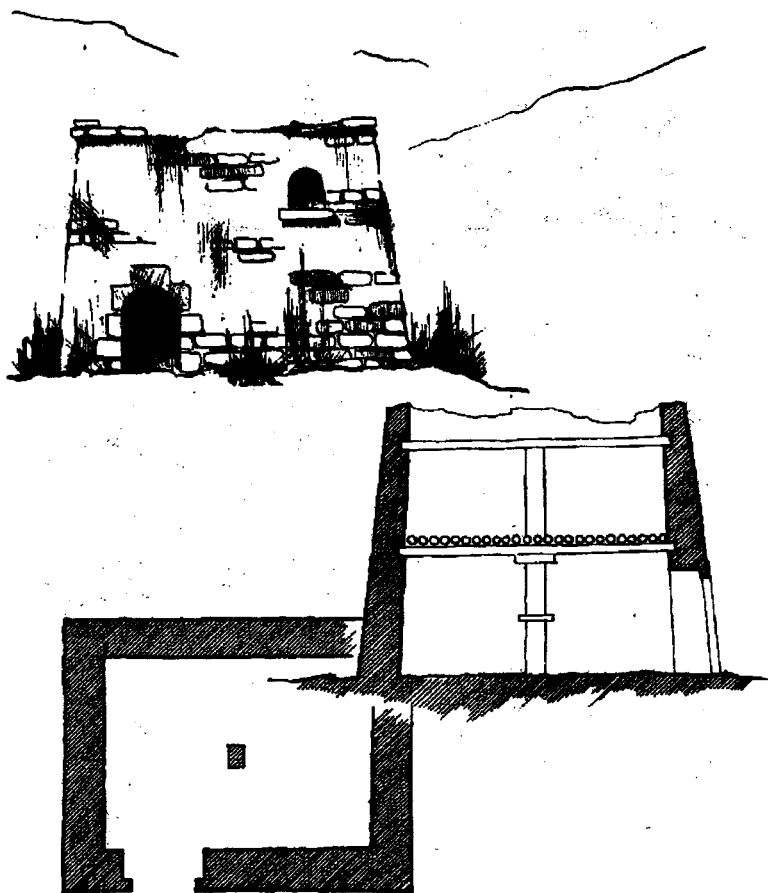

Рис.24. Жилая-родовая башня в с.Верхний Какадой

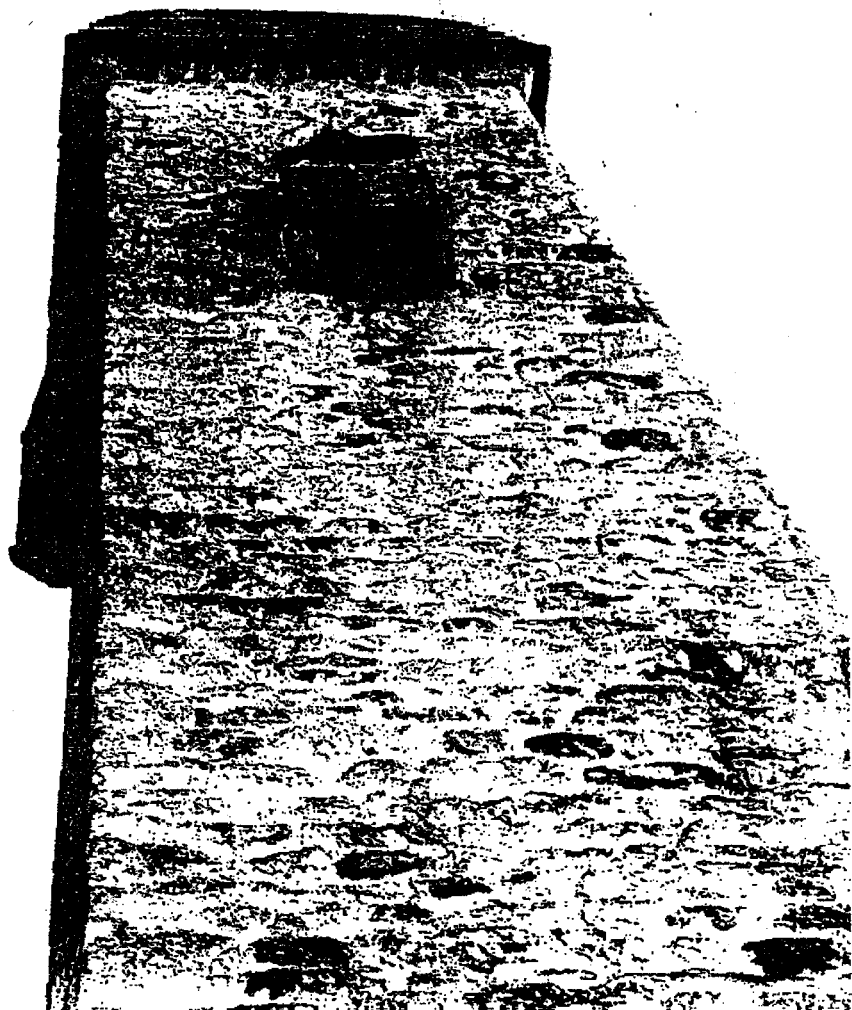

Рис.25. Пластика наклонных стен башни

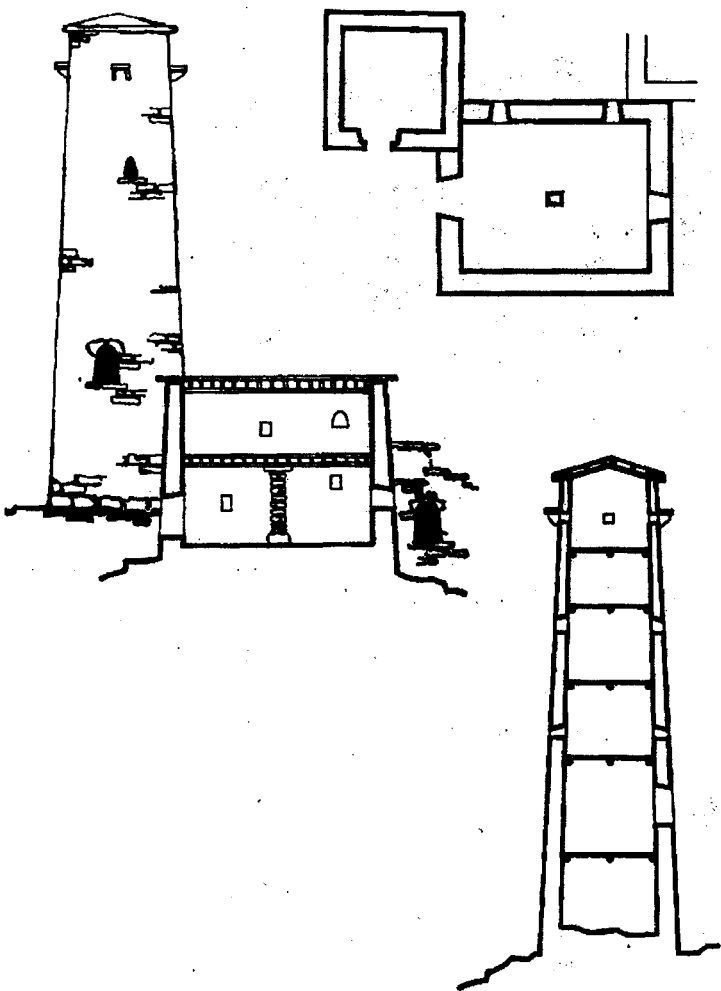

Рис.26. Комплекс Алдыганова в с.Эрзи

Рис.27. Вертикализм башенной формы

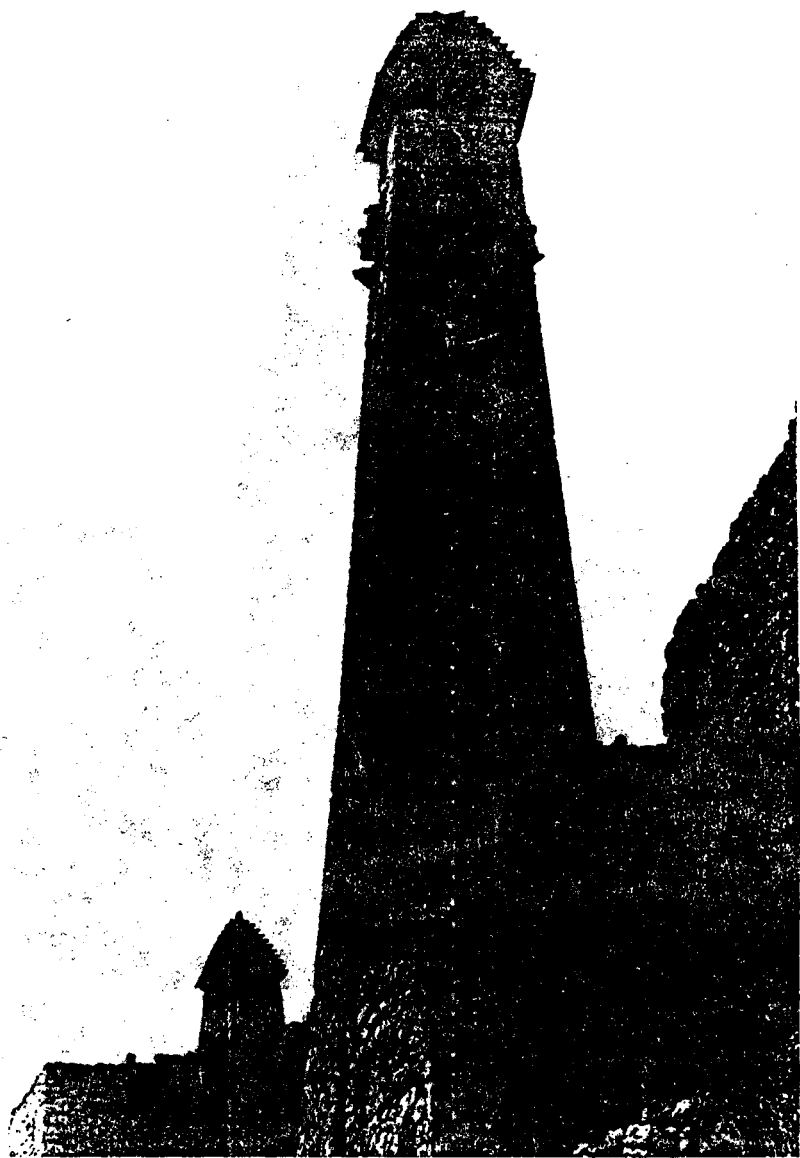

Рис.28. Родовые-боевые башни в с.Лялах

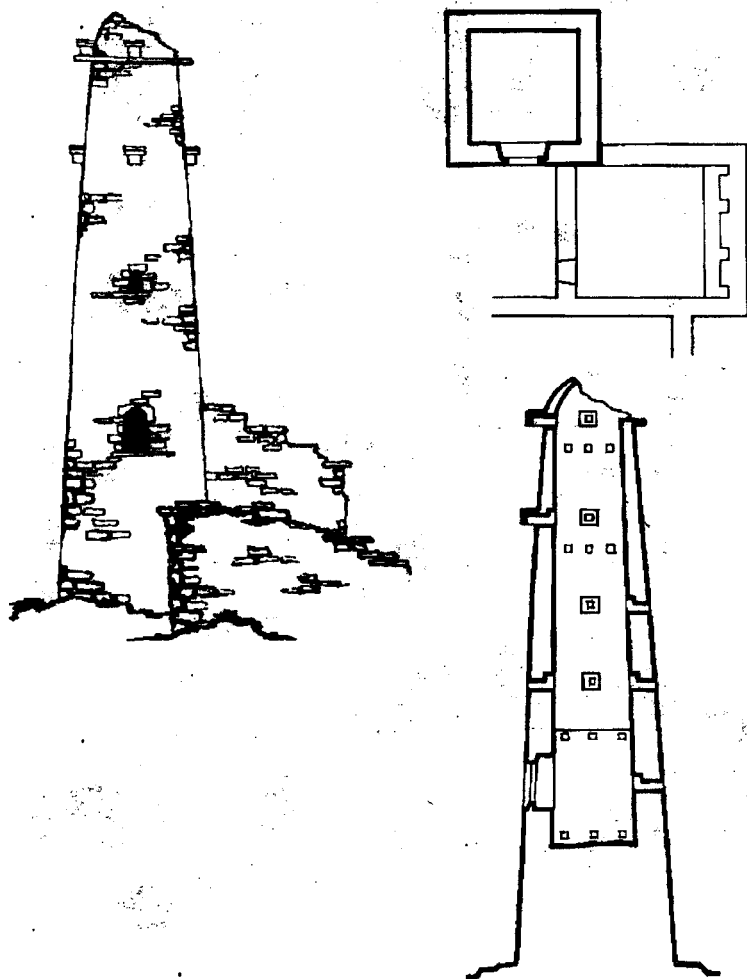

Рис.29. Родовая-боевая башня Дарчиевых в с.Лисри

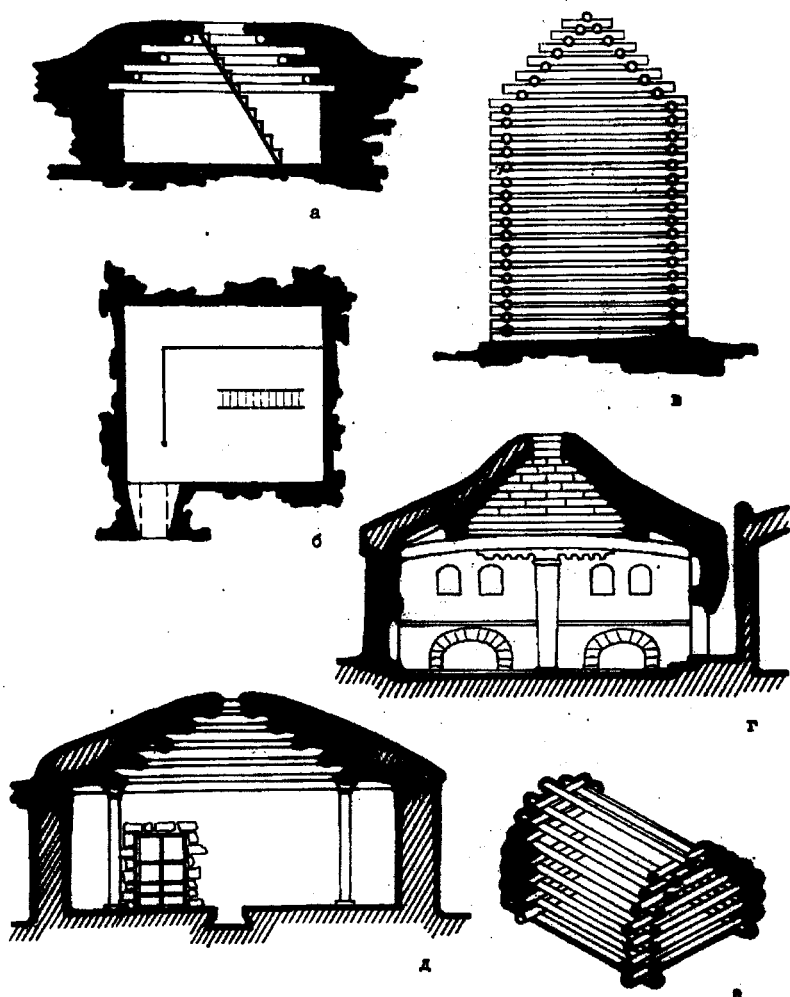

Рис.30. Древнейшие типы жилищ с центрично-ступенчатым деревянным покрытием:

а, б - подземное жилище по Ксенофону;

в - колхидская башня (реконструкция М.И.Джанджиери и Г.И.Лежава по описанию Витрувия);

г - «дарбази», Грузия;

д - «гхалтун», Армения;

е - продольно-венчатое ступенчатое перекрытие

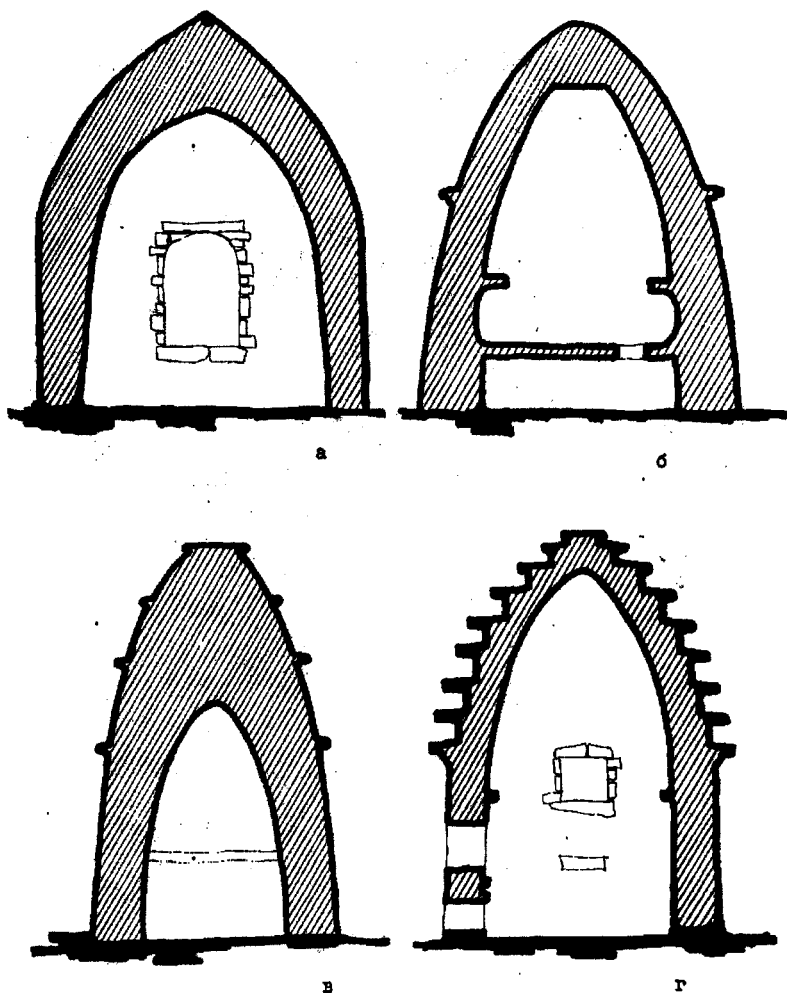

Рис.31. Эволюция ступенчато-пирамидальной формы:

а - святилище с продольно-венчатым завершением, Чечня;

б - башенная гробница с восьмигранным основанием и гладкосводчатым пирамидальным завершением в с.Фаснал, Северная Осетия;

в - башенная гробница с гладкосводчатым пирамидальным завершением;

г - башенная гробница со ступенчато-пирамидальным завершением в с.Эрзи, Чечня

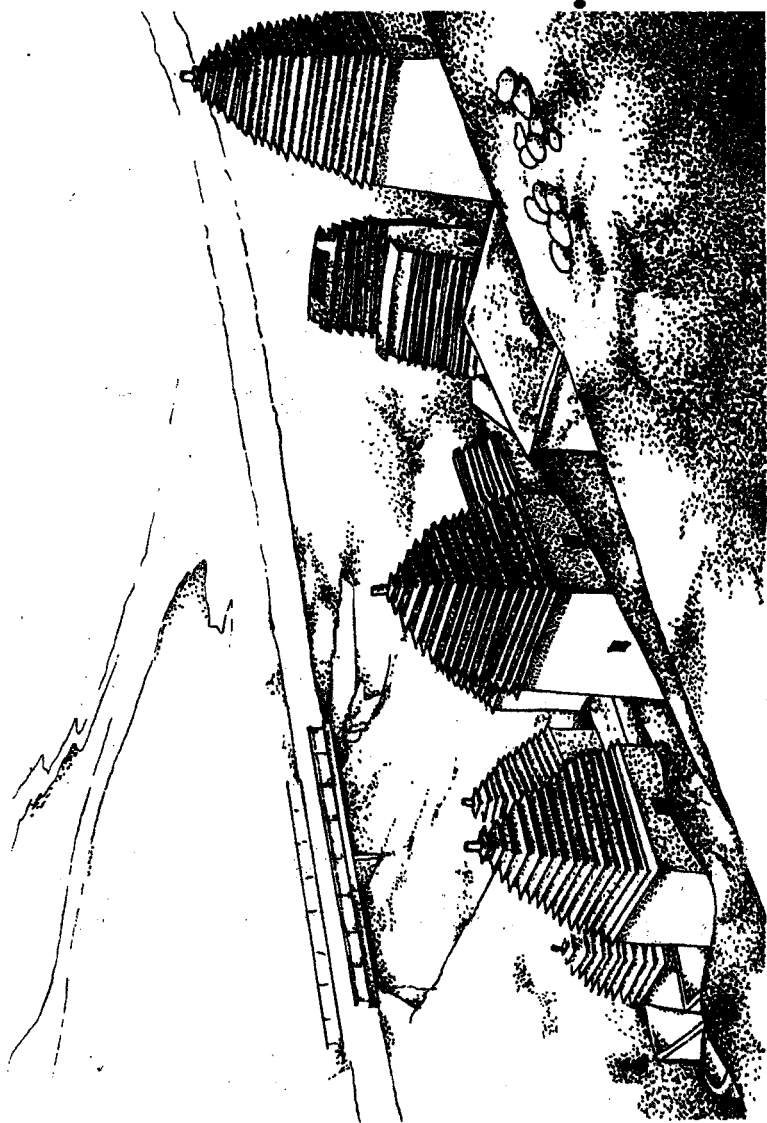

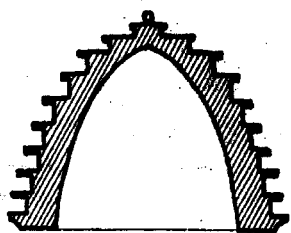
Рис.32. «Город мертвых» в с.Даргавс

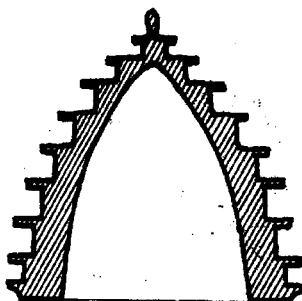
Рис.33. Родовые башеннообразные гробницы в с.Даргавс

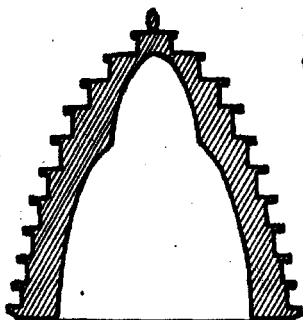
Рис.34. «Город мертвых» в с.Даргавс

а

б

в

Рис.35. Сравнительная таблица ступенчато-пирамидальных завершений вайнахских башен:

- а - завершение башни в с.Эгикал;
- б - завершение башни в с.Таргим;
- в - завершение башни в с.Ахиели

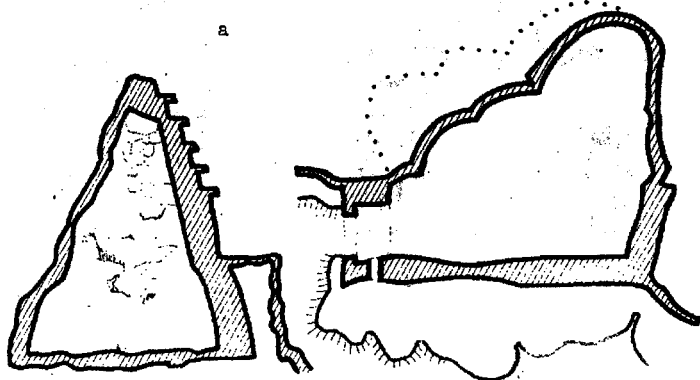
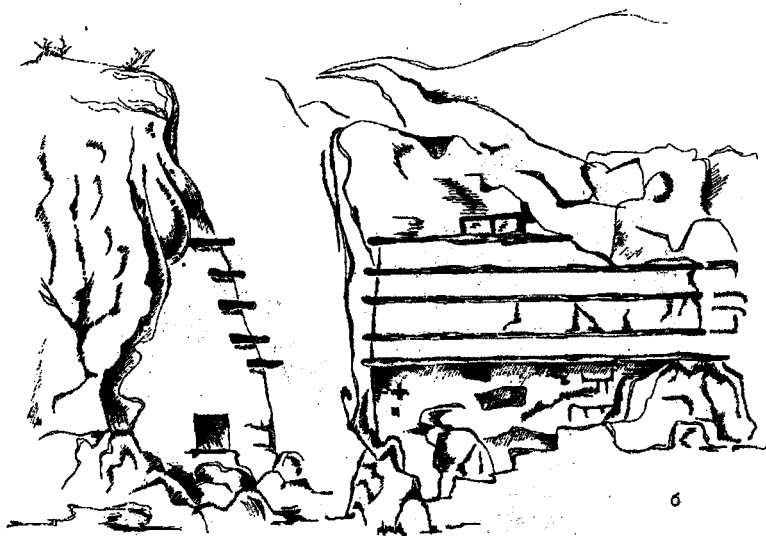

Рис.36. а-г - пещерный склеп со ступенчато-пирамидальным завершением в с.Дзив-гис, Северная Осетия

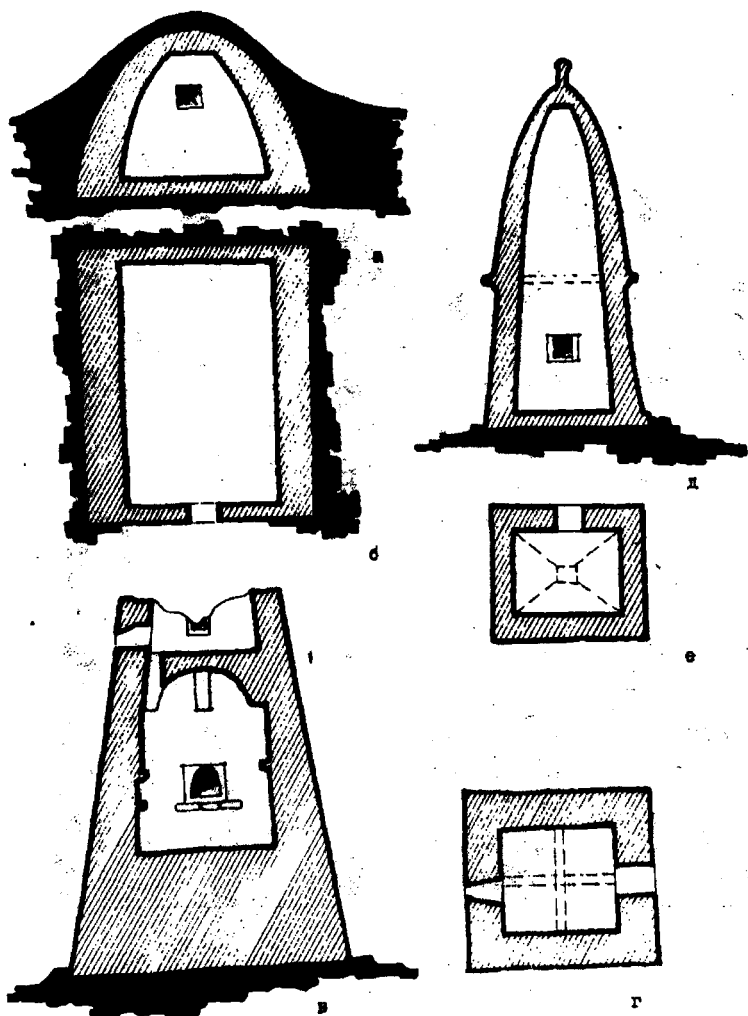

Рис.37. Эволюция ложносводчатого каменного покрытия:

- а, б - полуподземный склеп с продольно-венчатым гладкосводчатым перекрытием в с.Даргавс, Северная Осетия;
 в, г - родовая-боевая башня с ложносводчатым перекрытием по гуртам, с.Верхний Кани, Северная Осетия;
 д, е - башенная гробница с пирамидальным неступенчатым перекрытием в с.Хуссар Хинцаг, Северная Осетия

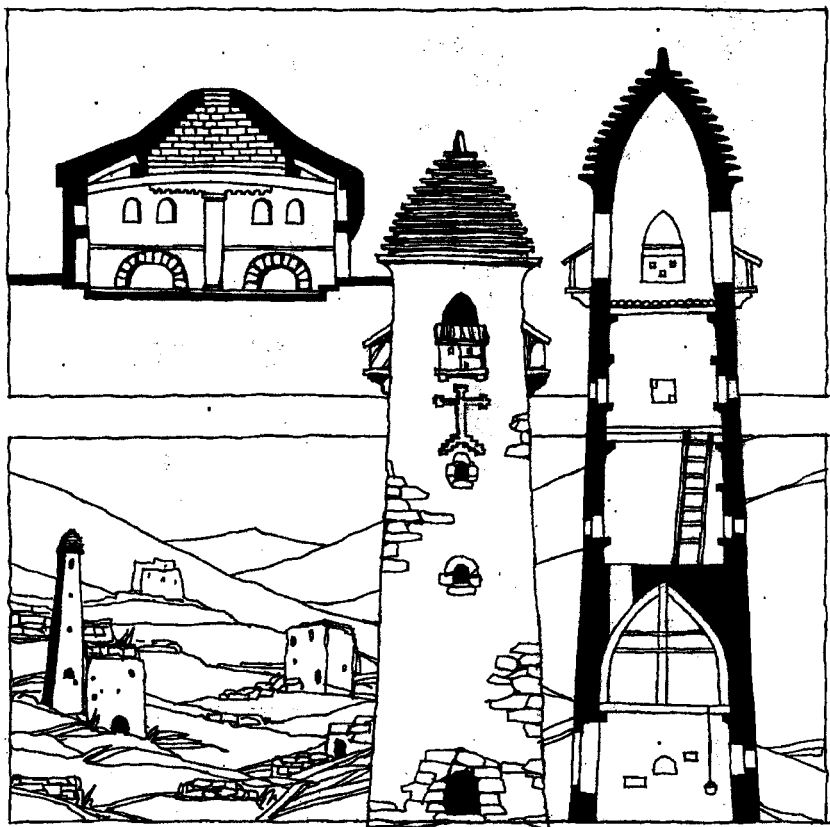

Рис.38. Внутренняя и внешняя пластика ложносводчатого перекрытия

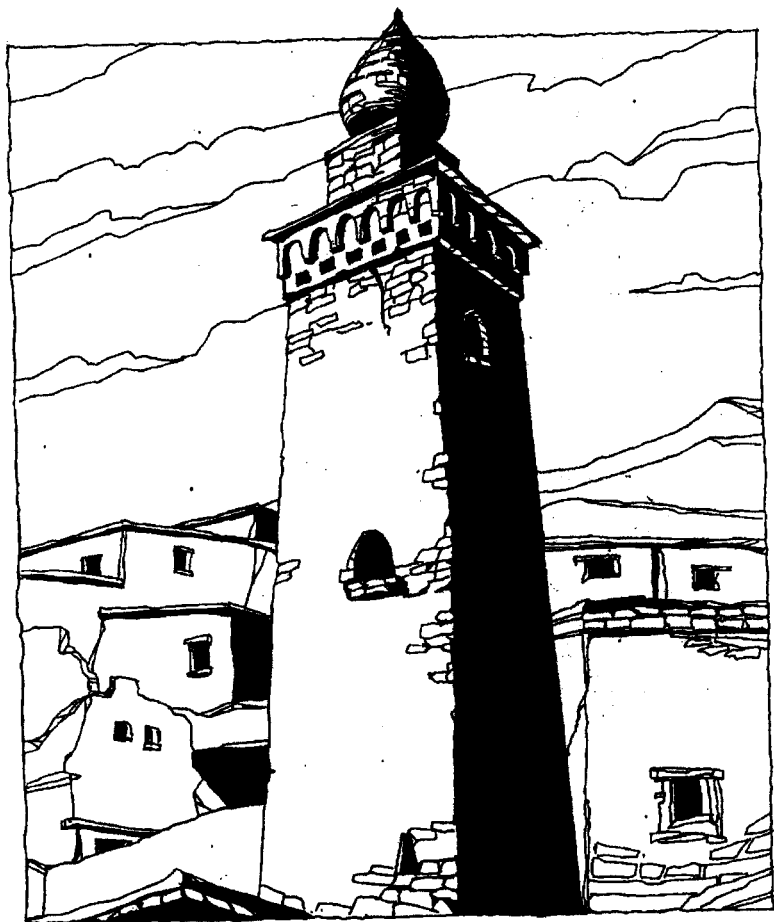

Рис.39. Минарет в с.Шиназ

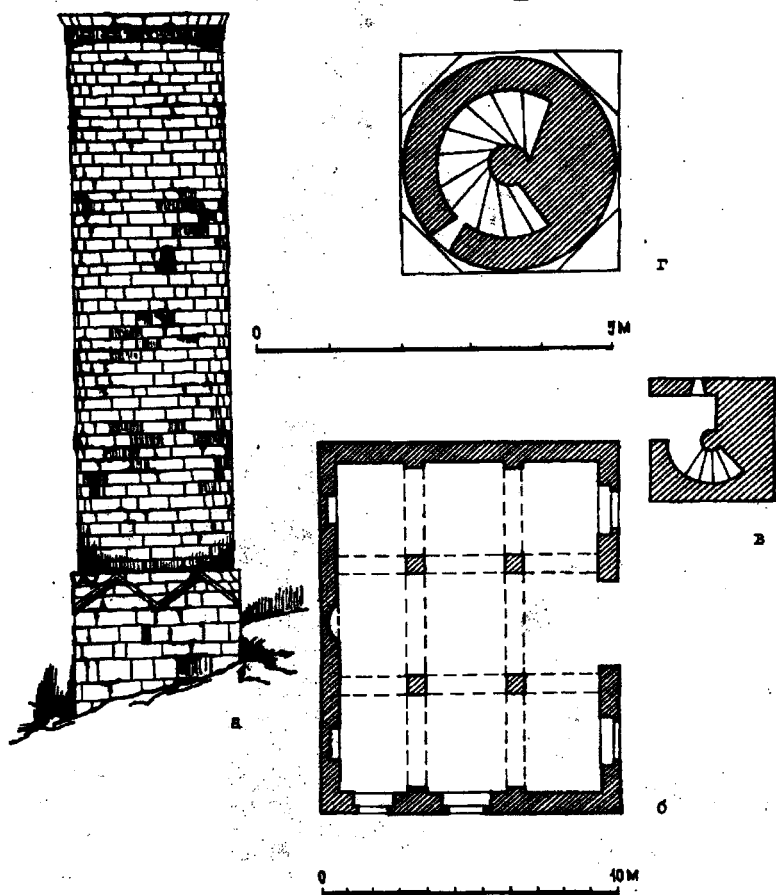
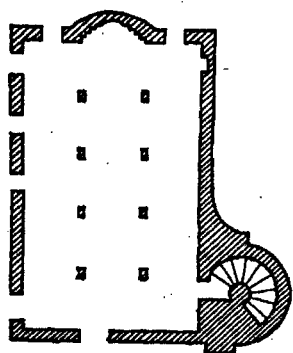
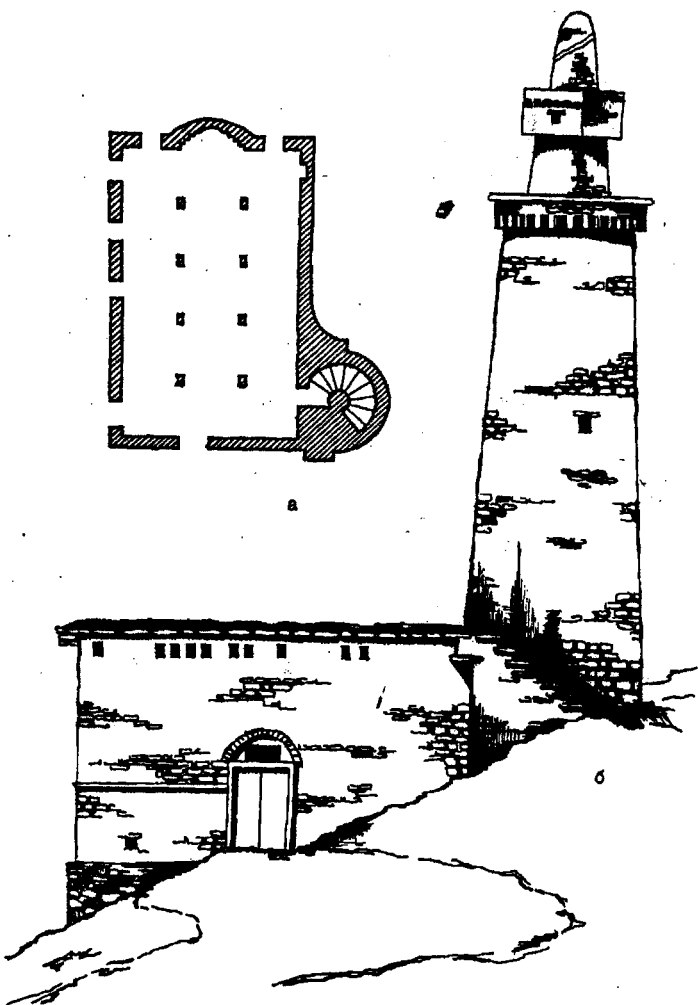

Рис.40. Минарет в г.Дербенте

а

б

Рис. 41. Минарет в с. Микрах

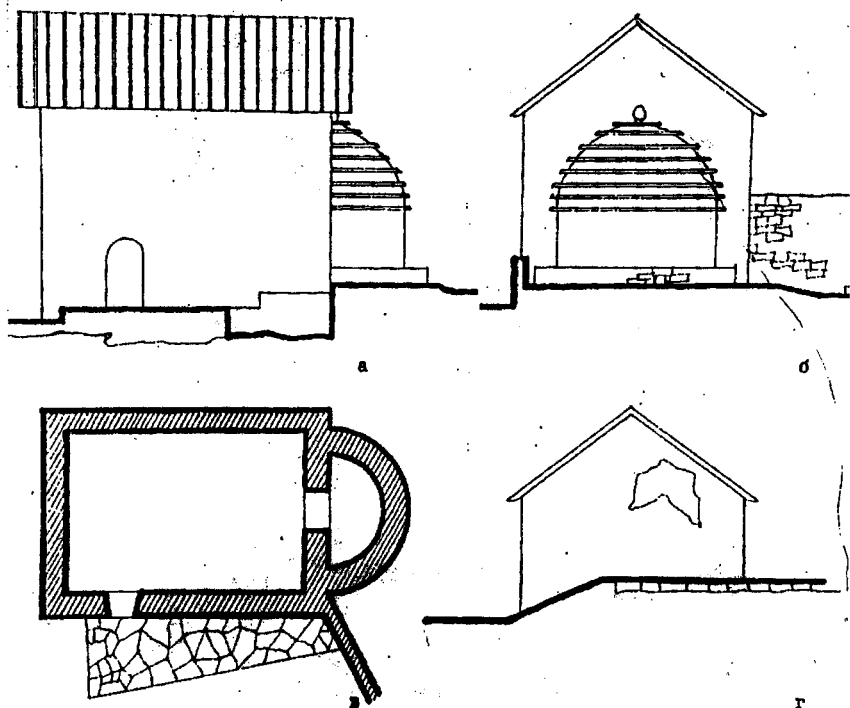
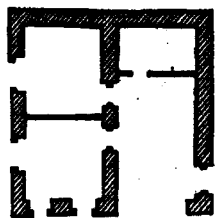
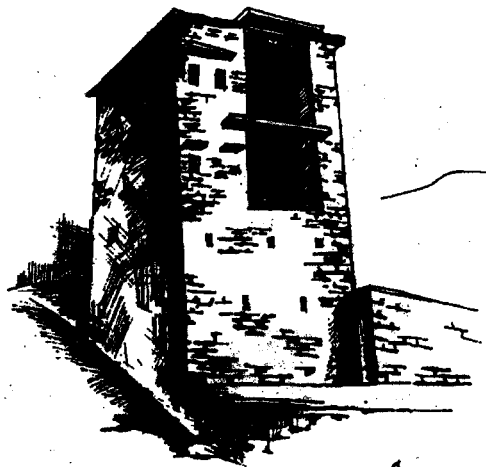

Рис.42. Святилище Дзивгисы Дзуар в с.Дзивгис, Северная Осетия, по В.Х.Тменову:
 а, б, в - боковой и торцевые фасады;
 г - план

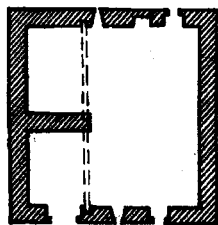
а

б

г

в

Рис.43. а, б - башня в с.Кудияб-Росо;
в, г - башня в с.Хитинда

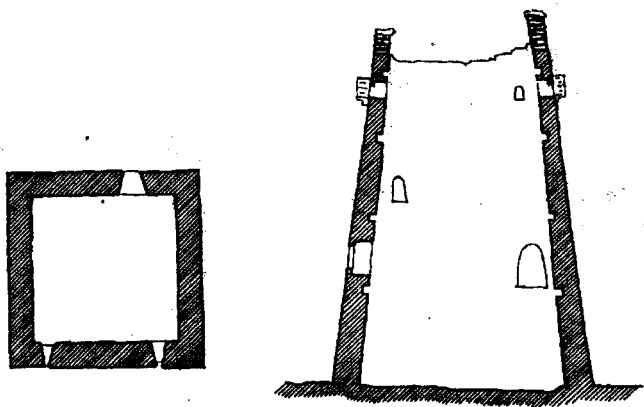
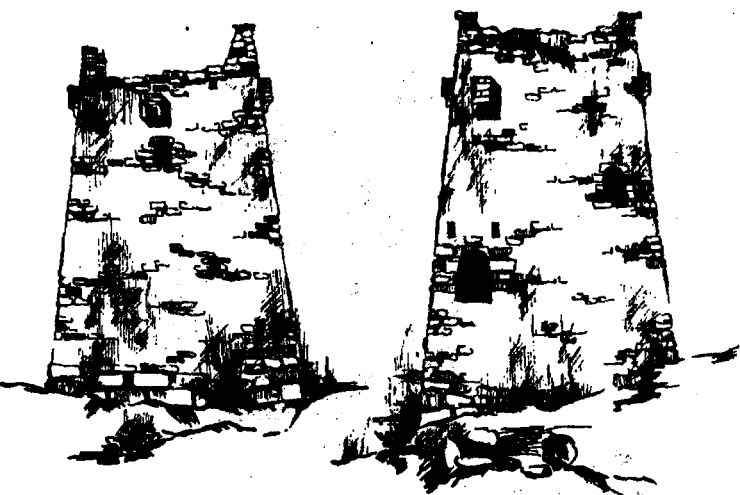

Рис.44. Жилая-родовая башня в с.Хамхи

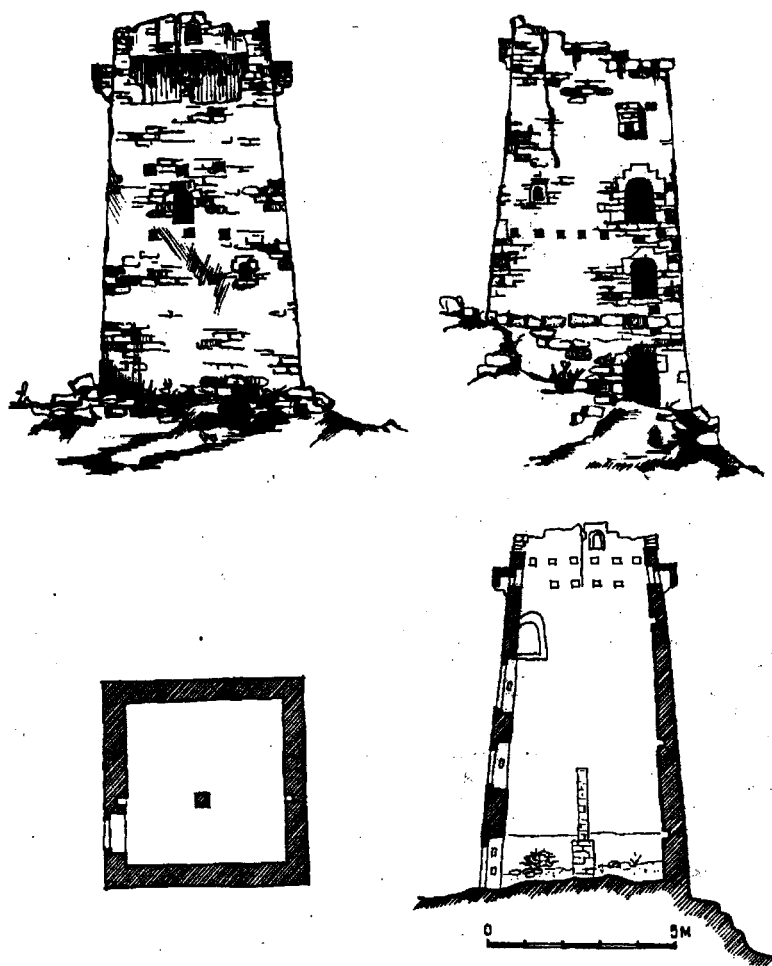

Рис.45. Жилая-родовая башня в с.Кяхк

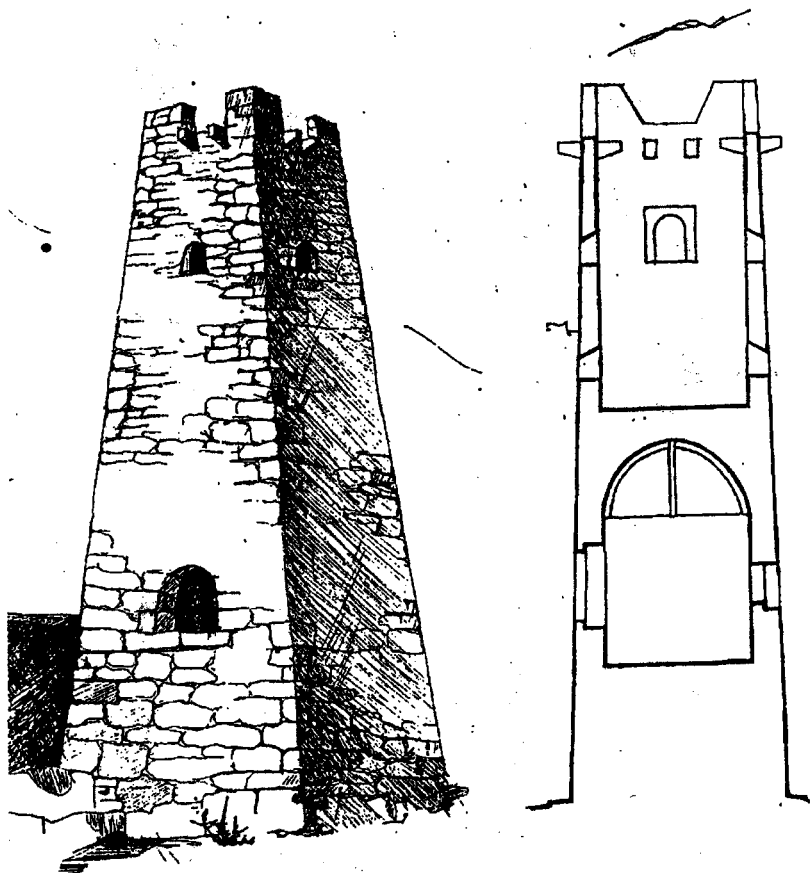

Рис.46. Родовая-боевая башня в с.Даргавс

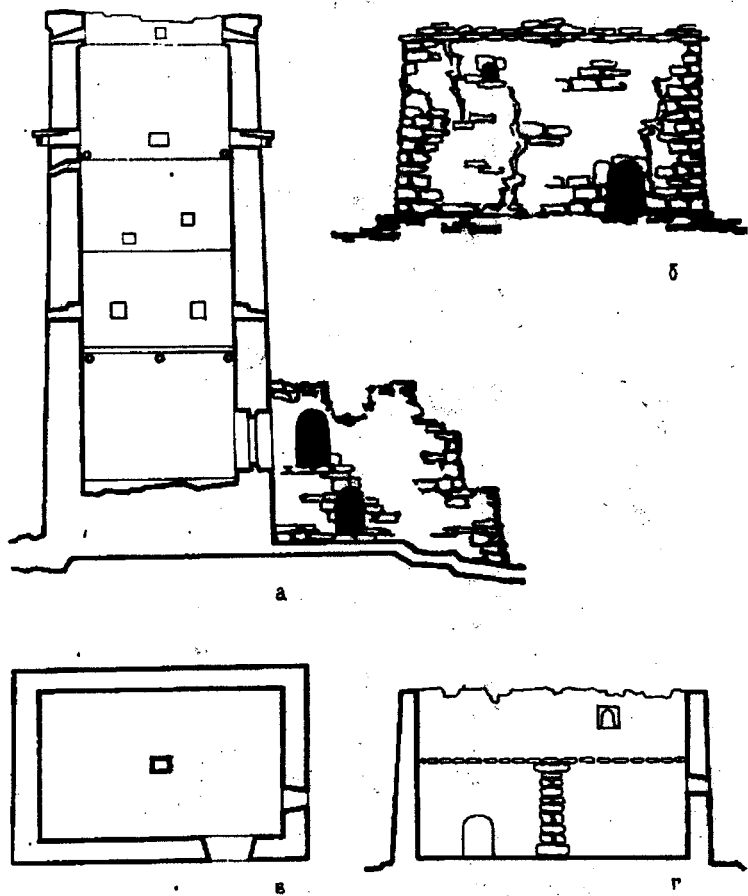

Рис.47. а - башня Кадзаевых в с.Тли;
 б-г - башня Дегоевых в с.Даргавс

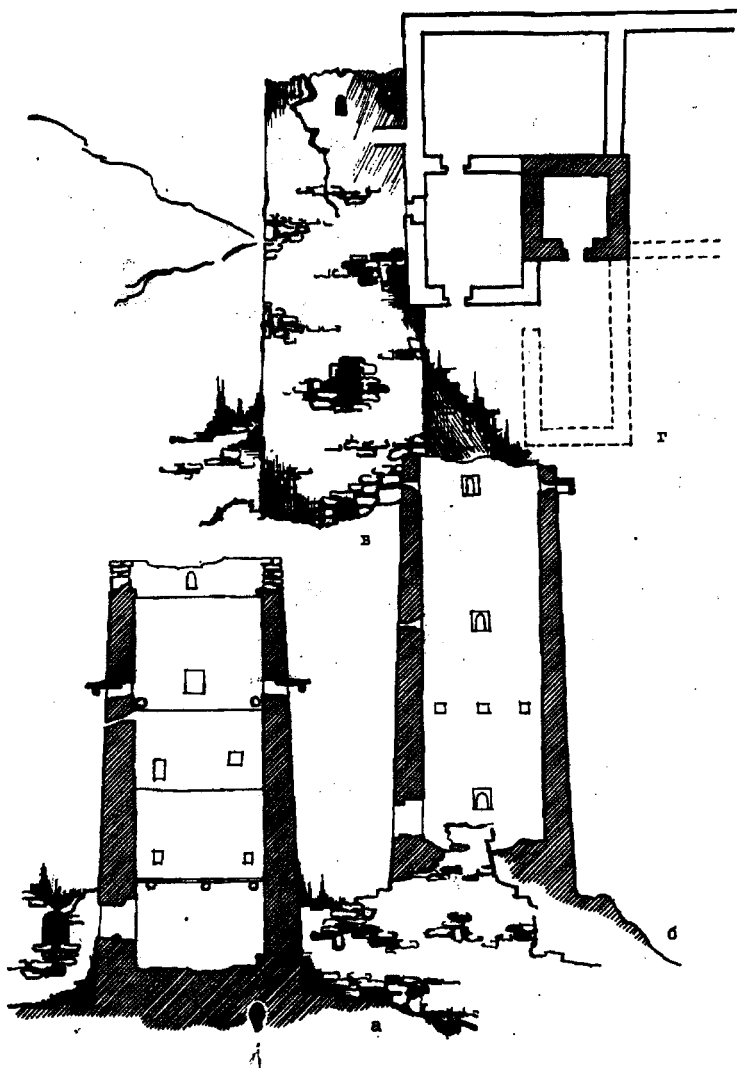

Рис.48. а - родовая-боевая башня Кадзаевых в с.Тли;
б-г - родовая-боевая башня Моураовых в с.Лисри

Рис.49. Вайнахские башни в с.Эрзи

Рис.50. Родовая-боевая башня в с.Легт

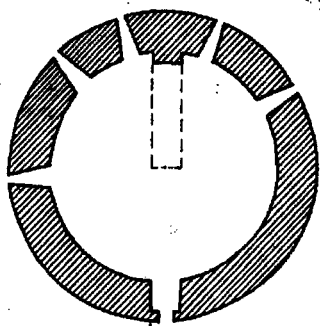

Рис.51. Сторожевая башня в с.Ицари

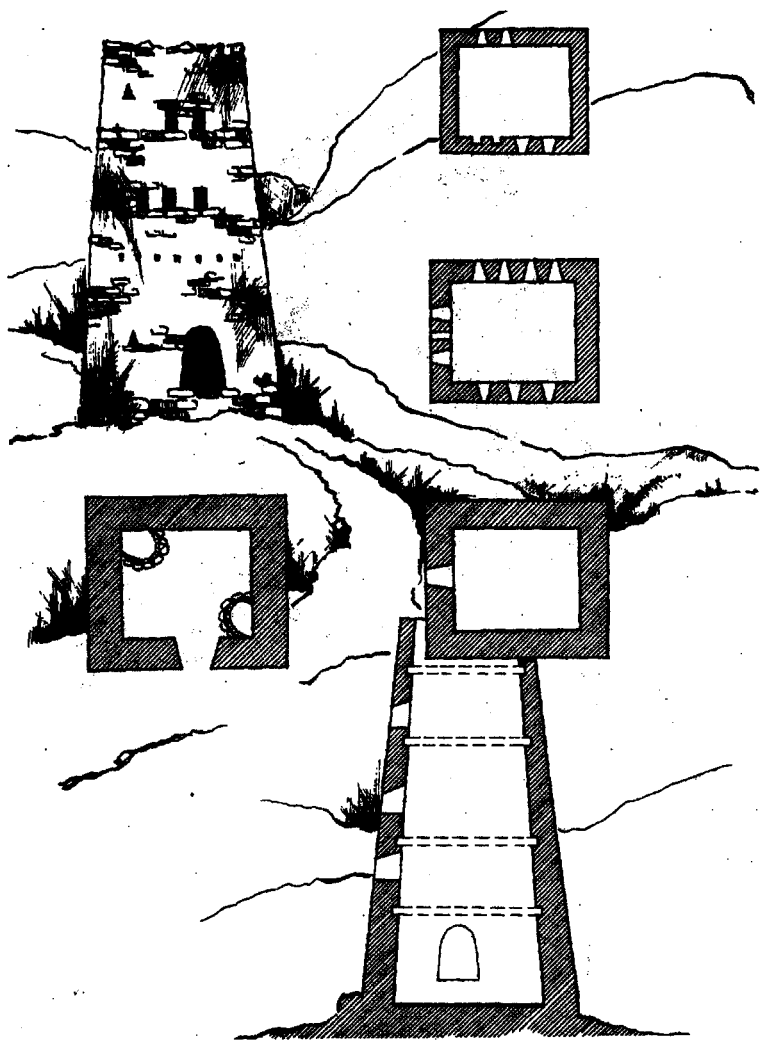

Рис.52. Сторожевая башня (Тотур-Кала) близ с.Верхний Хулам

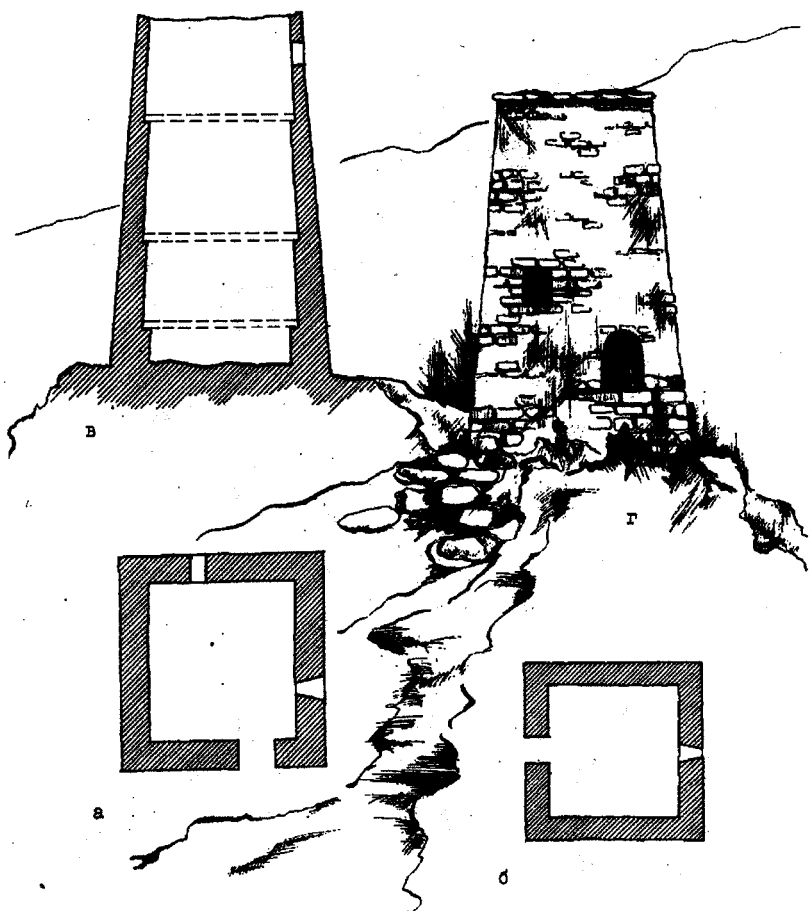

Рис.53. Сторожевая башня в с.Хузрук («Мамия-Кала»)

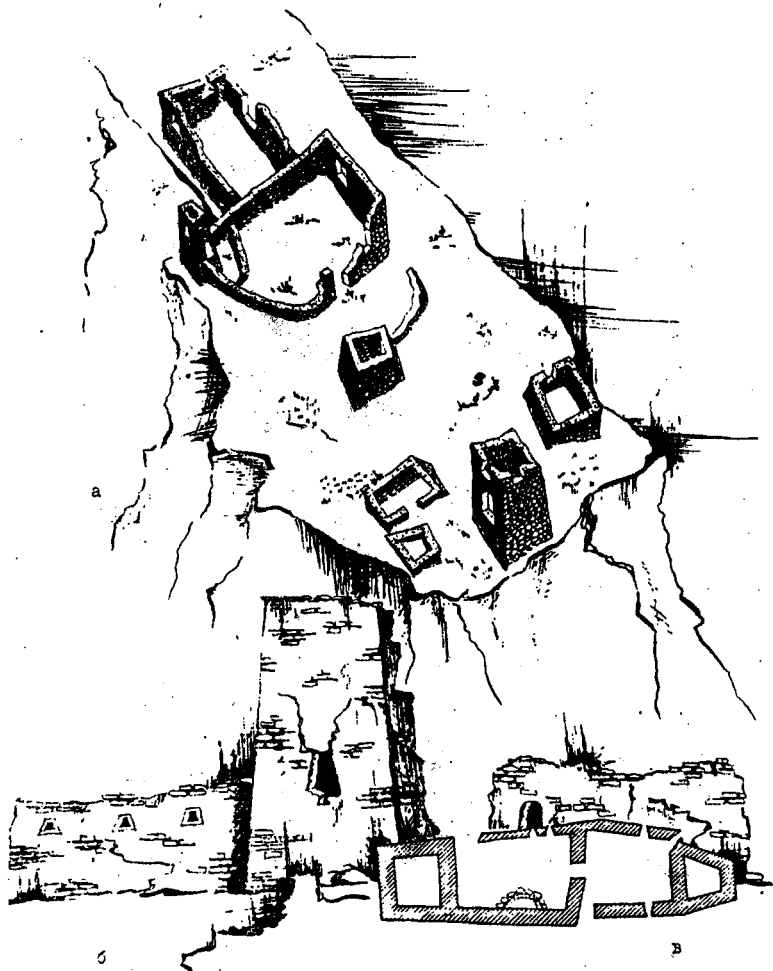

Рис.54. а - родовой комплекс в с.Курнаят;
 б, в - родовой комплекс Джабоевых в с.Усхур

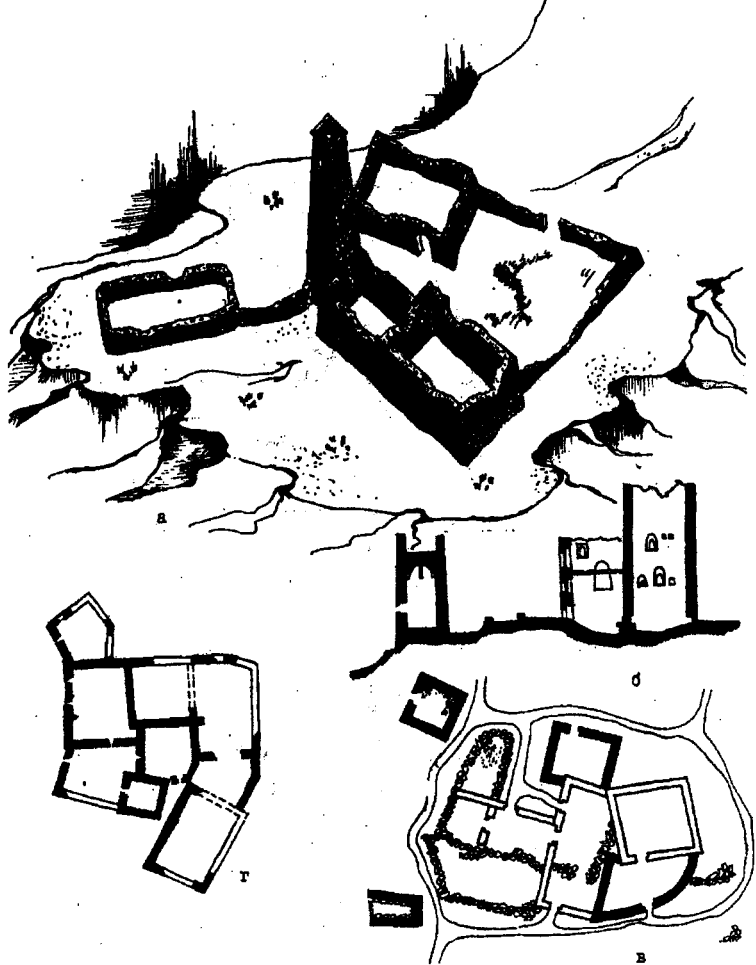

Рис.55. Родовые комплексы Чечни и Ингушетии:

а - семейный комплекс в с.Моцарой;

б, в - семейный комплекс в с.Хени;

г - семейный комплекс;

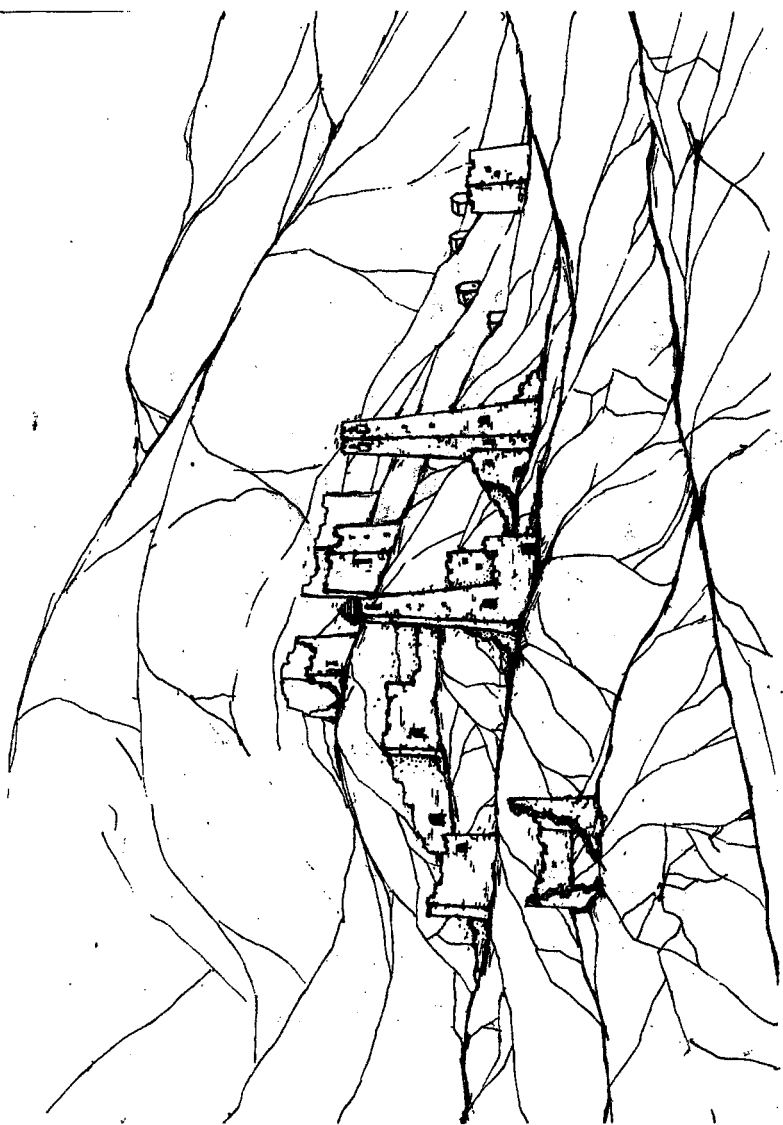

Рис.56. Башенный комплекс в с.Лялах

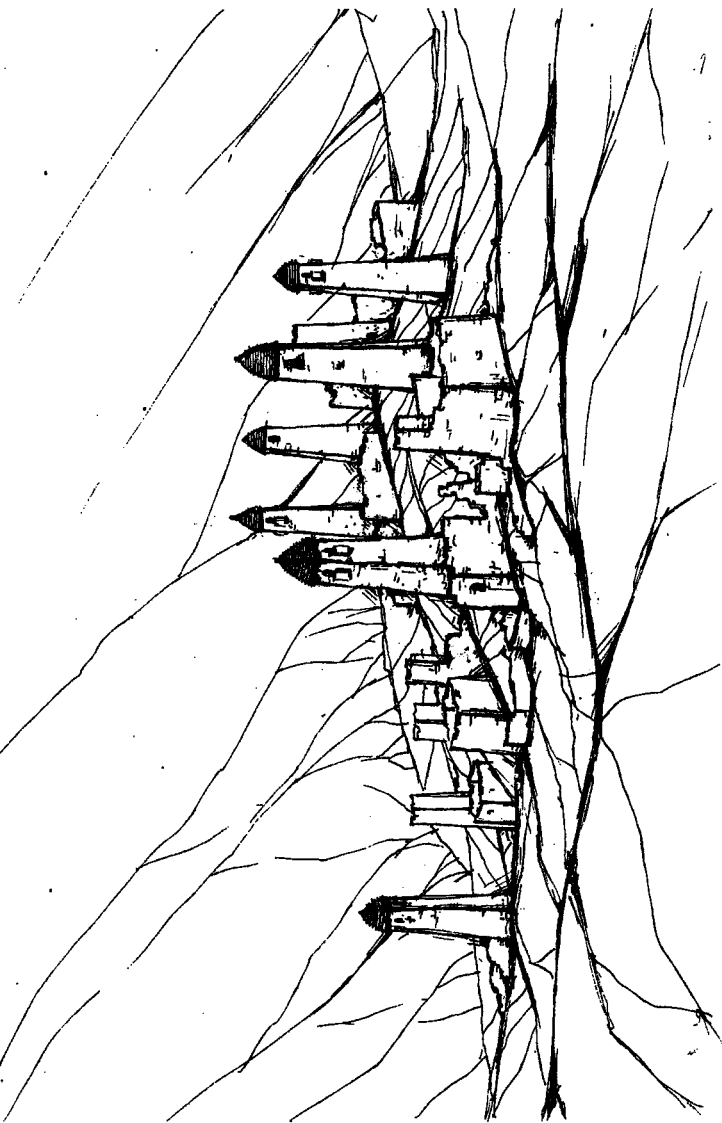

Рис.57. Родовые башенные комплексы в с.Эрзи

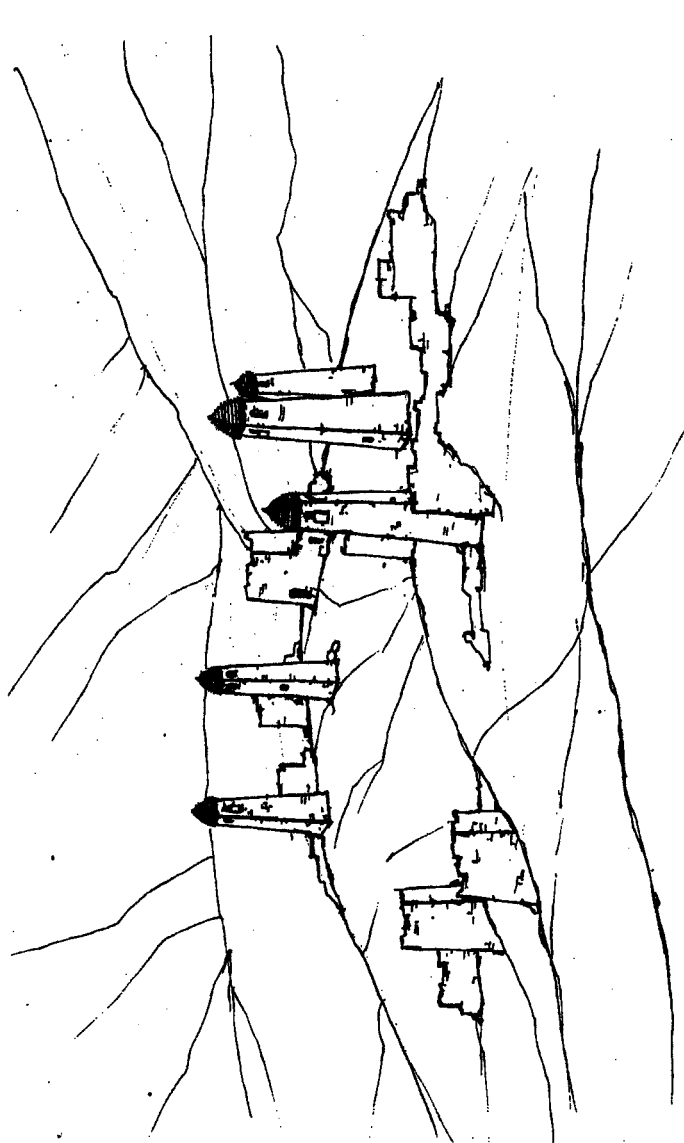

Рис.58. Родовой башенный комплекс в с.Эрзи

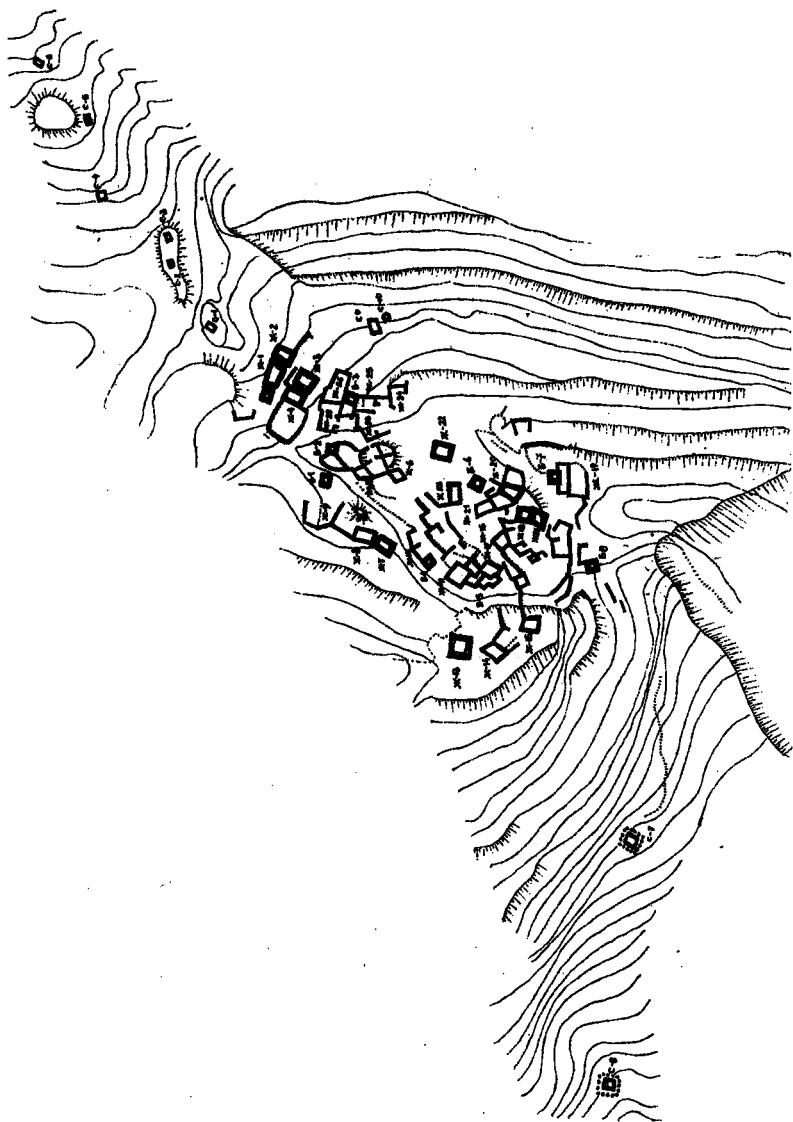

Рис.59. Башенный комплекс в с.Эрзи (генплан)

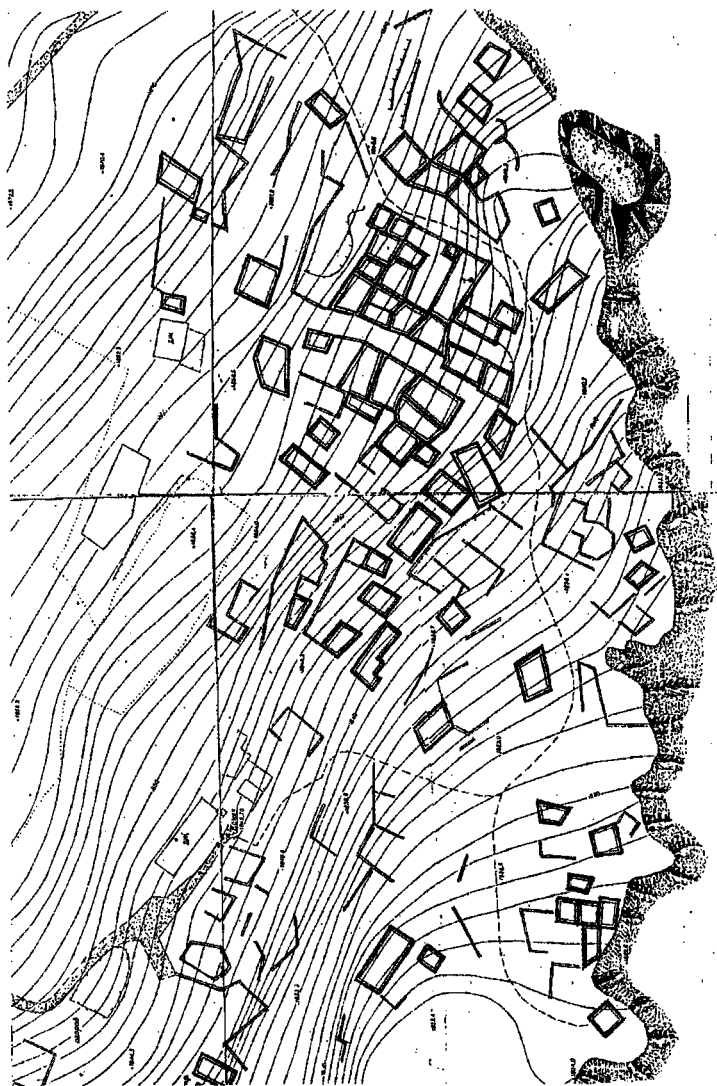

Рис.60, а. Генплан с.Хой (Чечня)

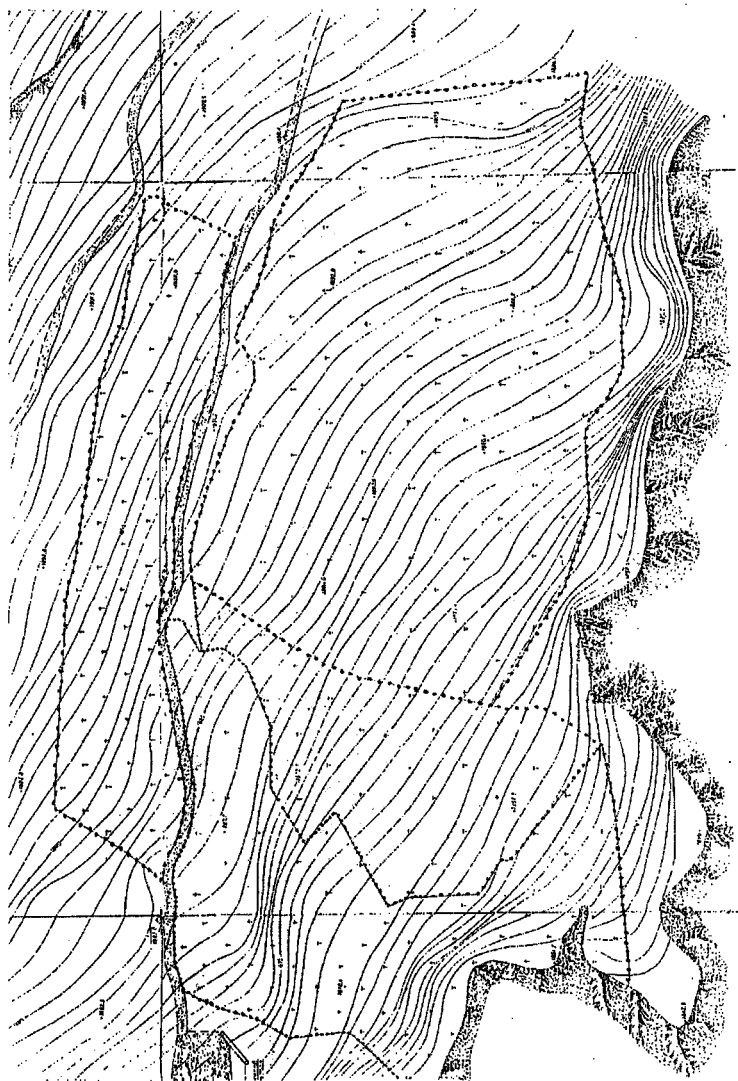

Рис.60, б. Генплан с.Хой (Чечня)

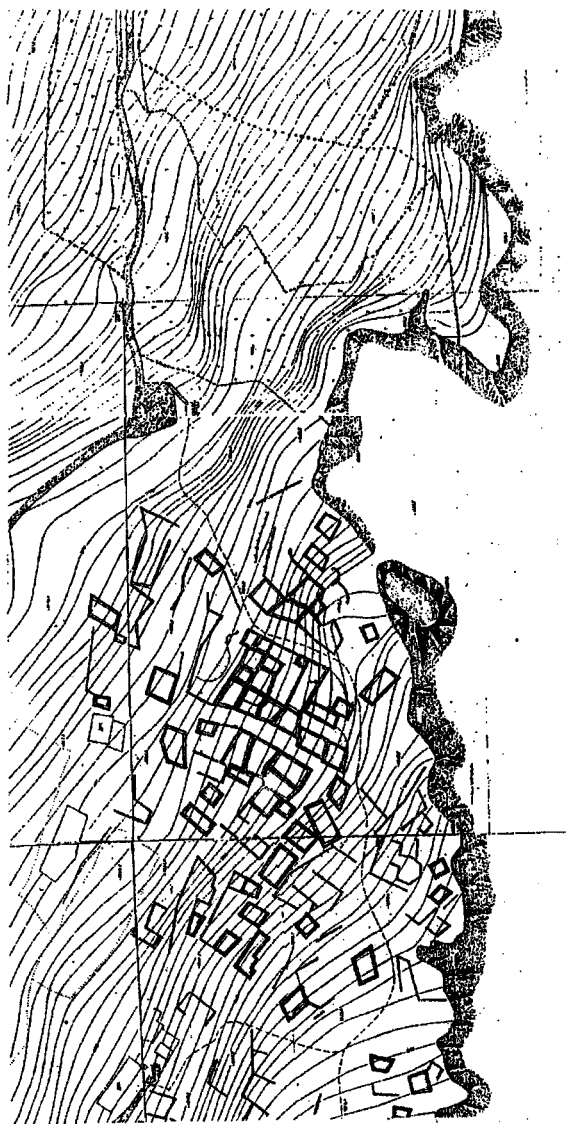

Рис.61. Топографическая съемка с.Хой (Чечня)

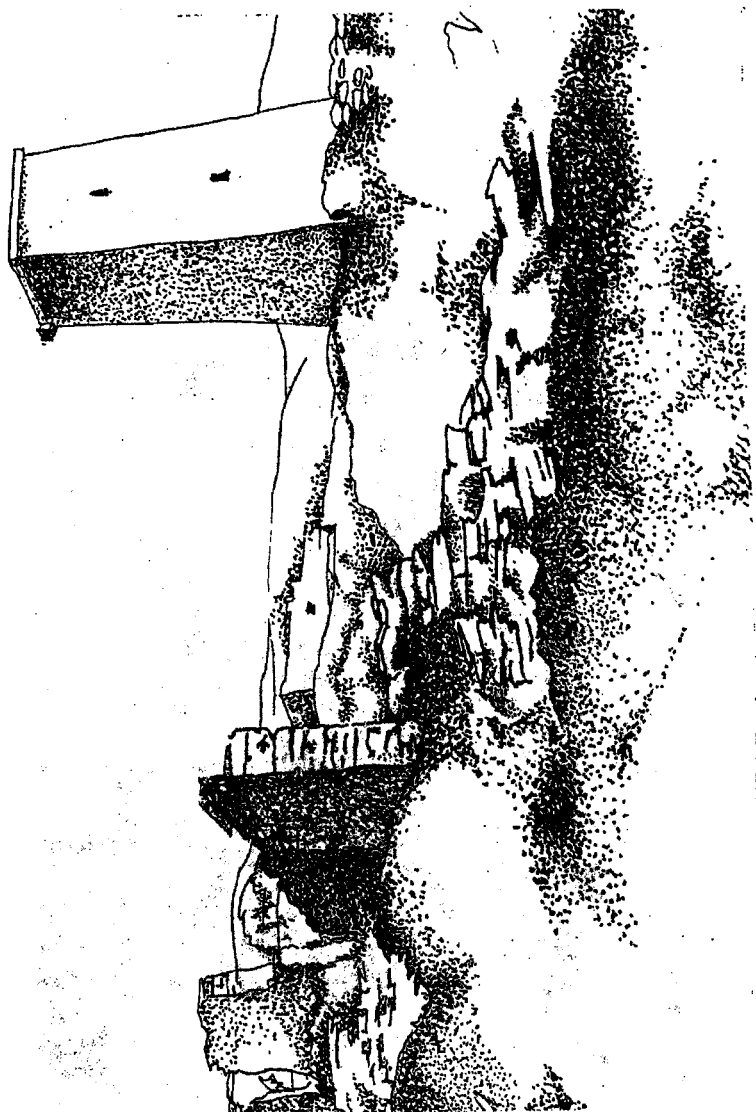

Рис.62, а. Селение Хой. Общий вид с родовой-боевой башней

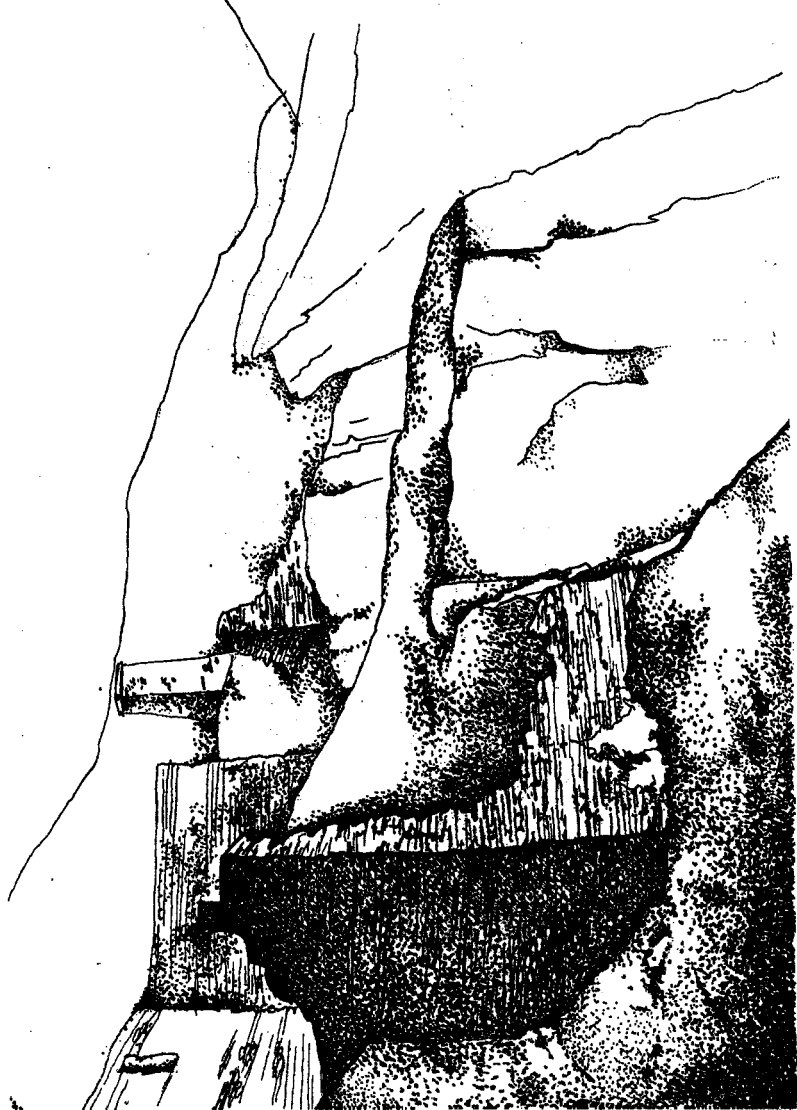

Рис.62, б. Селение Хой. Общий вид

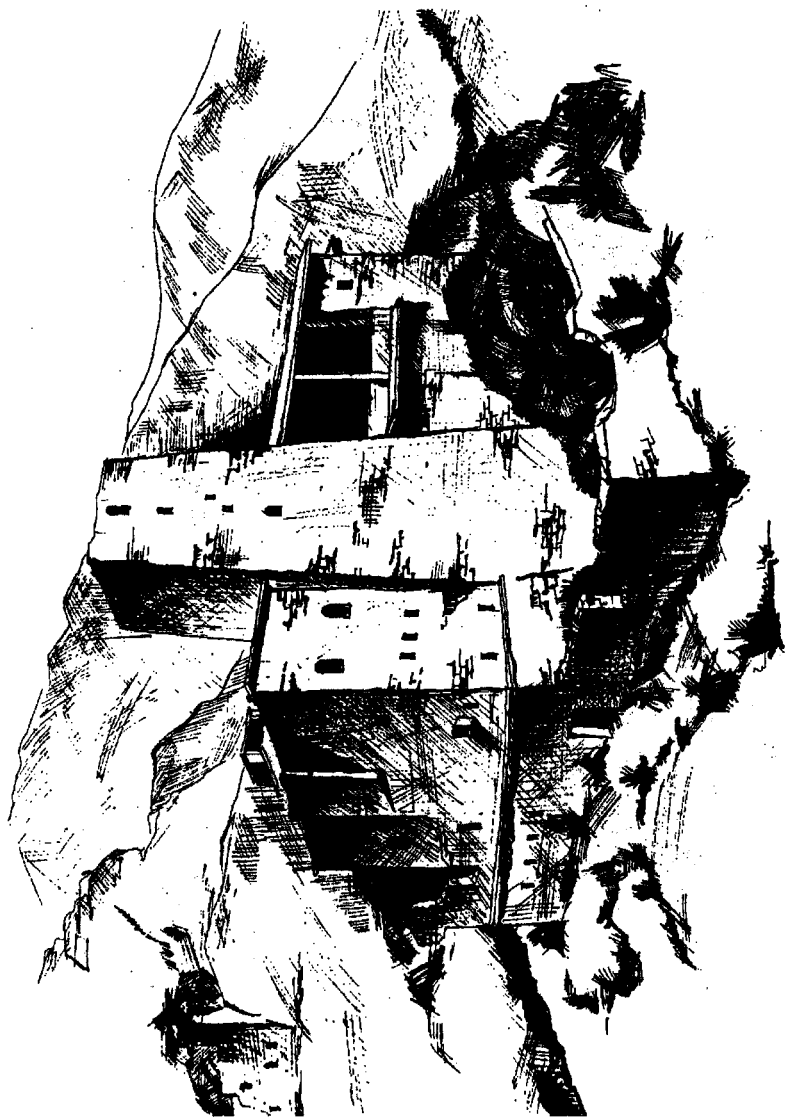

Рис.63. Родовой комплекс в с.Хотонда

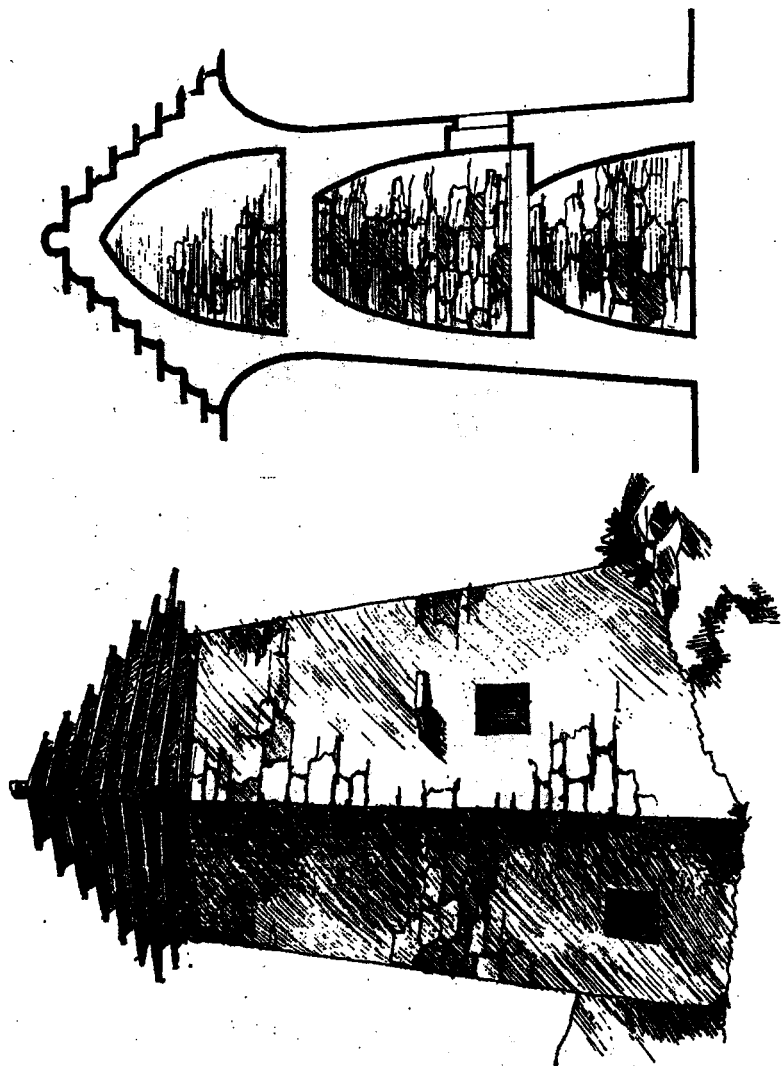

Рис.64. Родовой башенный склеп в с.Таргим (Ингушетия):
 а - общий вид;
 б - разрез

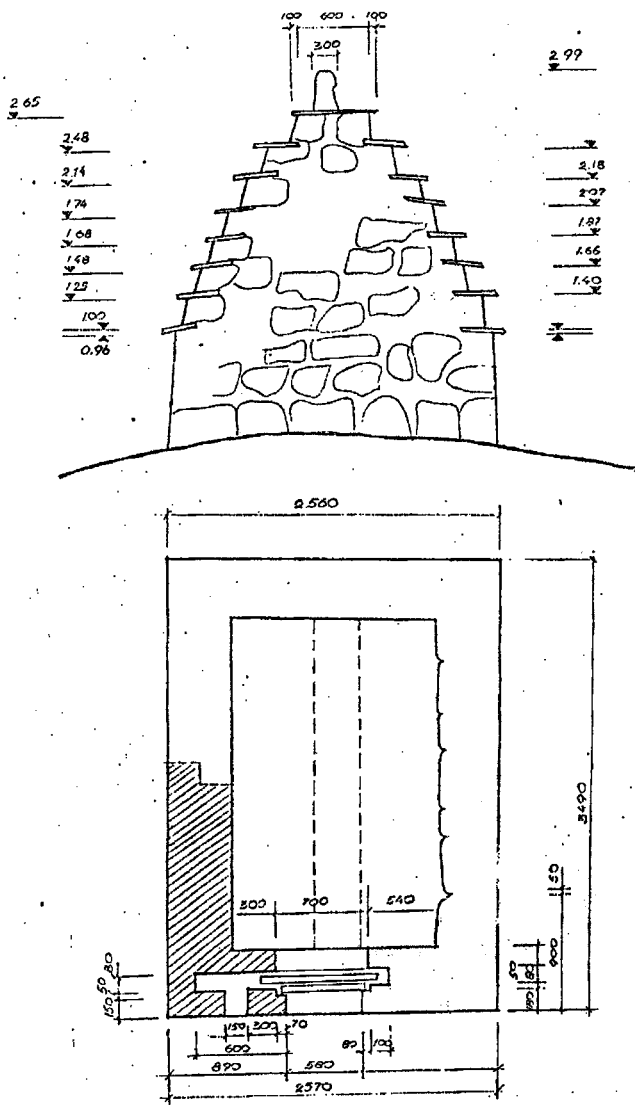

Рис. 66. Склепы в с. Даргавс

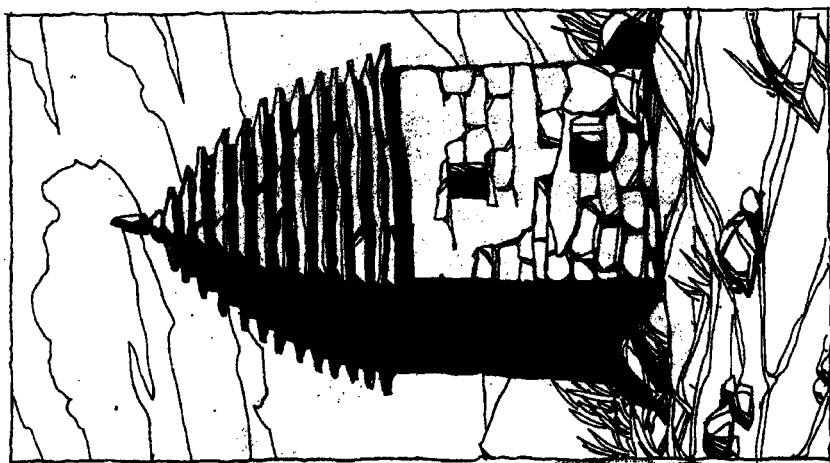
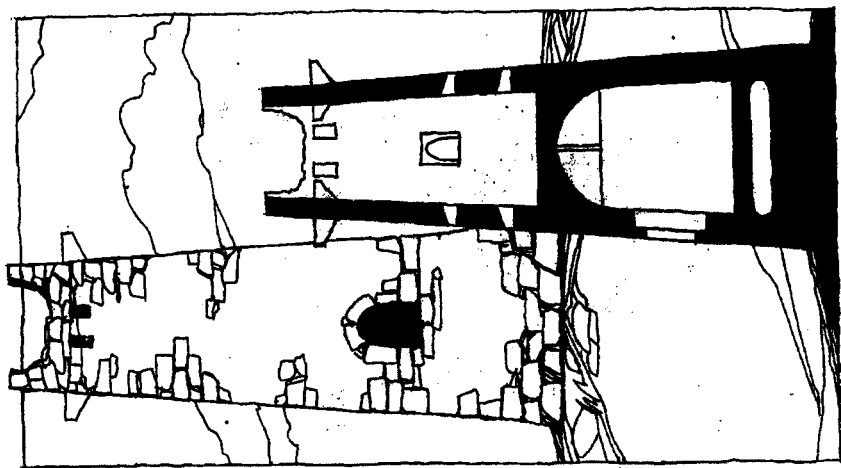

Рис.69. а - родовой башенный склеп (типичный);
б - родовая-боевая башня в с.Даргавс

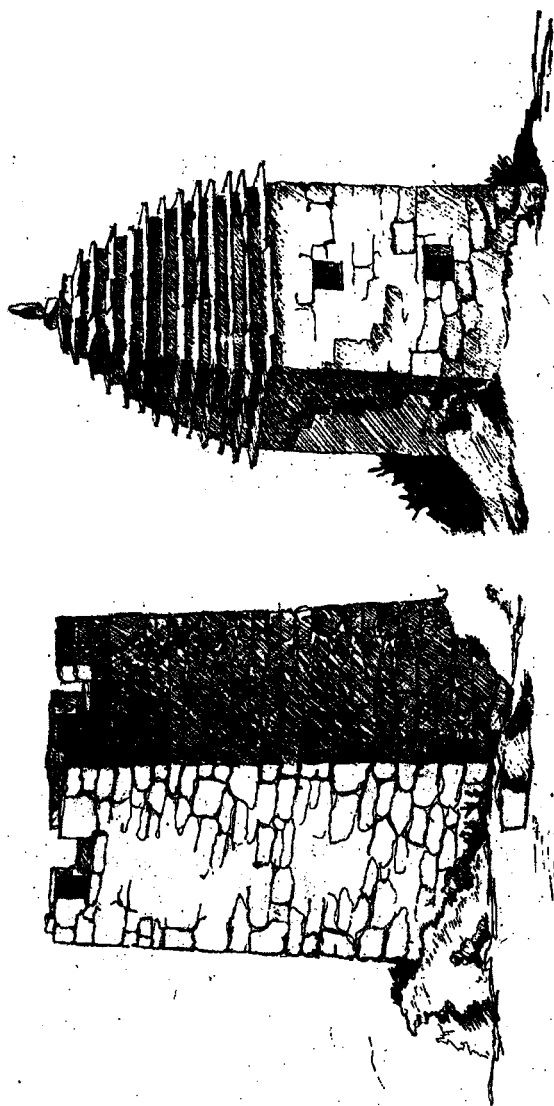

Рис.70. Гробницы с плоской и пирамидальной кровлей в с.Эгика

Рис.71. Комплекс родовых башенных склепов близ с.Латц

Сулименко Сергей Дмитриевич

БАШНИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(символизация пространства в домостроительном
творчестве горцев)

Редактор *Е.М.Кочиева*

Художник *В.А.Цагараев*

Корректор *И.Н.Кокаева*

Компьютерная верстка *И. Г. Разоря*

Сдано в набор 22.08.96. Подписано в печать 03.08.97. ЛР № 070843. Формат 60х84 1/16. Гарнитура шрифта Arial. Печать офсетная с готовых позитивов. Учетно-изд. л. 9,46. Усл. печ. л. 10,69. Тираж 500 экз.

Издательство «Проект-Пресс», 362040, г.Владикавказ, ул.Черноглаза, 7.
ИПП им. В.А.Гассиева, 362011, г.Владикавказ, ул.Тельмана, 16.